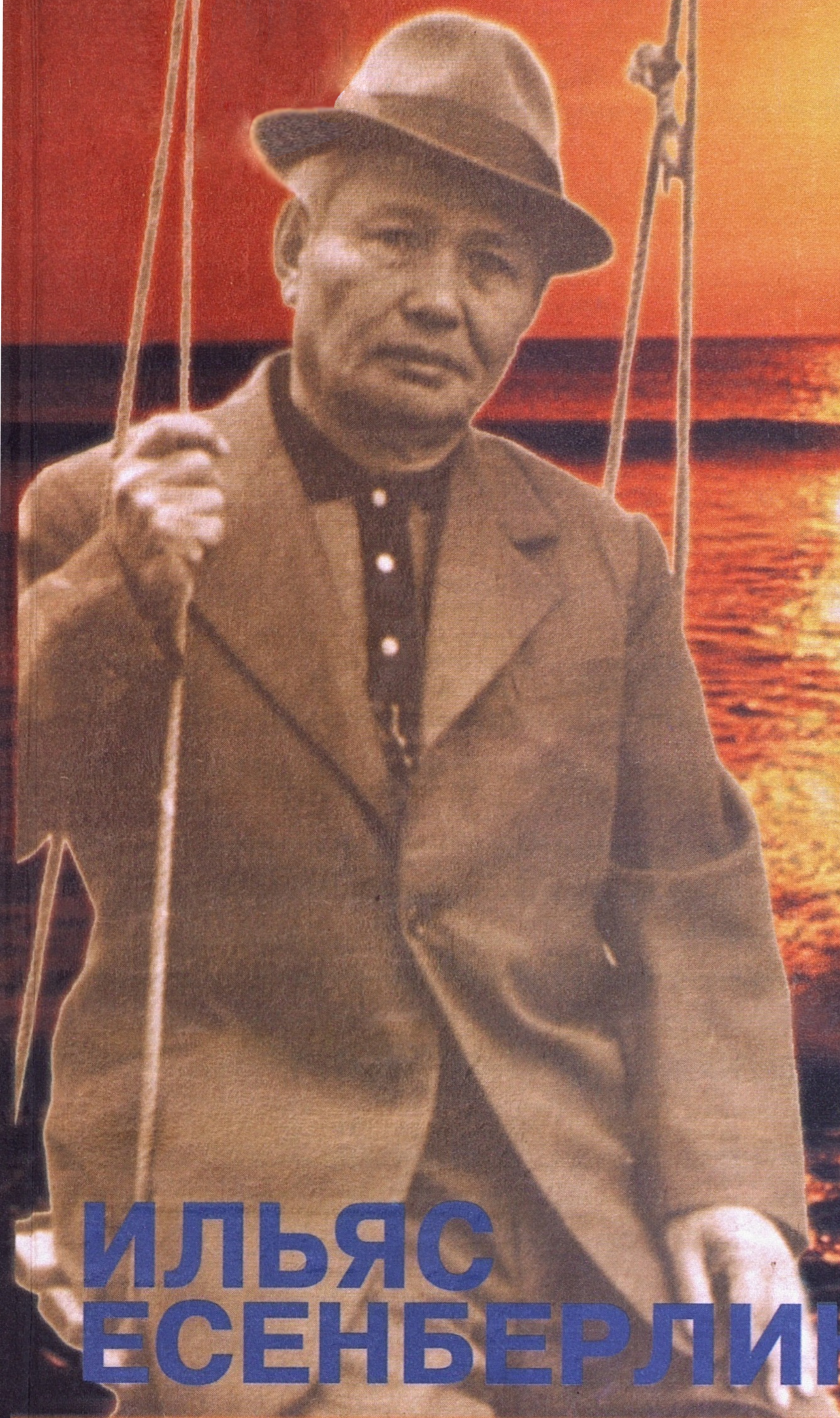
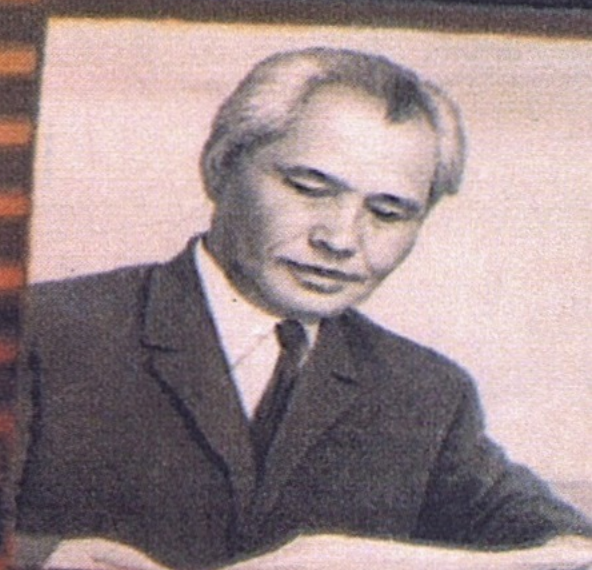

СОКРОВЕННОЕ

**ИЛЬЯС
ЕСЕНБЕРЛИН**

*МЫСЛИ. ИЗРЕЧЕНИЯ.
ВОСПОМИНАНИЯ.*

Ильяс Есенберлин не только крупнейший представитель казахской литературы, но и яркая личность, занимающая достойное место в истории казахского народа. Среди казахских писателей он, пожалуй, первым посвятил своё перо сложной и острой теме борьбы казахского народа за национальную независимость и обретение государственности.

Нурсултан Назарбаев

Ильяс Есенберлин имеет особое место в казахской литературе, навсегда останется в памяти народа. Я издавна знал Илекена, как человека несуетливого и основательного во всем. Меня привлекала его врожденная скромность, простота и мягкость в общении. Я всегда восхищался внутренней культурой Илекена, чистотой его души.

Ильяс Есенберлин — это чистый, глубокий источник для своего народа, и его имя бессмертно, а слово писателя-творца никогда не померкнет.

Динмухамед Кунаев

Главное, однако в том, что книги Ильяса Есенберлина обладают своей ценностью и литературной судьбой независимо ни от прошлых, ни от сегодняшних конъюктур.

Чингиз Айтматов

Ныне уже невозможно представить казахскую литературу без Ильяса Есенберлина, а анализ и осмысление многовековой истории нации невозможны и неполноценны без внимательного взгляда в страницы его романов.

Ануар Алимжанов

В мире литературы много холодно блестящих звезд. Но Ильяс Есенберлин совершенно своеобразная яркая звезда, излучающая из себя и свет, и энергию, и тепло.

Азильхан Нуршаихов

Творчество Ильяса Есенберлина отвечает духовным потребностям возрожденного народа, который хочет знать художественную правду о своем прошлом и настоящем.

Хасен Адибаев

Я в своей жизни видел двоих людей, не боящихся никого. Первый Ильяс Есенберлин... Он был человеком полный великодушия, прямоты и честности.

Мухтар Магауин

Я восхищаюсь смелостью Ильяса Есенберлина-первопроходца исторической темы. Понимаю величие замысла его книг и беззаветную любовь к своему народу.

Кабдеш Жумадилов

Приходит время умирать человеку и уже ничего нельзя ни поправить, ни вернуть. Смерть бездушна и приходит всегда не вовремя, хоть живи сто лет. Если бы у смерти была душа, она устыдилась бы тех проклятий, которые шлет ей человечество. Но сколько бы ни прожил человек, после него всегда останутся несбывшиеся его мечты... Поэтому в памяти Бога и людей жизнь каждого человека оценивается не прожитыми годами, а делами, свершенными им.

Ильяс Есенберлин

ИЛЪЯС ЕСЕНБЕРЛИН

СОКРОВЕННОЕ

Мысли. Изречения. Воспоминания.

Составитель Козыкорпеш Есенберлин

Алматы — 2001

ББК 84 (5 Каз)

Е 82

Есенберлин И.

Е 82 **Сокровенное: Мысли. Изречения. Воспоминания.— Составитель
Козыкорпеш Есенберлин.**

Алматы: Фонд им. И. Есенберлина, 2001— 280 с.

ISBN 9965-01-797-2

**Е 4702250201
00 (05)-01**

ББК 84 (5 Каз)

ISBN 9965-01-797-2

© Фонд им. И. Есенберлина, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек приходит в этот мир и уходит из него, а после него остаются только его дела и память о нем.

Ильяс Есенберлин оставил нам в наследство свои дела – прекрасные книги. В них все его: взгляд на жизнь, чувства, душа, мысли...

Последние годы своей жизни он стал вести записи, в них были его самые сокровенные мысли, изречения, наставления для молодежи, все то, что хотело сказать его измученное сердце. Что главное в жизни человека, как сделать жизнь прекрасной – вот главный лейтмотив его размышлений.

Вспоминая сегодня Ильяса Есенберлина, перед нами словно проплывает огромная река его трудной и сложной жизни со своими разливами и водопадами. Его река жизни благополучно приплыла к своему океану, он не променял свою жизнь на мелочи и суету, он сделал главное, и это мы видим сейчас в его мыслях и изречениях. Вы держите в руках книгу, в которой Вам откроется мир писателя, его любовь, страдания и мечты.

Уже скоро двадцать лет как нет среди нас любимого человека и писателя Ильяса Есенберлина, но память о нем жива в наших сердцах. В этой книге “Сокровенное” впервые Вы сможете прочитать его главные мысли, которые переполняли его сердце, и перед Вами откроется прекрасный мир любви – писателя – творца. Ум и сердце которого до конца было отдано своему народу.

Общественный фонд имени Ильяса Есенберлина

МЫСЛИ И ИЗРЕЧЕНИЯ

МЫСЛИ И ИЗРЕЧЕНИЯ

Ильяса Есенберлина
написанные в последние годы его жизни
(1976—1983)

ЛЮБОВЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Я восхищаюсь человеком. Но не в связи с открытием Америки, и не открытием закона всемирного тяготения или полетом в космос, а чисто по умению любить и делать добро, умению быть справедливым, умению страдать за чужое горе. Ибо не первое делает человека человеком и Вечным, а второе — иначе погибло бы все... Даже, если бы не было самых великих открытий — все равно человечество выжило бы, а если не было любви — оно погибло бы немедленно.

ЖИЗНЬ И СЧАСТЬЕ

Один из основных принципов счастливого будущего — это всеобщая доброжелательность. А недоброжелательность, к сожалению, существует и в наши дни. Это проявляется по-разному. Одни начальники затыкают рот тем, кто хочет говорить правду, другие не дают расти способному молодому человеку. Для творческого работника — самое большое несчастье — отказать ему в творчестве.

ПИСАТЕЛЬ И ОБЩЕСТВО

Тут, конечно, вся суть в личности писателя. От того, что он видел в жизни, что знает о ней, о людях, что сохранил в памяти, какой тревогой томим, какова его гражданская, нравственная позиция, таково будет его и творчество.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Почему сейчас я больше всего увлекаюсь историей? От того ли, что современная жизнь мне не интересна? Нет, вовсе нет! Я люблю сегодняшний день, сегодняшнюю жизнь. Все это жизнь моих потомков. Я сейчас оглядываюсь назад потому, что мои знания от этого становятся содержательней, мой кругозор — шире. Когда я не знал жизнь, не думал об истории, а сейчас... Дерево чем выше поднимается, тем глубже его корни уходят в землю. Так и человек. Чем больше он думает о будущем, тем больше хочет знать о прошлом. Иначе не построить будущее.

ПИСАТЕЛЬ И ОБЩЕСТВО

Когда писатель долго занимается историческим исследованием далеких времен, то люди и события прошлого сами собой материализуются в его сознании. И он видит за всем этим только человека. Так произошло и со мной. Изучая события XIX века, связанные с ханом Кенесары, я увидел

за всеми этими событиями исторического прошлого трагедию человека. Со всем его сложным характером, успехами и неудачами и написал роман о нем, не оправдывая его, написал как он есть.

ЛЮБОВЬ И МИР

По-моему, нет большего сокровища на свете, чем любовь.

О ПОЗНАНИИ МИРА

Герберт Уэллс в романе «Война миров» рассказывает о пришествии марсиан на землю. Прибыли они для завоевания нашей планеты с вооружением, далеко ушедшим от нас в развитии науки и техники. Но вот, что интересно: марсиане не ведали колеса! Законы развития личности и познания мира далеко не всегда соответствуют друг другу.

О ХАРАКТЕРАХ ЛЮДЕЙ

Бездарность всегда ищет и находит только чужие недостатки.

ЧЕЛОВЕК И ЧУВСТВА

Неуправляемость чувств — самое дурное качество.

ПИСАТЕЛЬ И ТАЛАНТ

Только у истинного писателя превосходство таланта другого писателя может вызвать

восхищение, но этот же факт у бездарного вызывает зависть. Карлики всегда невысокого мнения о великанах.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВИТЕЛИ

Зараженные самой страшной и неумолимой болезнью “власти”, правители перестают видеть мир в истинном свете. Слепы становятся они и верят только в свое великое предназначение. Им кажется, что они повелевают историей. А между тем, это самые обыкновенные и, чаще всего, заурядные люди. Безграничная власть съедает их ум, мешает трезво оценить обстановку, вникнуть в суть происходящих событий. И легче всего в этой обстановке думать о том, что не находились рядом умные люди. В один прекрасный день лишь позолоченная шелуха остается от всего этого, и пропасть разверзается под ногами у целого народа.

ПРАВИТЕЛЬ И ВЛАСТЬ

Львиное сердце должно быть у того, кто правит людьми и берет на себя ответственность за них перед Богом.

ЖИЗНЬ И ЧЕЛОВЕК

До чего мудр мой бедный народ! Кроме тебя, кроме казаха, никто эту жизнь не назвал “жалган”, то есть обманом и миражом. Действительно,

ты жизнь оказалась обманчивой, быстротечной... Прошла, как один миг...

ЧЕЛОВЕК И ВИНО

В судьбах людей, даже целых народов заметное место всегда отводилось вину. История знает примеры, когда государство из-за того, что его подданные слишком любили вино превращалось в прах и навсегда исчезало с лица земли. Могущественные страны, завоёвывая земли более слабых соседей, вместе с насилием, творимым оружием, кроме обычной жестокости, несли вино. Захватчики, не добившись желаемого оружием, подчиняли людей религией, обычаями и опять же вином. Страшным бедствием для народов, у которых еще не сложилась государственность, было и есть вино.

ЧЕЛОВЕК И ЛЮБОВЬ

Нет на свете чувства сильнее, чем любовь. Ради нее трус может стать героем, а человек, не знающий грамоты, сложить прекрасные стихи.

ЧЕЛОВЕК И ЖИЗНЬ

Жизнь человека схожа с морем. И в ней много таинственного и непонятного, а жизнь каждого человека подобна волне, стремящейся к берегу, где ее ждет конец, а может бессмертие. На

смену одной волне придет другая. И так будет до бесконечности.

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ

Будут ли деяния человека добрыми или злыми, порой не зависит от него самого. Трудно бывает человеку, держащему в своих руках повод власти. Все стремятся приблизиться к подножию его трона и, поскольку, нелегко отличиться в ратных делах, стараются стать заметными, говоря громкие и льстивые слова. Горе правителю, если в душе его поселилась горькая змея тщеславия, и он не может отличить, где правда, а где грубая лесть и ложь. Постоянно думая о своем величии, правитель жадно ловит сплетни и слухи, и сердце его начинает изнывать от подозрений, а решения становятся случайными и несправедливыми.

ПРАВИТЕЛЬ И НАРОД

Нет на свете большего горя для народа, чем то, когда счастье вдруг улыбается недостойному человеку и возвышает его над ним. Нет того числа несчастиям и невздам и никто не может помочь людям, потому что их правитель думает только о своей славе и личном благополучии.

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ

Но чем выше поднимается по лестнице славы человек, тем больше становится у него врагов.

ГОСУДАРСТВО И ВЛАСТЬ

Как пирамида строится государство. Если вытащить из нее один камень — повалятся остальные.

ОТНОШЕНИЯ ЛЮДЕЙ.

Известно, что нет на свете труднее задачи, чем разрешить межродовые распри казахов.

СЧАСТЬЕ И ЛЮБОВЬ

Человек понимает, что счастье призрачно. Ни золото, ни дорогие одежды не дадут настоящего счастья, если нет в жизни любви. А то, что бывает в жизни часто вовсе не любовь, а страсть к славе, власти и богатству. Она затуманивает, закрывает от человека главное — любовь, ради чего стоило и надо жить.

ЧЕЛОВЕК И ПАМЯТЬ

Каких только мы не встречали в жизни людей: и хороших, и плохих! Многих мы потом забываем. И лишь немногие остаются в нашей памяти навсегда. Облик таких людей точно отлит из золота. И не потому, что золото — драгоценный металл, а потому, что оно не тускнеет. Оно теплое, точно живое ...

ЧЕЛОВЕК И СТРАДАНИЯ

Страдание — это словно серая змея, которая прячется внутри тебя и грызет, грызет. Избавиться от нее можно только вместе с причиной, приносящей горе. А если сделать этого нельзя? Тогда человек привыкает к своему страданию. Оно точит и точит, но ты притворяешься, ты не хочешь замечать его. И порой так оно и кажется на самом деле, будто у тебя все хорошо. Пока змея вдруг снова не напомнит о себе...

ЖИЗНЬ И ЛЮБОВЬ

Начинать новую жизнь — значит полюбить заново, потому что нет жизни без любви.

ЧЕЛОВЕК И ЛЮБОВЬ

На свете не много найдется людей, которые способны пронести любовь через всю жизнь. Они стареют, дряхлеют, но сердце их, отмеченное следами инфарктов по-прежнему полно любви. Эти люди напоминают мне хранителей бесценных сокровищ. Потому что, по-моему, нет большего сокровища на свете, чем любовь. Таких людей можно назвать хранителями вечной любви.

ЭГОИЗМ И ЛЮБОВЬ

Маленький червь, пробравшийся в сердцевину дуба еще в годы его молодости, в конце концов, подточил гиганта. Так червь эгоизма год от года

точит душу некоторых людей, они хотели получить спокойную, безмятежную жизнь... Жизнь часто сравнивают с океаном, где ясные дни и полный штиль внезапно сменяется ураганами. Этот океан побеждает лишь тот, кто смело управляет парусом любви. Горе малодушному, который, вверяя свою судьбу в руки эгоизма, прячется на дно судна, чтобы не видеть грозных волн! Но без любви твое маленькое суденышко никогда не выкарабкается в житейских волнах безбрежного океана жизни.

МЫСЛИ О ПЕСНЯХ

Я думаю, что нет человека, который не любит песни своего народа. Они говорят о печали или радости, о любви или ненависти, о встрече и разлуке... Все чувства человека отражены в народных песнях. Но песни говорят о большем. Это интеллектуальная жизнь народа, его недовольство настоящим, его мечты о будущем, его надежды. Все большие исторические события обязательно отражаются в песнях, ибо в них народ как бы осознавал самого себя. Вот именно поэтому я люблю слушать наши народные песни. И совсем не потому, что я казах, т.е., вернее, не только потому, что я казах. И первое, о чем я думаю, когда слушаю такую песню, — это чью же радость или печаль передает мне она? Кто смеялся или плакал,

сочиняя ее? Потому что создатель такой песни не только весь народ целиком, но и еще какой-то конкретный человек в отдельности. Ликующий или страдающий. Он долго ходил, думал, страдал или радовался, и вот, наконец, его чувства отделились от него и превратились в песню, и народ подхватил эту песню и понес ее дальше, и все страдающие и радующиеся тоже присоединились к этому шествию. В этом слиянии народа и человека заключается, по-моему, та великая тайна, которую я и стараюсь угадать.

РАДОСТЬ И ЛЮБОВЬ

Кто сказал, что мучительная любовь тоже не радость? Радость, радость конечно! Горькая, скорбная, но такая же светлая и сильная, как и все, что есть в любви.

ЖИЗНЬ И СЧАСТЬЕ

Счастье — цель жизни, но оно иногда простирается и дальше самой жизни. Бывает так, что счастье и жизнь несовместимы. Тогда приходится отказываться от жизни. Если счастье идет дальше смерти, то, вероятно, это одно из средств человека победить смерть. Счастье — понятие динамическое, а не статическое, оно не останавливается на достигнутом, а требует и дальнейших побед, дальнейшего движения вперед. Чтобы сохранить счастье — нужно все время завоевывать новые вершины.

ЧЕЛОВЕК И БОГ

О создателе надо судить по миру, который он сотворил. Стареешь ты и все равно смотришь на этот мир, как в первый день, когда открыл глаза. Все связано с твоей жизнью: ковыль у обочины, струящийся под ветром; мышка, спешащая в нору, камень, изъеденный ветром и пыль, которая когда-то была камнем,— все в тебе и с тобой. Но как же тогда смерть? В чем тайна? Мир во мне и со мной, пока я жив. День за днем, год за годом катится жизнь, проносится, словно степь под копытами крылатого скакуна, и ты летишь, небрежно покачиваясь в седле, весь захваченный неотвратимым движением. Вечной кажется жизнь. Как земля, на которой ты родился, солнце, что с первой секунды тебя согревало. Небо, под которым ты любил. Но нет — нет и напомним о себе смерть, что бьет неожиданно и покрепче любого батыра.

ЖИЗНЬ И СЧАСТЬЕ

Несомненно источник печали и радости всех людей — наша жизнь. Она может быть сложна и трудна, но все равно всегда прекрасна, как и все что создал Бог.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Законы природы просты и вместе с тем сложны. Человек всего лишь часть природы. Мыслящий

тростник. Задача человека, вернее, его разума — добиться согласия со всем, что его окружает. С горами и равнинами, зверями и птицами. Ведь, если разобраться, будущее, к которому стремишься, ради которого работает человек, должно быть таким же гармоничным, как вот эта дымящаяся прохладой, живая земля.

ЖИЗНЬ И ВЕЧНОСТЬ

Море и степь рядом. Они вливались друг в друга, отрешенные, равнодушные к людским жизням. Наступал Каспий — уходила под воду степь. Отступая, вода обнажала морское дно, и первая красноватая, но все одно земная трава поселилась там, где недавно еще плавали рыбы. И так век за веком — тысячелетия, которые всего лишь миг для создателя моря и степи. Что же можно сказать о человеческой жизни, если забывались целые народы, угасавшие в этой пустынной стране?

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

Отдельные человеческие жизни, прошедшие через века, были всего песчинками, но свет — тот, что сиял над миром или пылал в светильнике, — незыблемо и вечно освещал путь поколениям наших предков. Творческая воля и гений степняков вовсе не были раздавлены суровыми испытаниями. Более того, искусство было для них одной

из форм борьбы. Казахский народ сумел сохранить и развить дальше древнюю цивилизацию, созданную кочевниками азиатских степей. Наши предки никогда не забывали прошлое, но и не отворачивались от настоящего, четко сознавая свое место в мире... Огонь в светильнике горел всегда.

ЧЕЛОВЕК И ЗНАНИЯ

Живет человек долгую жизнь, а все узнать все равно не успевает. Но вечное стремление к знанию — в этом главная загадка человека. Подумать только: вот умирает человек. Вокруг, где он лежит собрались близкие люди. Человек через мгновение испустит последний вздох, но взор его попрежнему горит: в нем жажда жизни, а значит, познания. Что из того, что годы его прошли в трудах, муках или нескончаемой суете? Человек и умирая все равно любит жизнь.

УМ И СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕКА

Тот, кто умом и сердцем может понять другого, кто умеет многое увидеть и осознать, по-настоящему счастлив. Щедрость души и разума делает человека богаче, возвышеннее и прекрасней. И конечно, жалок тот, кто создал в душе мирок, маленький всего с собственный кулачок, и живет в нем, любит себя им. Собственная слава, корысть и карьера — вот идола, которым молится этот

несчастный. Он не может смириться с тем, что талантом и призванием Бог награждает не каждого, что эти качества нельзя купить ни за какие сокровища. Изводится черной завистью к таланту человека, организовать мелкую травлю и ранить его душу сплетнями и наговорами — удел таких людей.

ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ

Романы, повести, поэмы все творения настоящего художника порождены его творческим порывом. Но прежде чем этот священный огонь вспыхнет в сердце писателя, он многие годы вынашивает свое детище в душе до полной зрелости. Время порождает своего читателя, современника автора. И, возможно, твой читатель — современник давно уже ждет от тебя книгу под стать своим помыслам и делам. Надо помнить, что читатель и писатель — два самых близких сопереживателя тех событий, о которых повествуется в произведении. Читатель никогда не простит “своему” писателю ни единой фальшиво звучащей ноты. Поэтому, если уж ты решился вынести свою книгу на суд народный, то хорошенько обдумай все. На то ты и писатель.

ЧЕЛОВЕК И СОВЕСТЬ

В каждом возрасте у человека есть свои радости. Перед натиском и дерзостью молодости жизнь

щедро открывает свои тайны. Молодого человека зовет к подвигу мечта сказать миру еще никем не сказанное. В зрелые годы человек счастлив от сознания того, что позади жизнь посвященная честному труду ради людей, ради своих детей. Радость детей, становится твоей радостью, горе детей — твоим горем и нет в старости счастливей человека, который дал своему сыну крепкие крылья, светлый разум и горячее сердце! И это — основная цена прожитого. Но есть и еще одна мера счастья — чистые, незапятнанные ни предательством, ни обманом честь и совесть человека.

ЧЕЛОВЕК И НАУКА

Не каждый человек, пришедший в науку, становится настоящим ученым. Не все новое живет. Часто поспешные открытия становятся старыми уже сегодня. Науке, в первую очередь, нужен талант. Настоящий. Не просто знания. Их-то можно приобрести, а вот талантливый надо родиться. Любая наука — что воды быстрой реки. Борясь с волнами ее, противоположного берега достигает не каждый. Иные, войдя в реку, начинают плыть по течению. Наука не терпит приспособленцев.

ЧЕЛОВЕК И ИСТИНА

Кто идет против истины, тот, прежде всего, идет против самого себя.

О ПРОФЕССИИ

Я думаю, самая трудная профессия в мире — это писатель. Тут уж нет никакого прикрытия. У полководца — армия, у ученого — лаборатория, сотрудники, у артиста — режиссер и зритель, а тут ничего, кроме чистого листа и ручки. Вот поле сражения писателя, вот его армия. Если есть силы, иди в наступление. А если сила творчества настоящая, то есть наступления и победы. Весь мир можно завоевать ручкой. И как завоевать. Навсегда! Так что ни время, ни пространство уже не подвластно этим завоеваниям.

ИСКУССТВО И ПИСАТЕЛЬ

Настоящий писатель просто не может не писать. И не писать именно то, что он задумал. Он может только одну книгу, пусть не особенно яркую, пусть даже посредственную, но такую, какую кроме него написать не смог бы никто. Настоящий писатель — всегда неповторим и единственен. На него никто не может быть похож. Вот это и есть самое главное — быть неповторимым. Литература — искусство. А искусство не терпит поточного метода, оно требует индивидуальности, т.е. неповторимости. Это как почерк, его не подделаешь и не спутаешь.

О КАЗАХСКОМ НАРОДЕ

Казахи действительно героический народ. Тяжела и горька была судьба этой степной страны,

расположенной на стыке между Востоком и Западом. Многочисленны ее беды. Но она с честью вынесла все эти испытания, никому не отдав своей земли. Семьсот лет непрерывных войн с захватчиками. И многие из них погибли, растворились, а некоторые даже ушли в историческое небытие, а мы остались. Кризис наступил только в последние десятилетия XIX в. Вот тогда действительно мог наступить национальный крах, народ колебался, умы волновались, их тянули то в одну, то в другую сторону, до катастрофы было совсем недалеко. Но все обошлось.

ДИАЛЕКТИКА И ИСТОРИЯ

История это не только сумма слагаемых, а нечто совершенно цельное, единое, несмотря на то, что огромную силу в ней, зачастую, приобретает случай. Но в том-то и сущность ее, что все эти факты текут, сливаются друг с другом как капли дождя или ручейки от таяния льдов, чтобы слиться в огромную реку времени, которая орошает землю. А потом появляются сады, луга, города, и люди удивляются откуда это чудо. Вот этот процесс незаметного накопления мелких величин, катастрофический взрыв их, когда они достигают критической массы, затем пора равновесия и расцвета — все это и есть великолепная диалектика истории.

ИСТОРИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Казахстан не только никак не выкинешь из истории человечества, но даже и саму историю человечества нельзя понять без учета того, что происходило в казахской степи.

ПИСАТЕЛЬ И ЛЕТОПИСЬ

Древняя летопись — это отнюдь не всегда спокойное размеренное повествование, часто это больше поэма. А устная летопись еще более поэтична. Обращаясь к ней, писатель как бы устанавливает для себя и читателя иную правду — не хроникальную, а песенную, легендарную, порой даже сказочную. У этой летописи — народной памяти — иная система отсчета, другие законы. Согласно этим законам конь батыра легко перемахивает через строй вражеской конницы, а сам батыр запросто вырывает с корнями столетний дуб. При этом реальная историческая действительность сохраняется, она лишь расширяет свои рамки, становится не только вещественной, но и духовной. В этот мир верили наши предки, и в этом мире они жили. Его границы были шире, его возможности понимания безграничны. Дело писателя представить этот мир читателю так, чтобы он в него поверил и так же как верили в него наши предки.

ВДОХНОВЕНИЕ И РАБОТА

Главное в любой работе — вдохновение. Без него-то ведь ничего не создашь. Нет вдохновения — и лопата падает из рук строителя, и кузнец бросает свой молот, тушит горн и уходит куда глаза глядят — лишь бы не работать. Потому что без вдохновения работа становится непосильной обузой, непереносимой тяжестью! Несправедливо, что люди наделили вдохновением только творческие профессии художника, артиста, поэта, начисто отказали в нем агроному и инженеру! Любая работа человека требует вдохновения, творческого порыва.

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Коротка у людей память и немощна их благодарность, и то, и другое мало тянет на весах истории. Сиюминутно их перевешивают более тяжелые грузы — успех, деньги, карьера, слава. Но существует, конечно, другие весы — правильные, точные, только вот беда — по ним нас будут взвешивать и судить не современники, а потомки, которых сейчас мы даже представить как следует не можем!

ПИСАТЕЛЬ И ПАМЯТЬ

У настоящего писателя нет ничего кроме мысли и слова, но ими он покоряет все: и время, и пространство, и смерть, и жизнь. Были бы только

силы и умение. А великие ученья разве тоже не покоряют пространство и время? Эвклид, Ньютон, разве не остались навеки в памяти человечества? Остались, но только в памяти. Был Эвклид, была эвклидова геометрия, пришел Лобачевский и открыл неэвклидову геометрию. А Гомера-то и сегодня читают и чтут как современника. Был Ньютон, создал теорию всемирного тяготения, пришел Эйнштейн со своей теорией относительности, и открытие Ньютона оказалось уже частным случаем этой теории, честь им и хвала, но они — история, история человечества. А вот современник Ньютона — Джонатан Свифт, это уже мой современник, его не только чтут, но и читают, переиздают, экранизируют, любят. И так везде. От ученых остаются имена и открытия, т.е. история и память, а от писателей — книги жизни, т.е. это часть меня самого, моего бытия. И чтобы достигнуть этого писателю нужно только одно, но труднейшее — быть хорошими современниками. Потому что хороший современник своего века — это современник и всех грядущих веков.

КАЗАХСКАЯ ЖЕНЩИНА

Характер народа определяет женщина — мать. Женщины каждого народа в действительности определяют национальный характер.

Пожалуй, на всем Востоке не отыскать более вольнолюбивой и свободной женщины, чем у казахского народа. Она никогда не прятала лица

за тугой сеткой чадры, умела любить и бороться за свою любовь, не боялась вместе со старейшинами держать совет, а в случае надобности брала колчан со стрелами, короткий и кривой, садилась в седло. Казахские легенды и предания сохранили много имен отважных и мудрых женщин.

НАРОДИ ПИСАТЕЛЬ

Настоящий писатель острее других чувствует чужую боль, в особенности, если это боль целого народа. Надо понять главное — чувствовать острее не значит чувствовать глубже. Просто есть люди, которые не любят громких слов, которым кажется, что и само слово бессильно там, где нужны конкретные дела. Эти люди готовы отдать все, что у них есть — благополучие, место в жизни и, наконец, когда это понадобится и саму жизнь. Кто не любит другой народ, тот и свой народ никогда по-настоящему не любил. А кто любит свой народ, тот не может не любить и другой. Потому что понятие любви к своему народу — это, все-таки, понятие частное от любви к человечеству в целом и человеку в отдельности. Поэтому это чувство недоступно националистам, как бы они о нем не кричали. Их любовь показная, они прикрывают ненависть и равнодушие ко всему, что не похоже на них самих.

Главное в жизни писателя его народ. Если писатель не нужен своему народу, то он никому не нужен. Даже себе.

О КАЗАХСКОМ КИНО

Чрезмерно быстро и легко казахский кинематограф примирился со своей второстепенностью, с тем, что мы не Москва и не Ленинград, а самая обычная средняя киностудия. Я никогда не приемлю то, как говорят некоторые, что казахи не только никогда не дорастут до своего Эйзенштейна и Пудовкина, но и то, что имеют потеряют быстро. В искусстве стоять нельзя, если встанешь, значит обязательно очутишься позади — таков закон. И в наших картинах действительно было все — высокий профессионализм, счастливые находки, прекрасная игра актеров, но не было подлинного озарения, нет ничего такого, после чего зритель уходит взбудораженный и потрясенный, и даже не может понять, что с ним случилось. Пока такого нет, но, несомненно, будет!

ЛЮБОВЬ И ХРАБРОСТЬ

Чтобы стать героем необязательно быть храбрым. Разве были храбрыми Джульетта и Баян-Сулу? Наоборот, это были всего-навсего слабые, нежные, пугливые девушки. Они, наверное, могли горько расплакаться от любого пустяка — порезанного пальчика, потерянного колечка, обидного слова. Но за свою любовь они, не задумываясь, пожертвовали жизнью. И поэтому в памяти людей на многие века, вернее, до скончания веков, стали

примерами великого мужества и самоотверженности.

Это верно и есть самое главное — быть верным себе, соглашаться жить только так, а никак иначе, стоять на своей правде до конца, не раздумывая жертвовать за нее головой, вот кто может быть таким, тот обязательно станет героем, даже когда он не хочет этого.

О СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Хотя лет мне уже сейчас не мало, а за свою главную книгу я так еще и не принимался. Я думал о ней давно. Да и думать было о чем, ведь я хотел создать не роман, а эпопею. И охватывать эта эпопея должна была не какую-нибудь отдельную жизнь, и даже не одну историческую эпоху, а все основные, так сказать, творческие этапы нашей истории от средневековья до современности. И вот еще какая мысль у меня возникла: казахи никогда не вели летописей, не было у них историков. Были только устные предания и песни, могучий казахский эпос. Но как всякий фольклор, он требовал анализа, проверки, сличения с другими письменными свидетельствами и документами. И проверять их надо кропотливо, исходя из письменных памятников соседей, друзей и врагов — вот именно это я и собираюсь сделать: создать первую художественную историю моего народа. Задача была трудности необычайной, но именно

это и окрыляло меня. Я отлично понимал, что факты, взятые отдельно, которые не что иное, как просто игрушки, а факты, взятые во всей цельности и в своей совокупности, которые, безусловно, вещь доказательная.

НАРОДИ ИСТОРИЯ

Историю нельзя ни упрощать, ни улучшать, иначе получится путаница и неразбериха. Каждый должен получить свое. Вот, например, жестокий и беспощадный хан Абулхаир — типичный Чингизид. Он обрушивается со всей своей конницей на ослабленные феодальными распрями оазисы Средней Азии. Он сжигает, рубит, режет. Кончается это страшным разгромом и поражением созданной им империи и образованием отдельного казахского ханства Джаныбека и Керейя. Конечно, это были только ханы, и народ они звали попросту “импрам” — идиома эта неперевоидима, но по смыслу она очень напоминает презрительное римское “плебе” — патрицианское словечко, происходящее от глагола “плео” — наполняю, набиваю горшок или мешок доверху, и обозначает собой массу, слепое, одноликое множество, безличную плазму, кашу из человечины. Однако, без плазмы этой все-таки ничего не сделаешь, и поэтому считаться с ней приходилось. Это было верно для Рима, как и для Казахской степи. Воевала, побеждала и умирала все-таки черная кость, а никак не голубая кровь.

ЧЕЛОВЕК И ИСТИНА

Как можно понять истину. Жизнь одна, истина одна. Если хочешь познать ее — подходи к ней с чистыми намерениями. Другого пути нет. А чистые намерения — это, прежде всего, чистая совесть.

ПУСТЫНЯ И МОРЕ

Пустыня и море очень похожи: песчаные барханы напоминают застывшие волны. Но связь между пустыней и морем еще глубже. Как со дна Каспия не может вырваться ни одна галька, ни одна крупинка, если, конечно, человек не вычерпает их оттуда, так и из громадной пустынной гальки, лишенной стока, не уходит зернышко, ни один камешек, пока ветер не подхватит и не унесет отдельные пылинки. И море и пустыня как бы замкнуты в своих границах.

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

Время всегда в человеке и он всегда с ним. Время — прошлое, настоящее — вовсе не было неподвижным, застывшим, как цифры на часах. На самом деле оно двигалось, дышало, билось с ним вместе, рядом и в нем. Время кончается для человека и страх смерти это как одиночество, непреодолимое человеком. Но ведь с одиночеством человек не родился, а, постепенно старея, наживает его, как болезнь. И поэтому одиночество, как

и страх перед смертью, излечивается одним — любовью.

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ

Дорога! Дорога бесконечная, беспредельная, как надежда! А вокруг стелется бескрайняя степь. Казахская степь. Степь моих дедов и отцов. Моя родная степь!

Ошибаются те, кто считает степь скучной, однообразной. Мне она кажется живой и мудрой книгой, рождающей удивительные образы.

ЗЕМЛЯ И СОЗДАТЕЛЬ

Бог создал землю разумно, дав всему свои размеры. Глубокое озеро имеет дно, и у высоких гор вершина служит пределом. Даже человеческое горе — как бы ни было тяжело, все же ему даны границы.

ХАРАКТЕР И ЖЕНЩИНА

Недаром говорят, что женщины — создания полные загадок. Характер одних доступен для зубов словно яблоко. Другие тверды, как орех. И чаще кажется, что женщина — яблоко, а на самом деле она — крепкий орешек. Обычно каждая женщина смотрит по-своему на любовь, она ищет в любимом то, что нужно именно ей.

ЧЕЛОВЕК И НАУКА

В науке посредственность ведь и ищет в себе подобных. Ей талант — это самая настоящая смерть. Ей обязательно нужны калеки от науки. Кто честен, трудолюбив, смел, умен, с тем ей не по дороге. Нет, нет — посредственность ищет, как бы его догнать и оклеветать.

ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА

Кто-нибудь видел когда-нибудь храброго эгоиста? Конечно, нет. Он потому и трус, что эгоист.

ЧЕЛОВЕК И ПАМЯТЬ

Человеческая память — удивительна. Только подумаешь о прошлом, все как в кино всплывает. Твоя радость, боль, друзья, подруги. Пока жив — ничто бесследно не исчезает. Все в тебе, в твоём сердце. Как только ты родился, прекрасный мир — мир света и любви — открывается пред тобой, едва ты приоткрыл веки. Но жизнь прошла, осталось только воспоминание о счастье....

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Одним из любимых моих занятий остается все то же — работать над своими дневниками. Я сам собой, как с самым близким другом, делюсь на этих страницах мыслями, предположениями и сомнениями. Эти светлые часы приносят мне большое внутреннее удовлетворение и нет в этот

момент счастливее меня человека. Все дела и заботы, сомнения и тревоги отодвигались на задний план, забывались.

МОЛОДЕЖЬ И ВОСПИТАНИЕ

Казахи говорят: “Что увидит птенец в гнезде, то он и будет делать, когда вылетит”. Не случайно родилась народная мудрость. Пример старших в семье заразителен. Хороший пример — дети растут здоровыми душой и телом, дурной пример — знай, что пойдут по жизни, как говорится, с вывихом души. Характер, привычки старших, их взгляды на жизнь — все с жадностью впитывают наши дети. И будучи взрослыми, делают свои выводы, дают свою оценку поступкам отцов.

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ

Для меня казахская степь как собственное тело. Здесь все мое — каждая травинка, каждый камешек — все это я. Для меня степь поет, как кобыз, и никакие райские уголки я не приемлю, ни на что не поменяю ее выжженные холмы, ковыль и даже желтые кости на дороге.

ИСТОРИЯ И НАРОД

Со второго по восемнадцатый век трижды подвергался казахский народ, казалось бы полному уничтожению. Три губительных нашествия

(гунны, монголы, джунгары), кажется, начисто сметали его с лица земли. А он все жил. А затем наступил восемнадцатый век с колониальными экспедициями русского царизма, с властью кокандских, хивинских, бухарских ханов.

Все прошлое героического и несчастного казахского народа сводилось к страданиям, кровавым схваткам, победам и поражениям.

Не потому ли и душа казахского народа сохранилась не только в песнях, в радостных сказаниях и героических легендах, но больше, и в них суть — в гениальных образах Коркыта и Асана Кайгы.

Столетия скитался вечный странник Коркыт на своем быстроногом верблюде, надеясь отыскать землю, где нет смерти. Но куда бы он ни шел, всюду перед ним раскрывалась разверстая могила — та пустая и тесная яма, которая всегда в легендах и преданиях казахского народа являлась истинным символом смерти. И тогда он понял, что бессмертно только творчество. Человек умирает, песня остается. И он научил казахов играть на кобызе.

Другой герой легенды Асан Кайгы тоже ищет обетованную землю, где птицы свивали бы свои гнезда на спинах овец! Более тихого и мирного образа поэт, видимо, не мог придумать, чтобы выразить свою тоску о покое и тишине для своего народа. Так и скитались веками великие печальники казахского народа, искали успокоение и не могли найти его.

НАРОДИ ПЕСНЯ

Казахский народ поет всегда. Рождается ребенок — и старики поют перед его колыбелью, умирает старик — и дети с песней его опускают в могилу. И называется эта песня жоктау, то есть песнь небытия. Поют, когда гуляют, поют, когда работают. Поют утром, поют ночью, поют в горе, поют в радости. Показывают невесту гостям и поют беташар. Отдают ее замуж и поют жар-жар. Влюбляются — поют, разлюбят — тоже поют. А песню о смерти знаменитого Кулагера, сложенную его хозяином Ахан-Сере — это подлинный гимн скорби, гнева и страдания — знает каждый казах. И гордятся казахи этой песнью не меньше, чем индусы мраморным чудом Тадж Махал. Каждый народ по-своему запечатлевает свою жизнь. У греков она окаменела в камнях Акрополя, у итальянцев воплотилась в полотнах Рафаэля, казахи же оставляют песню. Ибо она самая лучшая, что сумел создать народ.

ЧЕЛОВЕК И РОДИНА

Нет для человека более святого чувства, чем любовь к отчизне. Это чувство невидимыми нитями, крепче волосяного аркана связывает каждого с тем местом, где он родился. И как невозможно разорвать волосяной аркан, так невозможно уничтожить в сердце человека его

любовь к Родине. Ну, а если случится, что кто-то ненароком порвет с родной землей, сердце его в тоске ни на минуту не даст забыться.

ПОНИМАНИЕ ВРЕМЕНИ

Человек бывает счастлив по-разному. Возьмите нас, жителей города. Мы привыкли измерять жизнь большими категориями, но чего стоят наши большие категории в сравнении вот с этим солнечным лугом, с этой травинкой. Мир необъятен, беспределен, но поистине прекрасна в нем только новая жизнь. Вы замечали, как преобразается комната, едва в нее внесут букетик обыкновенных полевых цветов? Почему? Да лишь потому, что они живые и напоминают нам о жизни, которая вокруг нас. И вот взгляните, земля, на которой мы стоим так прекрасна...

Землю нужно не только любить, ее надо еще и понимать... И не только всю в целом, а каждое мгновение, из которых она состоит... Каждое мгновение... мы не умеем ценить эти быстрые летучие мгновения... Для нас обычно существует лишь то, что было вчера, и то, что будет завтра. Мы живем, чтобы связать прошлое с будущим... А на самом деле существует только сегодня, только сейчас... Только тогда вам откроется вся красота того бесконечного в пространстве, но, увы, конечного во времени мира — конечного для каждого из нас...

ЧЕЛОВЕК И ЗАНЯТИЕ

Конечно, человек должен развиваться гармонично. Но на практике каждое дело требует человека целиком. Землю попашет, попишет стихи. Такое возможно, но до определенного предела. Балгуешься стихами одно. Но если поэзия – жизнь? Возьми Пушкина, Есенина или Абая... Тут уж надо выбирать: или паши или пиши. Любое занятие не терпит “любовницы”. Если ты, конечно, к нему по-настоящему относишься. Другого пути нет.

ЧЕЛОВЕК И ХОББИ

Все эти увлечения или хобби, если они не являются частью твоей души и ты не представляешь без этого своей жизни, по сути есть лишь форма заполнения духовной пустоты человека. Своего рода бегство от жизни, от ее проблем. Элементарная боязнь жизни.

ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ

Что за тайна в поэзии? По отдельности — слова как слова. Ничего особенного. Но поставь их рядом настоящий поэт и ... Вот и жизнь так же... Дни один за другим несутся – не углядишь. Жизнь проходит как миг, как один день. Кажется, все прожитые дни одинаковые... Но задумываешься, оглянешься – бог ты мой, ведь ни одного дня похожего на другой не было...

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Чтобы хоть на время отойти от горьких мыслей я опять обращаюсь к своему главному делу — творчеству. Но горькие мысли опять возвращаются. Как и чем поддержать сына, как стать для него другом и опорой. Я опять возвращаюсь к рукописи. В этой книге много слов обращенных к молодежи. Много лет главное в моей книге — творчество. В минуты усталости и печали я неизменно обращаюсь к своему любимому детищу, как к верному другу. Стоило углубиться в текст и на душе становится светлее. Порой вера в завтрашний день и вдохновение нисходили к моему творчеству.

ЖИЗНЬ И ЛЮБОВЬ

Птенцы, вырастая, покидают гнездо. Братья, выросшие в одном доме, умирают в разных местах. Неразлучны они только в детстве, а вырастут, каждый идет своим путем. Каждый живет так, как подсказывает ему разум и сердце. Растить можно вместе, а дороги в жизни опять разные. И все человек обычно делает, полагаясь на разум свой, но только если он встретит любовь, то жизнь его становится как своенравный тулпар, с ней не совладаешь. Тогда часто не хватает сил обуздать его. Потому что у любви другие законы.

ЧЕЛОВЕК И АЛКОГОЛЬ

Водка — ядовитая змея. Если уж наступил ей на хвост, она обязательно смертельно ужалит!

ЧЕЛОВЕК И СЧАСТЬЕ

Как недосыгаемы звезды на небе, так трудно дается счастье человеку на земле. Оно не идет само в руки. Оно как соболь в своей драгоценной шубке, но попробуй поймай его! Разве же человек рожден не для счастья? Почему иные люди не задумываясь позволяют себе вторгаться в жизнь другого? Почему многие рождены разрушителями радостей жизни, а не созидателями? Жизнь не возвращается, чтобы ее можно было прожить заново, чище и честнее!

ЧЕЛОВЕК И ПИСАТЕЛЬ

Чтобы стать настоящим писателем ты должен уметь подняться над своим личным. Я верю в тебя. Но знай, что своей мечты достигнет только мужественный человек. Это не так легко, как вскочить на коня. Для писательского труда мало быть талантливым и работоспособным. Ты должен открыть для себя какую-то заветную тему, разобраться в ней досконально и сделать ее своею. Мнимый писатель может много писать и даже выпускать книги. Но если он не нащупал, не откопал собственную тему, принадлежащую только ему, он никогда не станет настоящим писателем.

ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА

На своем веку я повидал всяких людей. Встречались и честные, искренние, благородные люди.

Счастье они видели в служении своему народу. За это боролись, ради этого жили. У других словно заморожена в жилах кровь. Они злы и завистливы. Но с этими злопыхателями не так уж трудно было бороться, потому что на всякий яд есть противоядие. А вот если тебе встречается человек, которого не сразу понимаешь, не сразу распознаешь, — это куда опаснее, потому что такие безучастно созерцают, зло творится на их глазах или добро. Это равнодушные люди, серые люди — они самые опасные.

ОБ АБАЕ

Абай — мой самый любимый поэт. Читая сегодня его стихи, я снова как ребенок радуюсь и плачу над его строками. Как-то пошел я к памятнику Абая. Мне хотелось у ног своего любимого акына привести в порядок расшатанные в канцелярских боях нервы. Я вглядывался в лицо Абая, стараясь прочесть в выражении его глаз, в складках губ те строки, которые уже не раз радовали меня, когда я был счастлив и с легким сердцем, и когда оно болело. Скульптура была очень похожа на Абая, он держал в руках книгу, как и положено акыну. Но в остальном изваяние так и осталось бесстрастным камнем. И хотя автор на свое творение извел массу материала, я с таким же успехом мог греться около очага, в котором не разводили огонь. Не испытывают ли горькое разочарование и те, кто приходит погреться к моему очагу?

О КАЗАХСКОМ НАРОДЕ

Кочевой казах, хотя ничего не смыслил в геологии, но тем не менее, он дал точные имена тем местам, где пас овец. У каждой земли своя окраска, свои приметы, а у казаха опыт его далеких предков — вот и всего-то. Не мудрствуя лукаво, он раздавал имена: Золотая жила (Алтынемел), Чугунное озеро (Шойынды кол), Свинец камень (Кортасын тас), Джебказган, где копали медь, — а потом здесь выросли промышленные комбинаты, заводы, перерабатывающие ценную руду. Хотя может каждый считает мудрым именно свой народ. Мал он или велик числом. Так уж устроен человек. Я за то, что степной казах сохранил опыт далеких предков, его глубочайшую мудрость, говорю: мы — казахи самый мудрый народ на земле. Я также люблю искусство своего народа. Только фантазия казаха, устремившего свой задумчивый взгляд на голубоватую линию горизонта могла породить на свет такие глубоко философские персонажи как Асан-кайгы, Коркыт, Аяз-би.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Радость, которую приносит нам жизнь, должна быть выше страха смерти. Не позволяйте, чтобы смерть торжествовала над жизнью.

ПРАВИТЕЛЬ И ВЛАСТЬ

Что для правителя человеческая жизнь, когда маячит впереди призрак власти над миром? Ему кажется, что народ для того только и создан, чтобы выполнять его предначертания. Даже сильные умом правители не могли избежать этого ослепления власти. Рано или поздно настигало оно их. А за это ослепление правителей всегда страдал и расплачивался народ.

О КИПЧАКАХ

Кипчаки, пожалуй, больше других казахских родов пострадали от монгольского нашествия и еще больше — от непрерывной борьбы за власть в Золотой орде. В конце концов, единое племя распалось. Часть их откочевало на запад. От низовья Едиля (Волги) другая часть отошла на восток. Великий плач стоял при расставании, и Кузтуганжырау навсегда оставил это событие в памяти народной песней расставания кипчаков с Едилем.

О КАЗАХАХ

Для казаха-кочевника нет ничего важнее конских скачек и состязаний. Вся степная политика зиждилась порой на них, и маленькое отклонение от правил имело всегда глубокий смысл. Годами порой обсуждаются те или иные перипетии скачек, высказываются прогнозы на будущее.

ИСТОРИЯ И НАРОД

Пятнадцатый век был очень тяжелым для казахского народа, и именно в этом веке разрозненные, противостоящие друг другу в жестокой и междоусобной борьбе казахские роды и племена, наконец, поняли, что им надо объединиться, чтобы выжить. Властолюбивы и самолюбивы были родовые вожди. По самой природе своей они явились противниками единого государства. Но на этот раз мощный национальный порыв был так велик, что невольно увлек их за собой. Когда они спохватились, было уже поздно сопротивляться народной воле.

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ

Одним лишь страхом трудно сплотить людей в единое государство. Недолговечный это клей — человеческий страх. Суровость правителя лишь тогда приносит плоды, когда идет в ногу со справедливостью. Малейшее лукавство или отступление от правды — жестокое самовластие выступает наружу, чтобы похоронить в скором времени все под собой.

ПРАВИТЕЛИ И НАРОД

Всегда переменчивы и непостоянны в политике были родовые бии и султаны. Баи всегда использовали народ в своих интересах, чем больше и

больше нищали люди, тем больше вольных джигитов превращалось в батраков и рабов. Для массы казахов-кочевников всегда было лучше, если правила степью одна рука! А мудрость правителя заключалась в разумном использовании народных порывов в своих интересах. И было в казахской степи немало ханов, кто воспользовался народной поддержкой в укреплении своей власти.

ИСТОРИЯ И НАРОД

Монгольские завоеватели всегда презирали покоренный народ, они не хотели знать, о чем думает этот народ. Они не могли понять великую тайну человека, который в поте лица добывает хлеб свой. Откуда они могли знать, что склоняясь над плугом и разминая в руках теплый пшеничный колос, люди думают не только о хлебе, но и о том, как они будут жить дальше. Строя города, крепко прирастая к земле, человек создает свой завтрашний день, думает о будущем своих детей, а значит и о своем народе. И наступит такое время, когда конь кочевника остановится перед удивительной преградой, имя которой созидание и которую его хозяин ни понять, ни осмыслить уже не сможет, а оглянувшись в недоумении назад, увидит за своей спиной пустую, как и тысячу лет назад, бурую от ветров и солнца степь, с редкими ветхими юртами, которые все, вместе взятые предки так и не смогли наполнить, как бездонную

пропасть, богатством, потому что все, что они приносили сюда, было чужим и пахло кровью.

ПРАВИТЕЛЬ И РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Правители часто несчастные люди, им порой недоступны земные радости жизни. Уже не волнуется их сердце от простых человеческих радостей. Не струится как прежде по жилам остывшая кровь. Навсегда умерла последняя надежда — любить. Смысл жизни их теперь заключается в одном — как можно дольше пробыть правителем, властвовать над людьми и упиваться властью. Кто хоть однажды испил напитка неограниченной власти, никогда не забудет ее сладкий вкус и всю жизнь будет испытывать жажду. Лишь иногда, помимо их воли, живая, прежняя жизнь вторгается в придуманный ими мир, покой покидает правителей, а души начинают метаться и гореть огнем.

ПРАВИТЕЛИ И ПРИВЫЧКА

Как многое у людей в их жизни значит привычка. Даже у могущественных правителей, у которых есть все: и слава, и золото, и власть над людьми, и хотя иногда они понимают, что все это обманчиво и преходяще, они делают по привычке то, что уже не хотят делать. Часто то, чем гордился правитель, в чем видел смысл своего существования на земле, вдруг куда-то уходило и меркло.

А душа его, уставшая от прошедших бессмысленных дел становилась глуха к радостям и горестям мира. Но он все равно неизменно продолжает жить по привычке, поступать по привычке и делать привычное.

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Такова, видимо, сущность человека. Обманутый десять раз, когда ему становится трудно, он опять продолжает верить.

ПРАВИТЕЛЬ И ВЛАСТЬ

Несправедливо, кажется, устроена жизнь. Одним она дала много, у других еще больше отняла. Стареющему правителю тоже так кажется. Уже нет прежнего здоровья, прежней веры в удачу, а будущее покрыто зловещим черным туманом. Было время – и он был сильным. Никакая неудача не могла выбить из седла. А веру его не мог поколебать даже самый свирепый ураган. Он и сейчас не собирался склонять головы, но с каждым днем жизнь становилась все труднее, и чаще тело и ум охватывали усталость и тревога. Зачем прожита жизнь? Устал он сам, и устал народ, который он вел за собой. Войны без побед – страшная ноша для каждого, кто в них участвует. Хочется бросить все. Забыть о прошлом, отказаться от борьбы за власть. Но нет, никогда он не сможет этого сделать, потому что обратной и иной дороги для него нет.

Он привык к власти, привык повелевать и сделаться кем-то другим уже просто нельзя. Упавшего с коня добивают, потому любой ценой, до последних мгновений жизни надо крепко держаться за луку седла и не выпускать повод, с помощью которого он управляет народом.

КРИТИКА И КУЛЬТУРА

Наши критики, литературоведы — исследователи не пишут о личных восприятиях, о высказанных мыслях, остроумных словах своих современников. Между тем это одно из самых интересных явлений в нашей культуре.

О ХАРАКТЕРАХ ЛЮДЕЙ

Многие любят, когда окружают их люди, а не проблемы. Хотя он внешне выдержан, спокоен, культурен и т. д., но на самом деле выглядит иезуитом.

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Несправедливым было бы оценивать людей с позиции удачливости в карьере, правильней судить по меркам их истинного вклада в историю. Человека можно лишиться работы, но нельзя их исключить из истории. Потому что история — это людская память, а память — это частная собственность, она не подчиняется никакой власти.

О ХАРАКТЕРАХ ЛЮДЕЙ

Сегодня в больнице Совета Министров писатель Г. хвастался какой он меткий охотник. Однажды летом, рассказывал он, в один день он застрелил две косули, трех зайцев и одну лисицу. Однако! Мне было невыносимо. Я спросил его, как можно убивать животных, как у него поднялась рука на красавицу косулю? Он удивленно улыбнулся, очевидно, в этом суть этого человека.

ПИСАТЕЛЬ И ТВОРЧЕСТВО

Писатель, который мучается не созданием лучшего произведения, а возвеличиванием имени, ничем не лучше примитивного торгаша.

ПОХВАЛА И КРИТИКА

Кто критику не терпит, тому и хвальба не в пользу. И наоборот, где не бывает критики, не бывает и не должно быть хвальбы.

ПИСАТЕЛЬ И КНИГИ

Ведь есть же общая истина: книга, которая дважды не прочитывается, не достойна и одного чтения.

ЧЕЛОВЕК И ЗАВИСТЬ

Если бы лилипуты не тревожили Гулливера, он бы не сердился.

ЖИЗНЬ И ГОРДОСТЬ

Некоторым похвала — жизненная потребность. Хоть он и не заслуживает ее, но поиском ее занят всю жизнь.

ПИСАТЕЛЬ И КРИТИКА

В группу критиков и литературоведов влились новые люди — молодые профессор Рымгали Нургалиев, Мурат Ауэзов, Сагат Ашимбаев. Все они трудятся на славу. К примеру, молодой исследователь Мухтар Магауин отодвинул границу изучения казахской поэзии на 200 лет вглубь. Кандидат наук Раимбеков закончил первую серьезную работу о рабочем классе в казахской литературе.

Активизируется и профессор С.К., занятый в последние годы выдвижением своей кандидатуры в академики. Начал выдвижение странно — с разноса моей одной книги. Но выступаю о нем не по этой причине, что за беда от того, что где пчелы, там и мед. Главное — он стал проявлять себя. Все хорошо, только бы при этом товарищ С. К. не забыл одну истину, что даже профессору необходима объективность при этом. Критика не становится сильнее от того, что хватается за большой камень. Сила критика в его доброжелательности. А у нашего профессора все это напоминает желание вогнать слона в горшок.

О РОЛИ ПИСАТЕЛЯ В ОБЩЕСТВЕ

Как подобает демагогу — бездельнику, его выступления (И. Ж.) всегда изобилуют предвзятостью, точнее сказать, выражены в солдафонском духе. Он радуется, потирает руки в удовольствии, если ему удастся кого-нибудь оплевать. Еще не поздно, еще есть время обуздать таких людей или изгнать из состава писателей, чтобы он не позорил святое призвание.

О РАБОТЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Мне всегда не везло на секретарей ЦК по идеологии. Да, что греха таить, и не всегда везло и самому Союзу писателей Казахстана. Мы насмотрелись на секретарей, которые хотели руководить нашим разумом, талантом не убеждением, не добрыми советами, а идеологической дубинкой и голым администрированием. Иногда эти люди кое-кому приписывали пресловутое слово «националист», которое наповал убивало человека.

ПИСАТЕЛЬ И КРИТИКА

А.Н.? Ей богу, я о его существовании не догадывался, если бы на глаза не попали его уродливые статьи. Ведь даже красоту не замечали бы, если рядом не стояли уроды. Точно также я не знал бы статьи А. Н. , если бы не убогость его высказываний. Но вопрос в другом. Почему дают таким место в печати? Ученый? Но бог с ним, кто

не работает в этих научных учреждениях... А вот газеты зря печатают его.

САМООБЛАДАНИЕ И ГНЕВ

Можно дать щелчок ближнему, а можно не рассчитать и ушибить самого себя.

ПИСАТЕЛЬ И ТАЛАНТ

Наш народ нам дал все, кроме таланта. А талант, как говорят, от Бога, у одного он есть, а у другого его нет. Но самое невыносимо трудное и главное — использовать талант, который у тебя есть, честно и на пользу дела. Но чаще бывает так, чтобы возвыситься, некоторые люди собирают вокруг себя группировки, по принципу землячества и возраста, создают ажиотаж вокруг своих бездарных произведений. Давая оценки произведениям по такому принципу, мы оказываем медвежью услугу самому автору, которому еще расти. А бывает еще хуже, этот посредственный автор возомнит себя литературной шишкой, начинает травить других писателей, у которых нет группы, нет ничего, кроме его таланта.

Вот этого бы не надо делать. Всем нам хватит места на литературном кладбище.

ПИСАТЕЛЬ И ТВОРЧЕСТВО

Иногда плохие произведения могут писать только гениальные люди, его имени достаточно,

публика все равно будет хвалить. А всем нам надо писать только хорошие произведения, иначе публика скажет «чепуху написал».

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Для нас потомков кочевников, жизнь которых прежде была в постоянном движении по степи, где мы пасли скот, занимались охотой не ради забавы, а ради выживания природа играла огромную роль. Тандем: человек и природа в своем двуединстве олицетворяли два берега реки бытия. Именно поэтому, и в древнее время и значительно позднее для неурбанизированного казахского общества, которое вело кочевой образ жизни, роль природы имела первостепенное значение. Состояние окружающей природы, среды обитания трансформировалось в состояние души народа. Взаимосвязь тогда была не опосредованной, как у городских жителей, а прямой.

ЖИЗНЬ И ПРОФЕССИЯ

Я себя ещё стариком не считаю, хотя 65 лет — достаточно зрелый возраст. Но при этом я себя внутренне ощущаю тысячелетним старцем. Я был свидетелем разных событий. Испытал, как говорится, «огонь и воду». Моё детство и молодость совпали с печально известными событиями 20—30 годов, когда весь народ пережил социальные потрясения, нищету, голод. Для меня этот удар

судьбы был вдвойне ошутим, так как я рано остался круглым сиротой, воспитывался в детском доме. Несмотря на все невзгоды, я стал писателем. Все эти трудности жизни сильно повлияли на формирование моих взглядов, убеждений, моего внутреннего мира. Только после всех испытаний в жизни я осознанно прихожу в литературу. С любовью и искренне. Мой выбор определила сама жизнь.

СМЫСЛ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВО

Смыслом моей творческой жизни стала задача описания трудной и героической истории моего народа. Суть проблемы в том, что казахские земли слишком часто подвергались нападениям извне. Наш народ чаще и больше других испытывал притеснения, унижения и страдания. Какие только кровопролитные войны он не пережил. Один арабский историк XV века записал следующие слова одного хана: “впредь можете считать, что казахского народа больше нет”. Таких случаев, когда нация оказывалась на грани физического истребления в нашей истории было много раз. И этот, казалось бы, уничтоженный народ, сохранив за собой огромную территорию между Западом и Востоком все же уцелел. И рассказать о прошлом моего народа стало главной целью жизни. Показать реальную историю о борьбе за выживание и сохранение государственной и этнической

общности. И в “Кочевниках”, и в трилогии “Золотая орда” я хотел рассказать об этом. Я стремился, чтобы мы из уроков истории сделали верные выводы.

ПРОЦЕСС ТВОРЧЕСТВА

Особенность моего творчества заключается в том, что я сначала собираю документальную основу. Это материалы архивов, конкретные факты, сведения о событиях. Чаще упор делаю на народный фольклор. Затем собираю и изучаю опубликованные ранее материалы. Читаю, сравниваю, анализирую. Все это подготовительный период. Затем эту информацию запоминаю, проверяю, переделываю, записываю в своей голове. Выделяю наиболее интересные моменты и их откладываю в своей памяти, а все что второстепенное, маловажное вытесняю из памяти. Сначала я свои книги пишу мысленно. Только после этого я переношу почти уже готовую книгу из моей памяти на чистый лист. Я никогда не сидел за столом с бумагой и ручкой в растерянности, не зная, что писать. Это моя практика. Причем, когда я пишу, никогда со временем не считаюсь. Могу писать днем, ночью, неделями, но пока не закончу книгу, в моей душе покоя не будет. Малодушие и лень несовместимы с творчеством. Твое произведение — это всегда частица твоей души и разума.

О СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Мое внутреннее убеждение: путь, пройденный ханом Кенесары верный и оправданный, ибо это выбор народа, его чаяния, думы и мечты. Ведь народ то пошел за ним не из страха, а по доброй воле. Поэтому я считаю, что написал нужную книгу. Трилогию “Кочевники” люблю прежде всего потому, что это итог моего двадцатилетнего поиска. Если я скажу, что на роман о последнем казахском хане Кенесары потратил половину жизни, то это не преувеличение. Так и вышло. Эта книга мною была выстрадана. Она из меня выжала все соки. Речь шла не только о главном герое и о его брате Наурызбае, о родных, близких, единомышленниках и т. д. Самое главное, и это мы должны понимать, что речь шла о кровопролитной десятилетней неравной национально-освободительной борьбе народа в условиях тотального предательства своими же соплеменниками ради каких-то сиюминутных выгод и благ. Такую книгу невозможно писать, не пропуская боль и страдания своих литературных героев через свое сердце, свою душу, так как содержание книги не абстрактное, не выдуманные грезы писателя, а реальные люди и события.

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Если тридцать веков назад казахов было всего три тысячи, то сегодня — шесть миллионов.

Сегодня у нас нет нищеты, как явления во времена великих жутов, так как хорошо отлажены механизмы социальных гарантий, все старики получают достойные пенсии. Я убежден, что все это еще не предел, и наш народ должен жить в обозримом будущем ещё лучше. Наше завтра должно быть лучше, чем вчера. Байконур, Караганда, Экибастуз, Мангистау, Гурьев, Целина, Алма-Ата. Это неполный перечень нашего успеха. Для писателя существуют святые понятия, которые дороже собственной жизни. Как у моего главного героя-хана Кенесары. Это судьба нашей нации, разумеется, и собственная честь. Вот мое жизненное кредо. И смысл бытия.

ЧЕЛОВЕК И РАЗУМ

Бисмарк говорил: «политика — это искусство возможного». Но людям свойственно тешиться иллюзиями. Они могут обещать Вам все и небо в придачу... Но у разумных людей амбиции должны соответствовать амуниции.

О РОЛИ ПИСАТЕЛЯ В ОБЩЕСТВЕ

По глазам некоторых моих друзей вижу веселые искорки, означающие «Ох Есенберлин, каким ты стал подхалимом!» Наверно, слова эти ты забыл сказать, если тебя, едва дождавшись твоего шестидесятилетия, ветерана Отечественной войны в День Победы, в день твоего торжества, в награду

отправили на пенсию? Что ж, бывает и такое! Если человеку не везет, то не повезет ему даже в День Победы! Между прочим, своему уходу на пенсию обрадовались не только некоторые из Вас, но и я сам. Обрадовался, что благополучно приплыл к этому берегу, не утонув где-нибудь в стакане воды, что не раз похоже на это было со мной и раньше.

Главное не это. Главное у писателя — творчество. Не фамилия на его дверях кабинета, а фамилия на обложках книг. А шестьдесят лет, на самом деле не тридцать, надо беречь каждый день!

Писатель — слово гордое и великое. Когда один из древних философов спросил Александра Македонского: «Кто из Вас велик, ты император мой, или твой учитель Аристотель?», Александр Македонский ответил: «Я завоевал полмира своей полумиллионной фалангой, а Аристотель другую половину простым гусиным пером и телячьим пергаментом. Решайте сами, кто из нас велик?» Это свидетельствует о благородной миссии писателей в этом преходящем мире. Есть у Вас главное орудие Вашего производства — ручка и чистые листы бумаги, пишите, помогите людям построить прекрасную жизнь. Конечно, если можете и хотите.

О ДИНМУХАМЕДЕ КУНАЕВЕ

Есть старая пословица, что выдающиеся люди рождаются для счастья своего народа или для его беды. Димаш Ахметович родился для счастья

своего народа, он бесконечно дорог каждому из нас. Особенно дорог тем, кто часто оказывался на краю пропасти, и чья жизнь висела на волоске. Его главными качествами являются человеколюбие, справедливость, глубокое понимание сути дела. Глубокая мудрость всегда отличает его. Он своими делами заслужил искреннюю любовь народа, его чистое имя навсегда останется в памяти благодарных потомков.

О Г. М...

Я вижу, что от «Хан Кене» он потерял душевный покой. В том причина не кровавая фигура Кенесары, а художественная сила романа, которая показывает Кенесары таким, каким нет его ни в одной книге Г. М. Его литературное истощение особенно проявилось в последние годы, когда он более двадцати лет ничем не может показать свое творческое лицо.

ЗАВИСТЬ И ЛИЧНОСТЬ

Иногда полагают, что крупной личности, известному человеку зависть и завистники нипочем! Это неправда! Люди талантливые обычно ранимее других, но в своей гордыне стараются не показывать виду, что их задевает несправедливая оценка, говорят, что в помещении где находится слон, заводятся мыши, то гигант в конце концов, не выдержав возни у его ног, может рухнуть на

колени. Обратная сторона любого успеха — зависть. Как жаль, что люди не могут преодолеть этого чувства!

ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ

Мы живем и трудимся в век научно-технической революции. Людей семидесятых годов отличает широта мышления и воззрений, масштабность творческого поиска в каждой сфере производства, науки, культуры. Однако, нет настоящего без прошлого, будущего без настоящего. И бывает такая историческая литература, которая своими мыслями, художественной ценностью не меньше обогащает человека, чем литература на современную тематику. Общеизвестно, что ни один ученый мира не знал историю своего народа лучше, чем писатель. Но беда в другом. Часто писатели воспринимают историю своего народа эмоционально, а ученые холодным рассудком, как нечто вроде законченного факта.

О ГРУППОВЩИНЕ И ЕЕ ВРЕДЕ

Конечно скверно, что у нас появляются много слабых произведений. Очень скверно. Но это еще не так скверно как то, что если мы будем выдавать слабые произведения за средние, средние за хорошие, а хорошие за гениальные. Вот тогда-то грянет настоящая беда. Возникает реальная угроза снижения уровня художественной литературы на

долгие годы. Но это еще не все. Из-за актуальности темы или из-за своевременности постановки того или иного вопроса могут произойти ошибки в оценке отдельных произведений. Но настоящая катастрофа наступит тогда, когда в это дело вмешиваются приятельские и групповые отношения.

Лет двадцать тому назад Т. А. написал один роман. Роман по уровню требований того времени считался неплохим произведением. В нем были отдельные проблески способностей автора. Я не говорю проблески таланта. Талант, как говорил Шолом Алейхем, это деньги, у одного они есть, у другого их нет. Дело однако в данном случае не о таланте. Дело в другом. Эта посредственная книга Т. А. определенным кругом лиц была признана шедевром. Дорогой наш З. К. всюду утверждал, что солнце теперь всходит не с Востока, а с Запада, а именно с Актюбинских широт. А всеми нами любимый Абекен, счастливый от книги Т. А. не оставил живого места на его лице от своих горячих стариковских поцелуев. А литературно-малолетние Кекильбаевы и Домбаевы, хотя не дочитали этот роман до конца, с университетского порога стали кричать: «Да здравствует Т. А.!» Вот до чего доводят иногда нас приятельские отношения и писательская групповщина.

Мне с товарищем Т. А. нечего делить. Мы служим одному и тому же идеалу, делу. Я сегодня выступаю не потому, что он неоднократно

безнаказанно и бездоказательно выступал по моему адресу, притом с ненавистью, с желчью. Нет, не поэтому выступаю я. Дело в другом.

Товарищи, ценность человека определяется той пользой, которую он может принести людям. Это не только строить Карагандинскую Магнитку или поднимать целину.

Это — отдавать другим тепло своего сердца, делиться плодами собственных раздумий. Я хотел бы, чтобы Т. А. отдавал людям, в том числе и мне, не собственные злобу и ненависть, а частицу своей души. Если, конечно, таковая у него найдется для человека, не состоящего в его группе. Он должен понимать, что нельзя ненавидеть людей только за то, что они пишут о прошлом своего народа и, может быть, пишут чуть лучше, может быть, и чуть хуже чем Т. А.

КРИТИКА И ИСТИНА

Раз вышла ошибка, надо ее исправлять. Непоправимых ошибок не бывает. Истина дороже престижа. Помню даже газета «Правда» напечатала фельетон о М. Львове, потом дала поправку. Но ведь это «Правда». Она может это сделать. А «Социалистик Казахстан» не может это сделать. В этом и разница.

О КАЗАХСКОМ КИНО

Долго работая в кинематографе, я пришел к мнению: на данном этапе развития казахского

кино очень важным звеном является работа редактора. В сухости и однообразии многих наших картин считаю виноватыми редакторов.

Думаю, на сегодняшний день национального казахского кино нет, в наших фильмах подлинной жизни казахов нет, язык казахов в кино — не казахский, а русский. Вот в чем проблема.

О СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Когда писал книгу «Лодка переплывающая океан», я прежде всего хотел достоверно описать историю своего времени, жизнь людей. Я хотел, чтобы о мировоззрении такого государственного деятеля как Динмухамед Кунаев, о его конкретных делах знал народ. А если эти дела хорошие, то в чем дело? Ссылаясь на то, что прототипы моих литературных героев — руководители государства и поэтому задерживать книгу просто глупо. Суть моей книги заключается в описании жизни моих героев, не приукрашенных, а таких, какие они есть на деле. Но что из этого? Разве по таким признакам можно делать упреки? Другое дело, если бы я искажал факты из конъюнктурных соображений. Этого нет в книге.

ПРАВИТЕЛЬ И ВЛАСТЬ

В казахском обществе стало неписанным законом приближать к правителю и возвышать только тех, кто не перечит ему ни словом, ни

делом. Нащупав слабость правителя кто-то может начать, как говорится, гладко стелить ему, сам, образно говоря, становясь подушкой в изголовье и кошмой под боком. Такая покорность всегда по нраву правителю. И теперь стоит кому-нибудь дать дельный, смелый совет, как его тут же “зажимали”, объявляя врагом власти. Порой этого только и хочет правитель, таким угодничанием эти люди завладевают его сердцем. Однако, они лишь до поры до времени таятся, безошибочно угадывая малейшую прихоть правителя. Эти люди никогда не забывают о себе и всегда лелеют надежду о своем звездном часе.

НАРОД И СЧАСТЬЕ

Кто-то говорит, что хочет счастья для своего народа, но он не понимает чего его народ желает. У него своё понятие о плохом и хорошем и он хочет чтобы народ делал именно так, а не иначе. Такой человек никак не может понять, что народ желает делать иное. Хотя он любит народ по-своему, я бы сказал, что любовь его эгоистическая и неразумная. А есть люди, которые по-настоящему любят свой народ, всем сердцем пытаюсь понять его чаяния и нужды. Поняв волю народа — принять её. Глас народа — глас Божий.

ЧЕЛОВЕК И СУДЬБА

Судьба играет человеком... Наверное, часто мы думаем об этом. Правильно это или

неправильно? Хотя я видел, как порой человек чуть ли не с самого детства мечтает стать великим и знаменитым. Кажется, есть у него для этого и способности, и упорство. Только, поди же ты, — не получается как задумал. Другой же, далекий от всяких дерзких притязаний, знай себе трудится, что есть сил. И глядишь — Бог вознаграждает его за трудолюбие и скромность. Присмотришься — да у него и способности не хуже, и упрямства не меньше, чем у того, первого. Но, оказывается, есть ещё одно, не всем заметное качество — честность. И жизнь распорядилась тут очень справедливо.

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОЙ ПТИЦЕ

Бог создал золотую птицу, дал ей красоту и свободу. Вот только золотой она была лишь сверху. Бог создал птицу из простой меди, а сверху покрыл её тонким слоем золота. Но, когда-нибудь ты превратишься в настоящую золотую птицу, — сказал Создатель. — Правда, для этого ты должна выполнить одно из двух условий. Первое условие, — сказал Бог, — хотя все будут считать тебя золотой, ты сама никогда не должна забывать, что на самом деле создана из меди. Второе условие — люди будут считать тебя золотой, но ты не скрывай, что сделана из меди. Человек от рождения добр и будет любить тебя. Узнав правду, он будет от чистого сердца желать тебе, чтобы ты скорее превратилась в настоящую золотую птицу. А я это учту, обещаю тебе.

Но птица, созданная из меди и покрытая позолотой, не выполнила ни одного условия, которые поставил перед ней Создатель. Она рассуждала так: если человеку так уж хочется считать меня золотой, зачем его разочаровывать? Кто знает, вдруг он потеряет ко мне интерес? Кроме того, не вижу ничего плохого в том, что я медная. А человеку тем более незачем знать, что я представляю из себя на самом деле. А кончилось это тем, что Бог решил показать правду о птице человеку. Он стер с неё обманчивую позолоту. И медь тотчас покрылась зеленой окисью. Бедная птица, вчера ещё блиставшая, превратилась в кусок тусклого металла.

Мораль сей истории такова. Будь всегда правдив, не скрывай от людей своих недостатков, не будь высокомерным и завистливым. И Бог поможет тебе стать хорошим человеком. Медь и золото всегда присутствуют в человеке. Медь есть недостатки человека — гордость, жадность, зависть и другие. А золото есть — настоящая любовь, которая всегда есть в человеке, но часто он её не видит. Есть разные люди — в одних больше меди, но меньше золота и наоборот, как есть золотые изделия разной пробы. Всегда эти два металла присутствуют в человеке, но сколько бы не было меди, если истинная любовь к Богу и людям по-настоящему сильна, то он непременно станет из чистого золота. Благодаря любви, любой человек может стать золотой птицей.

ЧЕЛОВЕК И СМЕРТЬ

Приходит время умирать человеку и уже ничего нельзя ни поправить, ни вернуть. Смерть бездушна и приходит всегда не вовремя, хоть живи сто лет. Если бы у смерти была душа, она устыдилась бы тех проклятий, которые шлет ей человечество. Но сколько бы ни прожил человек, после него всегда останутся несбывшиеся его мечты... Поэтому в памяти Бога и людей жизнь каждого человека оценивается не прожитыми годами, а делами, свершенными им.

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ.

С XIII века ведет свое начало история крестовых походов католической Европы против православных русских и греков. После взятия Константинополя в 1204 году, она покорила латышей, обратив их в свою веру. Такая участь ожидала и Русь, но в 1241 году при Лигнице золотоордынский хан Бату разбил немецких и польских рыцарей-крестоносцев, а 1240 и 1242 годах на Чудском озере Александр Невский также разбил крестоносцев. Таким образом, первый натиск был приостановлен. Но сила была неравная, католическая Европа не думала примириться. И как Бату-хану для своих восточных врагов, так и Александру Невскому необходим был сильный союзник против западных врагов. И такой союз был найден между Золотой Ордой и

Русью. И когда случилось, что крестоносцы задумали снова организовать новый поход, то узнав, что в Новгород по просьбе Александра Невского прибыли войска хана Сартака, испугавшись, запросили мира. Это было концом крестовых походов на Россию. Золотая Орда помогла России не только противостоять католической Европе, но в течении почти двухсот лет стала заслоном ее от восточных завоевателей. Эта традиция была нарушена только в 1362 году в связи с походом хана Мамаю. Котан жырау говорил о былой дружбе казахов с Русью и говорил он о том, какую силу представляет эта дружба, если она обоюдна. Эти слова жырау не понравились Абулхайру и, когда слово было предоставлено Казтугану, он взял другую ноту.

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ

После смерти великого хана Угедея, великим ханом стал Гуюк. Разногласия между золотоордынским ханом Бату и Гуюком обострились. Дело запахло схваткой в открытом бою. У Бату было всего четыре тысячи войск верных монгол, остальные были из покоренных стран, главным образом кипчаки. А у Гуюка стотысячная армия. При таких обстоятельствах у Бату не было сил не только держать в покорности Восточную Европу, но и не хватало сил противостоять Гуюку. Он лихорадочно искал опоры, которая бы в крайнем

случае обеспечивала тыл. Такой опорой стал Александр Невский. Дело произошло так. Великий князь Ярослав приехал в ставку хана Гуюка для переговоров, но по ложному доносу был отравлен. Тогда его сыновья Александр и Андрей разорвали отношения с Гуюком и стали поддерживать Бату. С этого момента между ханом Золотой Орды и Новгородским великим князем устанавливается крепкий союз, который продолжался и после, при сыне Бату Сартаке и при хане Берке. Выгода такого союза была продиктована и Александру Невскому политическими соображениями.

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ

Кипчаки — смешанный народ, образовавшийся из трех древних племен: чумгуль, потомков среднеазиатских хуннов, собственно кипчаков — остатков древних саков, образовавшихся из западной ветви динилинов, европейского народа жившего еще до н.э. в Минусинской котловине и западная часть канглов, остатков древнего Кангюя. Тюркоязычный народ в древности жили в лесостепной полосе между Тоболом и Иртышом. Впоследствии они оттеснили гузов (туркмен), печенегов на запад, карлуков (предков нынешних каракалпаков) на юго-восток, угров в глубокую тайгу и стали хозяевами территории древнего Кангюя, с этого времени превращающейся в Дешт и Кипчак, Кипчакскую степь.

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ

Племя Аргын, также как Уйсунь, является одним из древних тюркских племен, образовавшихся из потомков Тянь-Шанских саков и аргитпеев. Аргын-Арту после из Джунгарских гор перекочевал в Семиречье и стал основой Басмалы — сорок родов, которые в соседстве с гуннами в течении нескольких веков вели изнурительную войну с китайцами. Поэтому в летописях китайцев а-лунь (V в.) иногда аргынцев путают с гуннами.

О СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Основная идея написания трилогии «Кочевники» заключается в следующем: исторически достоверно отразить героическое прошлое казахского народа, образование его государственности. Самое главное этот роман направлен против шовинистической философии, будто кочевые народы лишены истории. «Кочевники» — прямой ответ различным фальсификаторам. Казахи имели собственную государственность, и их история очень древняя и является частью мировой истории.

О ПОЛОЖЕНИИ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В XV В

Через степи Азии и Европы прошло бесчисленное количество кочевников: гунны, за ними азары, хазары, болгары, печенеги, половцы-

кипчаки, затем чингизхановские тумены и войска Золотой Орды. Почему эти дикие племена оказались такими сильными, почему их боялась культурная Европа?

Я здесь не хочу останавливаться на основных причинах успеха диких кочевников таких, как например создание первоклассной регулярной армии, ведение опустошительных войн, вследствие чего снижалась жизнеспособность покоренных народов и их производительные силы. Также я не хочу говорить и о том, что основной причиной их побед являлось то, что они имели дело с раздробленными междоусобицами феодальными государствами. Я хочу сказать несколько слов об экономической структуре кочевых народов, являющейся основой основ их успехов или поражений, характерной для казахов XV века, хотя до сих пор среди экономистов идет спор за счет чего достигли высоких производительных сил кочевники.

В этой специфической обстановке мы находим своеобразное экономическое созревание казахов. Если в русской деревне, занимающейся хлебопашеством, наделы земель рождали классовое противоречие, то при правлении Хубилая (1200—1294) были учреждены «Главное управление сельским хозяйством» в столице и его органы в провинциях, где монгольская знать, осевшая в Китае, захватила земли с работавшими на них крестьянами и старалась только как можно больше выжать доходов — то общность земли-пастбища

для казахского кочевника, независимо от имущественного состояния — сыграла на многие века и свою социальную роль. Им, кочевникам, независимо от того, кто он батыр или простой скотовод, приходилось вместе защищать свою общую землю, или завоевывать у другого народа или племени территории, что тоже делалось сообща. Это создавало предпосылки для сохранения родов, племен в казахской степи на многие столетия.

Чтобы быть государством, в первую очередь необходимо наличие трех признаков: наличие армии, системы налогов и территориальной совокупности. Казахское ханство, несмотря на разделение на три жуза, как целое имело все эти три признака. Отсюда бесспорно, что оно представляло собой уже одно из видов феодального государства. Это бесспорно, если сравнить с таким примером: «Рост могущества различных татаро-монгольских племен — кэрэитов, меркитов, ойратов, найманов, татар и других, происходивший на протяжении XII века, привел к появлению у наиболее крупных из них — найманов и кэрэитов — раннефеодальных государственных образований». («Татаро-монголы в Азии и Европе», 1970 г., изд-во «Наука», Институт Востоковедения, стр. 3). То же самое произошло и у казахов на три века позже.

Особую объективно-прогрессивную роль в истории играют ханы-объединители, создавшие из

раздробленных племен единое государство. Несмотря на явную жестокость тех или иных ханов или царей, прогрессивная роль этих людей очевидна.

Почему же должны существовать другие оценки для казахских ханов-объединителей, которые все же большую часть своей жизни возглавляли защиту казахов от многочисленных нашествий.

Закономерным является и то, что поскольку вся грамота шла через деяния этих ханов-объединителей, мы должны как бы через призму видеть и деяния самого народа. Это же истина. Ибо какой бы «великий хан» или «великий царь» не был, без поддержки народа ничего не могли совершить.

Существование любых древних Орд нельзя механически отождествлять с понятием жуза. Казахское слово «жуз», если оно может быть переложено на «Орду», то «Орду» таким же манером нельзя перевести как «жуз». Слово «Орда» — тюркское, является ханской ставкой (см. «Древнетюркский словарь», Ленинград, 1969, стр. 370). А «жуз» носит по-своему смыслу объединение — союз. «Таким образом, из разноплеменных состоялась политически отдельная община (каум — арабское слово — община, люди, союз, общество) независимо от их происхождения. Так установились и утвердились Орды. Ногайская (Орда) — в Сарайчике, Могул-улусе — в Ташкенте, Казак — в степях засеихунских. Народ Казак разделяется на три сотни — жузы, которые русские называют

ордами и которые по старшинству у них называются — Большая, Средняя и Меньшая сотни».

Сам факт составления этих родов — казахских жузов (Орд) доказывает, что деление на три жуза происходило именно после образования Казахской народности, так как многие из этих родов ранее состояли в других каумах, ордах, союзах, а некоторые из них даже находились за пределами нынешнего Казахстана, в частности, алчины.

«Посему название алчин, собственное имя всей Младшей Орды, происходит от имени первого законника казахов — бия Майки» (Ч. Валиханов, т. I, стр. 208).

Как вам известно, Майки-бий был современником Чингисхана и действительно племя алчин или алча существовало в татарском сообществе монголов. (См. Рашид-Ад-дин, т. I, стр. 103, где говорится, что из племени алчи — татар называли: мужчин — алчиной и женщин — алчин или см. «Татаро-монголы в Азии и Европе», стр. 30, где говорится о татарских племенах алухай, дутаут, алчи и чаган).

В доказательство того, что термин «уш жуз» появился после того, как организовалось Казахское ханство, подтверждается тем, что в казахском народе существует масса легенд о месте сбора казахов для разделения на жузы и роды — тамгы. В частности мною использованы легенды существующие в Среднем жузе.

ЧАСТЬ I

ПИСЬМА.

**ТЕКСТЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ
НА ТЕЛЕВИДЕНИИ И РАДИО.**

**ТЕКСТЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА СЪЕЗДЕ
РЕЦЕНЗИИ**

**ПИСЬМО В ЦК КОМПАРТИИ КАЗАХСТАНА
ЧЛЕНУ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КП КАЗАХСТАНА**

ТОВАРИЩУ КУНАЕВУ Д. А.

Глубокоуважаемый Динмухамед Ахмедович!

Уже долгое время определенные товарищи из отдела пропаганды и агитации и отдела культуры ЦК КПК преследуют меня, как писателя. Ежегодно я вынужден обращаться к руководству ЦК КПК для обычного включения меня в план издательства.

В качестве последнего примера может служить неслыханное в практике партийного руководства литературы и искусством история с публикацией моего романа «Отчаяние» в журнале «Простор». Этот роман повествует о героической борьбе казахского народа с китайской великоханьской экспансией, о помощи великого русского народа в этой неравной борьбе и о добровольном присоединении Казахстана к России. Роман предварительно был обсужден и одобрен в Государственном Комитете Совета Министров Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, в издательстве «Жазушы», на редколлегии журнала «Простор» и на Секретариате Союза писателей Казахстана, причем кругом отмечалось, что это первый в советской литературе роман на столь важную и актуальную политическую тему. В № 7 и 8 журнала уже опубликована большая часть романа. Тем не менее, 19 июля сего года по указанию гг. Плотникова А.П., Исиналиева М.И. и Байжанова С., даже не читавших этот роман, неожиданно снимается с номера 9 журнала «Простор» его окончание. Отмечу, что именно в этой третьей части романа происходит прямая битва казахского ополчения с вторгшимися китайскими захватчиками, а также присоединение Казахстана к России и братание казахской бедноты с пугачевскими повстанцами. Это специально делается перед предстоящим в октябре Пленумом по критике СП СССР в Москве по вопросам исторической прозы, чтобы создать там определенное мнение вокруг этого романа - в связи с тем, что он снят с публикации Центральным Комитетом КП Казахстана.

Дорогой Динмухамед Ахмедович! Мне самому неудобно так часто беспокоить Вас — большого государственного деятеля — по своим творческим вопросам. Но у меня нет другого выхода, и, надеюсь — Вы извините меня. Прошу Вас способствовать тому, чтобы был положен конец этой непрерывной травле, мешающей мне жить и работать.

Ильяс Есенберлин. 7 августа 1973 г.

**ПИСЬМО В ЦК КОМПАРТИИ КАЗАХСТАНА
ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КП КАЗАХСТАНА**

Товарищу КУНАЕВУ Д.А.

От писателя Есенберлина Ильяса

ЗАЯВЛЕНИЕ

Глубокоуважаемый Динмухамед Ахмедович!

В последние десять лет стало традицией мое вынужденное обращение в ЦК КП Казахстана по поводу издания каждой своей книги. Однако после их выхода в свет ни одна из них не принесла дурную славу Республике и автору. Наоборот, все они были доброжелательно встречены всесоюзным читателем и почти все были изданы в Москве — более полумиллионным тиражом (кстати, несмотря на большую потребность ни одна из них не переиздана на русском языке в республике).

В 1975 году я написал роман «Лодка, переплывающая океан» — о большом партийном руководителе и государственном деятеле, об участии его в росте родной республики, в развитии ее культуры, литературы и искусства (предпоследний вариант был представлен в ЦК КП Казахстана 11 ноября 1977г.).

Книга прошла широкое обсуждение в Союзе писателей Казахстана (выступило 18 человек) и была рекомендована для работы с редактором. С моей стороны все замечания были учтены и в рукописи в соответствии с ними переработаны. Однако, Госкомиздат Казахской ССР и руководство издательства «Жазушы» заявили, что без указания ЦК КП Казахстана не могут включать в темплан.

Дорогой Динмухамед Ахмедович, моя книга затрагивает ряд серьезных проблем, как указали участники обсуждения, она актуальна и нужная книга, поэтому прошу Вашего содействия о включении ее на казахском языке в темплан издательства «Жазушы» на 1979 год.

К сему

15 мая 1978 г.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЛЕНУМЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
КАЗАХСТАНА
1981 г.**

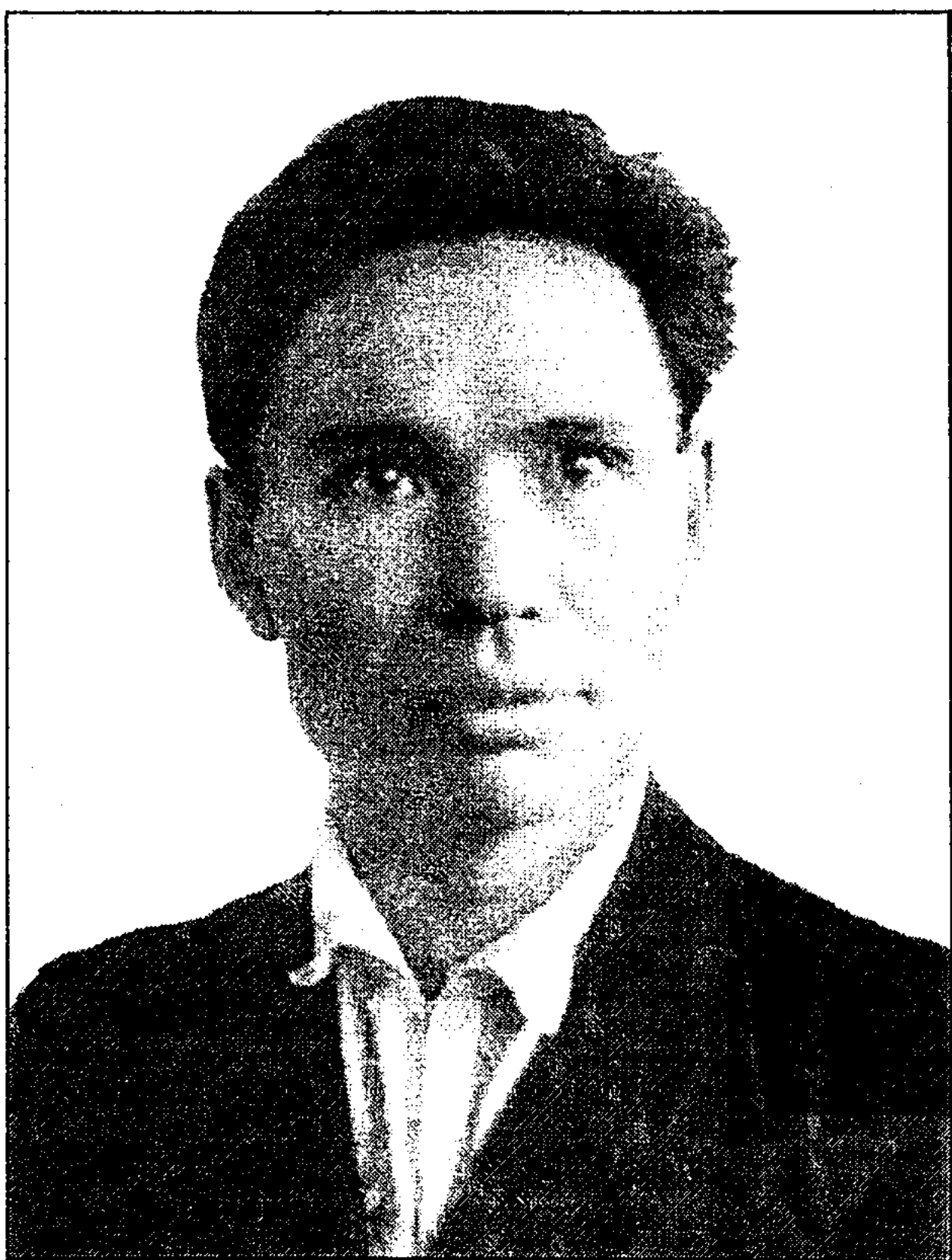
Дорогие товарищи!

Я прямо Вам скажу, что сегодняшней доклад Первого Секретаря просто меня огорчил. Дело в том, что литературный уровень нашего журнала «Жұлдыз» и пишущих наших братьев не так плох, как ему кажется. Произведения, опубликованные в журнале такие, как «Сахара Салтанаты» Т. Алимкулова, Досжанова «Тімгімді бере көр», Нургалиева «Ат шабыс ерте», Сарсенбаева «Уәде», Сматаева «Бұлақ», Букеева «Сайтан — көпір», Толыспаева «Шоқ пен күл», Мусрепова «Жат қолында», Турсынкулова «Анды қара қыз», М. Магауина «Аласапран» и другие. Также опубликованные в «Просторе» романы и повести Черноголовина, Герта, Щеголихина, Владимирова, особенно «Слишком доброе сердце» Щеголихина — несколько не хуже всесоюзного стандарта. Многие из этих произведений созданы после постановления ЦК КПСС. Надо было Первому Секретарю, поскольку мы обсуждаем это Постановление почти через год, обратить внимание на его действенность. Этого не произошло. Не произошло потому, что во-первых, сам Молдагалиев, который не читал этих произведений, а товарищи, которые подсунули ему тезисы просто подвели. Впрочем насколько мне известно, что Джубан не читает новинки было известно еще когда он работал вторым секретарем. Сейчас он Первый Секретарь. Можно быть великим поэтом, но надо знать и произведения своих товарищей, ибо ты Первый Секретарь. Знать, что происходит, каков литературный процесс на данном этапе — это существо твоих служебных обязанностей. Если бы ты читал эти произведения, хоть одно из них, поневоле пришлось бы тебе упоминать, тем более они опубликованы после известного постановления ЦК. Этого не произошло.

Поэтому обсуждение постановления ты свел к повестушке Нурпеисова «Сен». Что произошло? Великий Белинский говорил, что страх Городничего родил ревизора. Так и с тобой, дорогой Джубан: страх перед Нурпеисовым родил перед тобой мнимое величие произведения «Сен». Ибо такого произведения, какое Вы хвалили, в журнале нет. Ее, эту повесть, хвалят Ахтанов, Муртазаев, Бердикулов. Хотя достаточно было бы ограничиться опять таки словами того же Белинского, который говорил «Если хор никчемных писателей хвалит произведение, значит это самое произведение никчемно». Но здесь разговор ведется более глубже. Тут, дорогие товарищи, вся суть в личности писателя. От того, что он видел в жизни, что знает о ней, о людях, что сохранил в памяти, какой тревогой томим, какова его гражданская, нравственная позиция, таково его творчество.

Ильяс Есенберлин с братом Равнаком. 1933 г.

Ильяс Есенберлин во время
учебы в институте. 1937 г.

Брат писателя
Равнак Есенберлин. 1937 г.

Ильяс Есенберлин во время
Великой Отечественной войны
в звании капитана. 1943 г.

Ильяс Есенберлин перед свадьбой. 1944 г.

И. Есенберлин с супругой Дилярой после свадьбы. 1944 г.

Диляра!
Әмір ұзақ болған күнде
Әткен тастың белгісі деп,
Әмір қысқа болса мұра,
Сүйген тәрбиң қайыптың тап,
Қолыңды қолыңды еке алуға,
5/11/1945 г.
Аманжол Қашан

Надпись – посвящение первой книги И.Есенберлина
любимой жене Диляре. 1945 г.

Ильяс Есенберлин с женой Дилярой и старшими дочерьми – Раушан и Карлыгаш. 1948 г.

Ильяс Есенберлин (1-й ряд 6-й слева) во время работы директором филармонии. 1947 г.

Ильяс Есенберлин (слева) во время декады казахского искусства в г.Москве. 1948 г.

1948 г.

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Форма «А»
ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО НЕ СЛУЖИТ.
ПРИ УТЕРЯТЕ ВОЗВНОВЛЯЕТСЯ.

ИМЛ "СЗ"

7-АО

ЛО "В"

СПРАВКА № 0002901 *

Чаушану, 1953 г.

Выдана гражданину (ке) Есенберлину

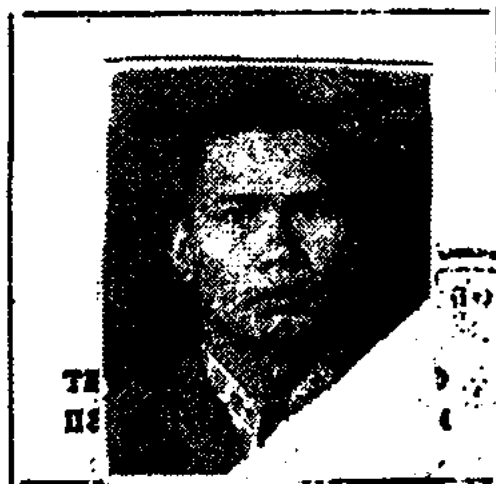
Ильичу
1916 года рождения, уроженцу (ке) Амбасар Ахматовской обл
гражданство (подданство) СССР национальность казах
осужденному (ой) Областной судами ? Аман-Жа

Каз. Вер
«21» мая 1951 г. по ст.ст. 109 УК ССР
к лишению свободы на 5 лет с поражением в правах на
11 мес года, имеющему (ей) в прошлом судимость не судим

в том, что он (она) отбывал (ла) наказание в местах заключения
МВД по «14» марта 1953 г. и по ст. Указа от 27/11/53
презид. Вер. Сов. Союза об освобождении

С применением св. ст. 109 УК ССР
Освобожден (на) «14» марта 1953 г. и следует к избранному
месту жительства Аман-Жа Каз. Вер
(город, село, дер., район, область)

до ст. ж. д. дороги

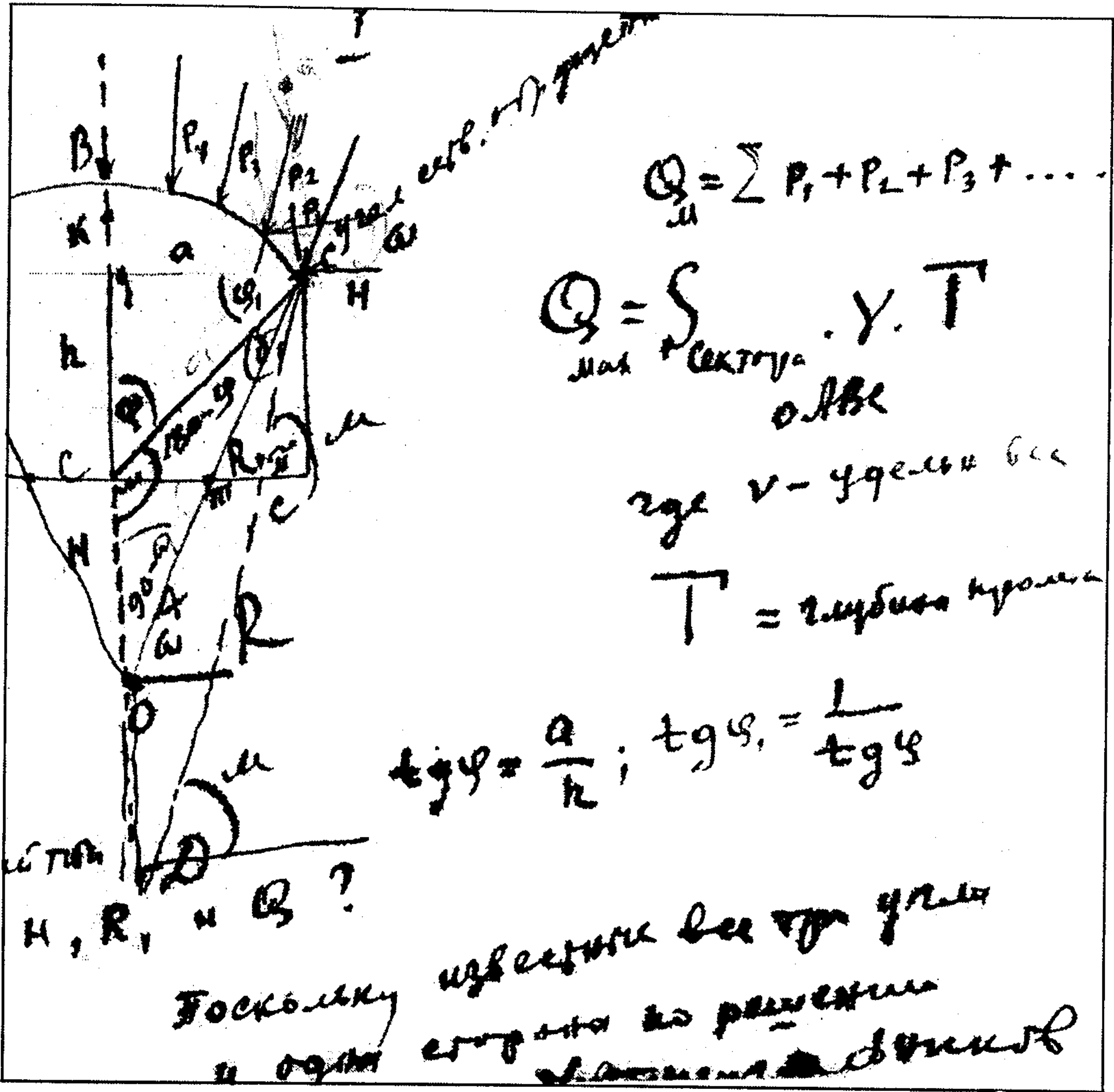
Начальник лагеря (ИТК) Мочалов

Нач. отдела (части) Токмак

Печать

Справка выданная И. Есенберлину об освобождении
из мест заключения. 1953 г.

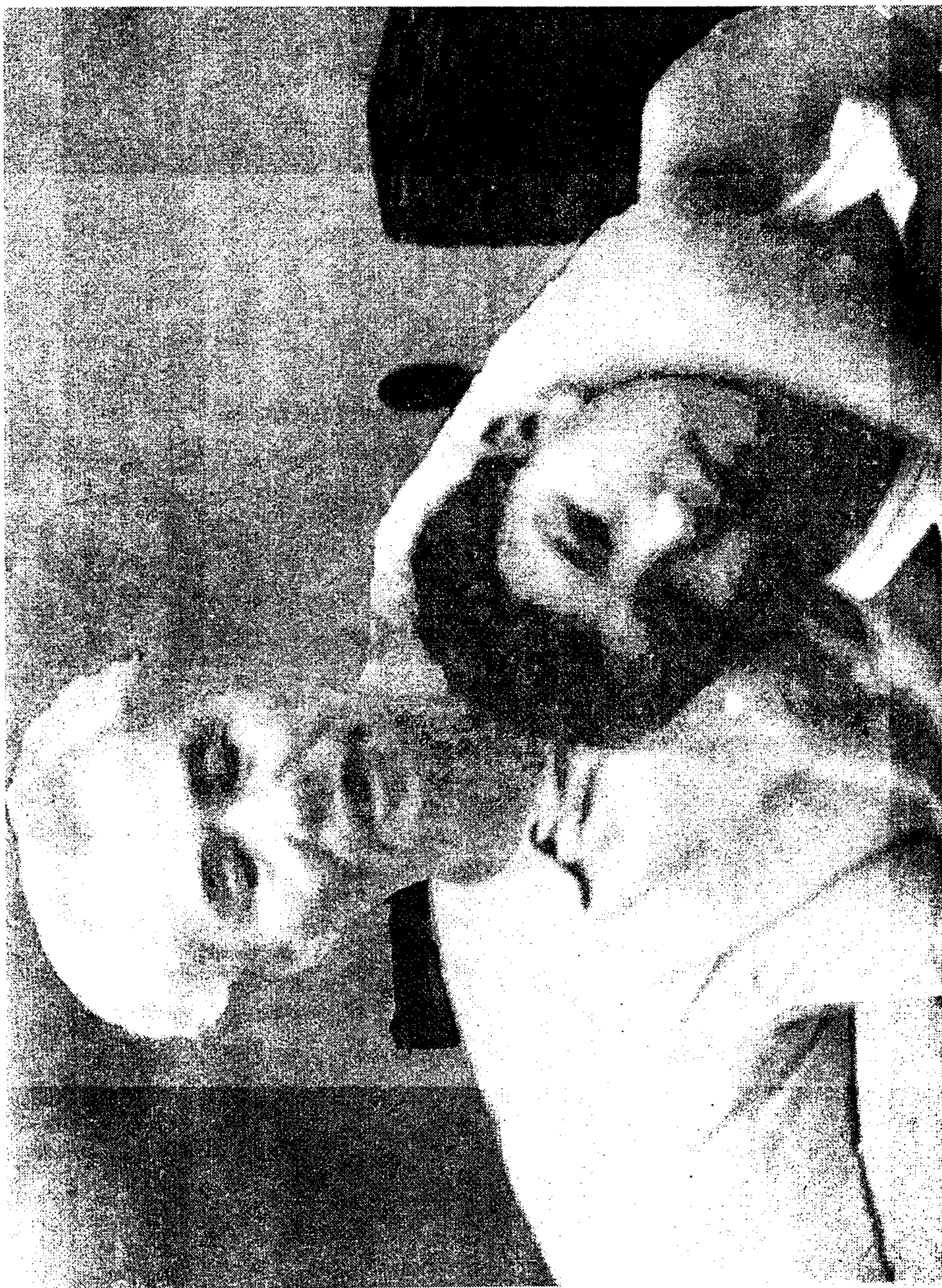
Технические схемы и расчеты в области разработки месторождений полезных ископаемых, проведенные И. Есенберлиным во время пребывания в заключении.

Супруга Ильеса Есенберлина Диляра Жусупбекова
с тремя дочерьми – Раушан, Карлыгаш, Дидьфрузой.
(И. Есенберлин в это время находится в тюрьме) 1952 г.

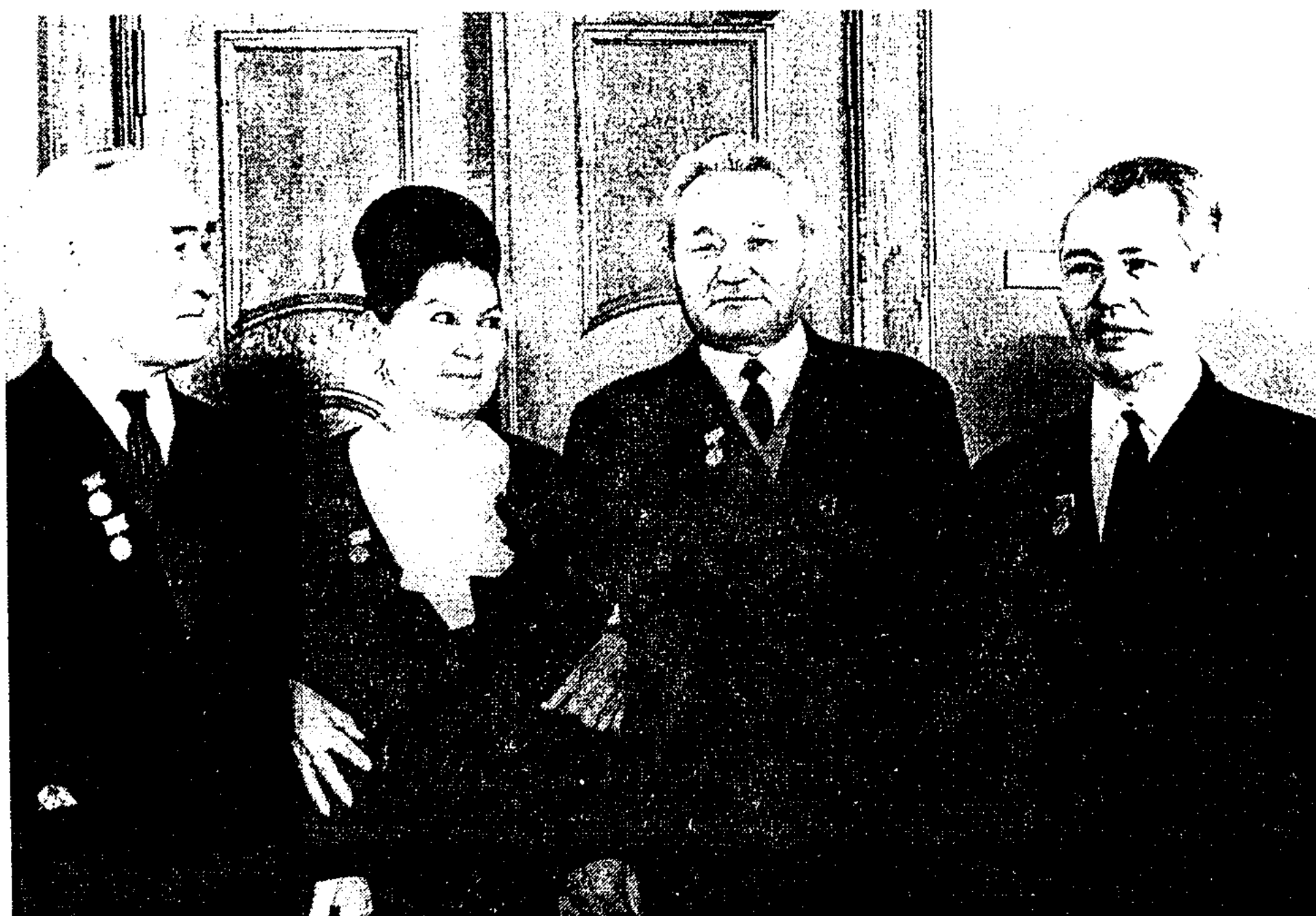
Брат Ильеса Есенберлина Равнак
со своей семьей (1952 г.)

Ильяс Есенберлин со своим сыном Козыкорпешем. 1963 г.

Вручение Государственной премии И. Есенберлину
председателем президиума Верховного Совета Казахской ССР
С. Ниязбековым. 1968 г.

Ильяс Есенберлин во время вручения Гос. премии Казахской ССР. 1968 г.

Ильяс Есенберлин во время работы директором
издательства «Жазушы». 1968 г.

Ильяс Есенберлин с любимой женой Дилярой. 1970 г.

Ильяс Есенберлин
с внучкой Аселей. 1974 г.

Ильяс Есенберлин
подписывает свою книгу. 1974 г.

Ильяс Есенберлин с братом Равнаком в г. Москве. 1976 г.

Ильяс Есенберлин с писателем Рахманкулом Бердибаевым. 1976 г.

Ильяс Есенберлин с Сакеном Жунусовым. 1978 г.

Давайте рассмотрим это произведение с этих позиций. Многие говорят, что Нурпеисов затронул проблему Аральского моря. Нужна ли эта проблема? Конечно нужна. Не прав здесь Такен. Любая проблема подвластна художественным решениям, если решение этой проблемы под силу писателю». А если эта проблема не по силам тогда — провал. Проблема Аральского моря — великая проблема. Сейчас идут споры о переброске воды сибирских рек в Арал, или поворота части стока волжской воды, даже прорабатывается идея соединения каналом Каспийского и Аральского морей. Но эти споры происходят между учеными союзного масштаба. А Нурпеисов хочет решать это на уровне директора совхоза и на своем уровне. Но от того, что мечется главный герой — проблема не решается. Можно сказать, что автор сам создал предпосылки провала, профанации проблемы.

Второе. Нурпеисов пытается бороться с родофильством и родовыми междоусобицами. Это тоже важная проблема. Но здесь и нужно то, о чем я и говорил. т.е. Гражданская и нравственная позиция писателя. Писатель, который до сегодняшнего дня стоял на позициях именно родофильства, способен ли решать такую проблему? Конечно, нет. Его слова звучат примитивным обманом. Я не верю. Не верю в искренность Нурпеисова. У Вас там нет аргументов. Какой может быть спор на Арале о родах, племенах? Нет их, по крайней мере в Приаралье. Автор ввел сие для обозначения темы, проблемы, ну а поскольку нет предмета, то и не получилась повесть.

Третье. Между прочим можно написать хорошую книгу о людях Аральского моря и без этих проблем. Но для этого надо, чтобы героев книги читатели любили или ненавидели. Во всяком случае не оставались равнодушными. Равнодушие великий грех. Роберт Эберхард говорил: «Не бойся врагов — в худшем случае они могут убить тебя. Не бойся друзей — в худшем случае они могут предать тебя. Бойся равнодушных — они не убивают, не предают, но с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство.» Вот такая прескверная вещь равнодушие. Однако, вернемся к «Сен». Самое главное, читатель остается равнодушным к этой книге. В чем дело? Чтобы не утруждать Ваше внимание, я остановлюсь только на главном герое книги. По словам некоторых доброжелателей, это психологический герой. Таково мнение и Мухаметжана Каратаева. Сначала что такое психология. Это наука о восприятии. Что делает главный герой? Автор через воспоминание сталкивает его с прошлым, начиная еще с Алма-Аты. Что же дальше? Дальше главный герой с ненавистью вспоминает встреченных ему в прошлом людей. В свою очередь все кто окружают главного героя, тоже ненавидят его. А жена его, это вторая Акбола флиртует с другими. Главный герой получается какой-то инфантильный, неоправданно много мечущийся. Разве можно любить такого героя? Скорее всего его можно ненавидеть. Но он главный герой его надо

любить. А любить его нельзя, он слишком инфантильный. В результате читатель остается равнодушным. Значит, дорогой Джубан, Вы хвалите книгу, которой не существует.

Есть еще одна ошибка у автора. Писатель, который мучается не созданием лучшего произведения, а возвеличиванием своего имени похож на торгаша. То, что Вы, дорогой Абдижамиль, выдвигая на республиканскую премию, заставили бедного Бердыкулова напечатать в молодежной газете множество лестных отзывов о своем несовершенном произведении, если не торгашество, то в любом случае безнравственность.

Раз коснулся этого вопроса, разрешите несколько слов о нравственности. Еще Нурпеисовым не был написан «Сен», еще тогда, на последнем съезде т. Мулдагалиев загодя выставил эталонами казахской литературы книги Нурпеисова.

В то время это меня настораживало. Но я отнес это к ошибкам молодости Санбаева (как мне говорили он написал тот доклад). Но это было несправедливо и началом создания безнравственной атмосферы в нашем творческом союзе.

Эта атмосфера в дальнейшем усугубилась выступлениями газеты «Казак адибиети», возглавляемой тем же Ахтановым, Нурпеисовым и Муртазаевым.

Между прочим, об этом и знали товарищи из ЦК партии. Однако, вместо того, чтобы пресечь скатывание они проявили странную односторонность.

Как результат — сегодня такой доклад. Чтобы очернить журнал, Вы не останавливаетесь перед очернительством всей казахской литературы. Так нельзя.

Дорогие товарищи, Мулдагалиев и Нурпеисов, не мне у Вас заимствовать славу, тем более денег и должностей. Я Вам говорю как старший товарищ: никто не собирается занимать Ваши места! Оглянитесь и делайте правильные выводы.

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СЪЕЗДЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА

Достижения:

Бесспорно, что Союз писателей Казахстана за последние годы стал более значительным. Хорошо проведена Конференция писателей стран Азии и Африки, Всесоюзные мероприятия: Дни Советской литературы в Казахстане, встречи, юбилеи Абая, Джамбула, Кенена Азербайбаева и др

Рост числа писателей, главным образом, вырос за счет периферийных авторов, чего раньше и не было. Что касается творчества писателей,

то сами цифры говорят за себя: если десять лет тому назад объем выпускаемых книг был где-то в пределах 1,5 тысячи листов, тиражи — 5—6 миллионов, то сейчас объем больше чем 2 тыс. экз., а тиражи почти в два раза, естественно вырос и доход государству в два раза (около миллиона рублей ежегодная прибыль). Характерно, что многие писатели издаются (в смысле всесоюзным) большими тиражами. Так, например, в прошлом году только одного писателя Есенберлина Ильяса издано на пяти языках около полмиллиона экземпляров тиражом, Нурпеисов - на двух языках более 300 тысяч экземпляров.

Одним из показателей роста казахской литературы является то, что сейчас довольно высокий рост печатания книг писателей Казахстана в Московских изданиях. Если десять лет тому назад печатались в Москве — 3—4 книги, то только в прошлом году издано в Москве более пятнадцати названий (Алимжанов, Сулейменов, Есенберлин, Нурпеисов, Санбаев, Мулдагалиев и др.). Это показатель Всесоюзного признания нашей литературы. Не менее важным показателем является и то, что сейчас хорошо переводится наша литература на языки народов СССР и языки зарубежных стран (Алимжанов, Сулейменов, Кекильбаев, Ахтанов и др.). Надо сказать, что наши писатели не плохо поработали на тему современности. Появились немало интересных книг.

Недостатки:

Самым главным недостатком является то, что казахская литература не создала настоящих, проблемных больших книг на современную тематику (речь не идет об исторических и историко-революционных произведениях, где у нас есть немало достижений), также мы не создали в последнее время больших полотен на тему Отечественной войны. Попытки наших писателей создать проблемную книгу за последние годы на эти темы (книги Ахтанова «Буря», Есенберлина «Золотая птица», «Прикрой своим щитом», Кабдулова «Пламя» и ряд молодых авторов, также на тему войны Жумаканова, Бакбергенова, Кривошекина и др.) не пошли дальше «Миллионера», «Караганды» Г. Мустафин, «Темиртау» З. Шашкин, а что касается военных тем, то наши книги даже оказались ниже по своему уровню, чем «За нами Москва» Момыш-улы, «Грозные дни» Ахтанова, «Солдат из Казахстана» Г. Мусрепова, написанных двадцать пять-тридцать лет назад.

Самая главная задача нашей сегодняшней литературы — это создавать значительные проблемные книги на тему современности. Все наши силы должны быть мобилизованы на это.

Хотя я говорил, что немало печатают во всесоюзных издательствах, но все же это крутится вокруг определенных авторов (Алимжанов, О. Сулейменов, Есенберлин, Нурпеисов, Дж. Мулдагалиев, Досжанов, Санбаев).

Надо добиться более широкого распространения! Признания всесоюзного читателя (правда, ежегодно СПК делает обильные рекомендации, но не всегда все удается). Также обстоит и с переводом на другие языки. Мы переводимся, но наша литература не сделала такого взлета, как было в переводах Мухтара Ауэзова и Джамбула.

Надо издательство «Жазушы» в смысле тематического планирования подчинить СПК.

О молодежи.

Плохо работает «Простор», надо улучшить его работу.

СТЕНОГРАММА
ПЕРЕДАЧИ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ
(1980 Г.) «СУХБАТ» О ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ
ИЛЬЯСА ЕСЕНБЕРЛИНА.
(ведет передачу Султан Оразалинов)

Писатель Ильяс Есенберлин в течение последних двух десятков лет непрерывно изучает и на высоком художественном уровне рассказывает нам многовековую историю казахского народа. И так изо дня в день, из года в год ему в этой небольшой комнате приходится работать не только с утра до вечера, но и с полуночи до зари. Именно в этих мгновениях рождаются художественные портреты как отдельных исторических личностей, так и целого народа. Писатель на этом не успокаивается. Он пытается связать нить времен с судьбами своих современников. Если мы направим свой взор на казахскую литературу последних 15 лет, то без труда обнаружим произведения И. Есенберлина в качестве самого крупного явления современности. Он через свои исторические романы открыл в нашей литературе свежее направление — литературную целину. Не забывал и актуальные проблемы своего времени. В нашей художественной литературе до него никто не посмел ворошить малоизвестную, полузабытую, запутанную историю народа. И эти «холодные льды» были покорены, освоены, растаяли от жара его сердца и любви к истокам, к прошлому своего народа. По-другому быть не могло. Такие книги мог написать лишь тот, кто питал теплые чувства к своим легендарным предкам. И их славным делам и светлым помыслам. Нас заинтересовала творческая лаборатория И. Есенберлина, и мы сидим в рабочем кабинете писателя, слушаем его:

С. Оразалинов:— Ильяс ага, Вы в своих книгах часто описывали взаимосвязь между природой и человеком. Что вы могли бы сказать по этому поводу еще?

И. Есенберлин:— Задавая этот вопрос на тему взаимоотношения человека и природы, ты затрагиваешь очень актуальную для меня проблему.

Это моя любимая тема. Я описывал реки, величавые ели Алтая на востоке казахских степей; осенний пейзаж, превращенного поистине в “птичий базар”, заросших камышом Курголджинских озер; выжженное солнцем пепельно-серое побережье Сырдарьи не только ради самой природы. Для нас — потомков кочевников, жизнь которых прежде была в постоянном движении по степи на лоне природы, где мы пасли скот, занимались охотой не ради забавы, а ради выживания. Тандем: человек и природа в своем двуединстве олицетворяли два берега реки бытия. Именно поэтому, и в древнее время и значительно позднее для неурбанизированного казахского общества, которое вело кочевой образ жизни, роль природы имела перво-степенное значение. Состояние окружающей природы, среды обитания казахов трансформировалось в состояние души народа. Взаимосвязь тогда была не опосредованной, как у городских жителей, а прямой. Если вспомним слова Махамбета:

“ Гнездо сокола на ветках ивы
Ветерок подул, а в печали сокол и мы.
У жаворонка свито гнездо в кустах
От наводнения у матери печаль в устах” —

то видим, как этот мужественный батыр столь нежно разделяет тревогу даже за диких птиц. При всей аллегоричности строк, тем не менее, судьбы людей переплетаются с природой и в реальности, и в образах. Это вовсе не случайно. Или вспомните стихи Мади:

“Моя божественная гора Каркаралы,
Ты окутана не тучами, а печалью!”

И здесь тоже знаменитый поэт свое внутреннее состояние сравнивает с природным явлением, находя взаимосвязь между ними.

Я сам родился и вырос на плодородной ниве, на берегу реки Есил, что находится между Кокшетау и Улытау. С раннего детства я полюбил природу. Зная, что в наших условиях – сурового резко континентального климата и открытой местности с суровым и продолжительным зимним периодом, где человек настолько зависим от капризов природы. Я всегда старался учитывать данную объективную закономерность в своих книгах. Кроме того, я по воле судьбы и по роду своей деятельности, объездил наши казахские просторы. Поэтому хорошо знаком с реками, озерами, горами, лесами, степными краями Казахстана. То, что не знал сам, находил в справочной литературе, расспрашивал людей конкретных регионов, узнавал, где что растет и т.д. Хотел быть максимально объективным и поэтому старался, как можно больше узнать истинное положение вещей относительно природы и мест исторических событий.

С. Оразалинов:— В чем особенность вашей личной жизни в творческом пути?

И. Есенберлин:— Для меня это самый болезненный вопрос. Я себя еще стариком не считаю, хотя 65 лет — достаточно зрелый возраст. Но, при этом я себя внутренне ощущаю 1000-летним старцем. Был свидетелем разных событий. Встречался с разными людьми. Как у Мухтара Ауэзова, испытал “и огонь и воду”. Мое детство и молодость совпала с печально известными событиями 20-х, 30-х годов, когда весь народ пережил социальные потрясения, нищету, голод. Но для меня этот удар судьбы был вдвойне ощутим, так как я рано остался круглым сиротой, воспитывался в детдоме. Несмотря на все невзгоды, я закончил горно-металлургический институт. Но тут началась война, и в 1941 году я попал на Ленинградский фронт. Затем тяжелое ранение, инвалидность. Все это создало из меня нового человека, повлияло на всю мою жизнь, на формирование моих взглядов, убеждений, моего внутреннего мира. Работал и в степи, и в городе. Все это сильно изменило мою дальнейшую жизнь. Я стал литератором, не имея специального образования, так как у меня интерес к художественному слову появился с детских лет. Еще в детдоме я писал стихи для стенгазеты. А после войны я пришел в литературу осознанно и окончательно. С любовью и искренне. Мой выбор определила сама жизнь. Почти 10 лет работал редактором киностудии. Когда был редактором студии, приходилось создавать сюжеты кинофильмов, художественное оформление различных произведений искусств. И я, тем самым, прошел великолепную школу оформителя. Еще 8 лет работал на аналогичной работе, то есть был редактором литературного издательства. Данное обстоятельство способствовало дальнейшей моей активной деятельности в сфере литературы, моему становлению в качестве писателя. Поскольку я закончил горно-металлургический институт и был хорошо знаком со многими людьми, занятыми в производстве, от которых я постоянно узнавал их жизнь. Это помогало мне найти свою тему в литературе.

С. Оразалинов:— Каково соотношение выдуманного Вами в трилогии “Кочевники” и реальными историческими фактами?

И. Есенберлин:— Страна казахов расположена издревле на стыке Запада и Востока. Наш народ со времен кипчаков, с эпохи саков живет на этой древней земле и не является переселенцем. Мы занимаем седьмую часть Советского Союза. По численности коренное население Казахстана мало изменилось с тех давних пор. Поэтому у народа, который обладает столь огромной территорией, история тоже достаточно насыщена событиями. Она чрезвычайно интересна. У казахов недоброжелатели были и на севере, и на юге. Чего стоит один китайский дракон на Востоке. Все они направляли свои взоры, а затем когти на нашу землю. Они были не прочь поселиться у

нас. Наши предки смогли дать отпор всем иноземным захватчикам. Казахские джигиты с юных лет седлали своих коней, крепко держа в руках щит и меч, становились батырами и сражались насмерть с агрессорами. Все эти исторические факты подогревали мое здоровое любопытство с самого моего детства, перерастая в настоящее увлечение историей. В “Кочевниках” придуманных героев мало. В романе “Хан Кене” есть Есиркеген. Он является человеком, стремившимся к русской культуре. Есиркеген мой придуманный герой. Но таких казахов в XIX веке, получивших образование в Оренбурге, Омске из числа молодежи было немало. Около десяти таких людей я знаю из истории. Есиркеген — их собирательный образ. В целом, я всегда стараюсь не уходить от конкретных достоверных фактов. В качестве своих героев в основном брал реальные исторические личности. Поскольку это художественное произведение, ради остроты событий и сгущения сюжета изредка приходилось и подчиняться закону этого жанра. Но ими я не злоупотреблял, что бы из были не сотворить сладкую сказку. В романе “Хан Кене” пять придуманных героев, а в романе “Заговоренный меч” — не более шести. Хотя этих людей в жизни не было, но сюжетная линия без них обеднела бы. События казались бы менее интересными.

С. Оразалинов:— В трилогии “Кочевники” роман «Заговоренный меч» от романа “Хан Кене” отличается и по стилю, и по художественному оформлению. Почему?

И. Есенберлин:— В целом на мои отдельные книги написаны и опубликовано очень много критики. Богатство или бедность языка. Качество стиля повествования — все это обсуждается давно. Что касается разницы между книгами, то, бесспорно, она имеет место. Все мои пятнадцать романов в сравнительном аспекте никем еще не изучены, и поэтому такого рода рассмотрения, конечно, не было. У каждого моего романа свой язык, свой стиль. При всей схожести все мои книги по языку и стилю совершенно разные вещи. Потому что я брал различные темы. В книге “Прикрой своим щитом” меня интересовала тема освоения целины, и здесь прибегал не только к соответствующей терминологии, а учитывал особенности мышления именно этих людей — целинников, их цели и задачи, как новое явление, и оно описано по-новому. Отсюда и язык, и стиль. Поскольку “Золотая птица” посвящена жизни шахтеров, которые почти полжизни проводят под землей в экстремальных условиях, то здесь уже своя специфика художественного обрамления жизни героев. Поэтому разница по стилю в моих книгах довольно значительна. “Заговоренный меч” и “Хан Кене” тоже по стилю не похожи друг на друга. Видите ли, в самом начале все три книги трилогии “Кочевники” я планировал лишь мысленно. В течение многих лет содержание трилогии создавал, переделывал, шлифовал не на бумаге, а в голове. В своей душе. С этими мыслями я жил. Собирал одновременно материалы,

факты, документы событий тех веков. Затем их систематизировал, конструировал. Тут мне здорово помогло то малоприметное в литературной среде обстоятельство — роль точных наук, моделирование, изобретательство. Я с детства любил точную науку, прежде всего математику. Моя профессия инженера мне здорово помогла на стадии сбора и анализа огромного объема архивного и другого документального материала. В трилогии “Кочевники” я опасался, прежде всего, за третью книгу, т.е. за роман “Хан Кене”, и не случайно. Не секрет, что к личности последнего казахского хана Кенесары и его национально-освободительному движению, десятилетнему вооруженному восстанию отношение не однозначное. В народе он любим, легендарная личность, а в официальных кругах считается чуть ли не разбойником. Это рискованная тема, от которой до меня пострадали многие историки за объективное отражение сего факта. В сущности данная тема все еще остается запрещенной в нашей историографии и литературе. Поэтому я хотел, чтобы вышла в первую очередь именно третья книга “Хан Кене”. Была нарушена хронологическая последовательность в “Кочевниках”, но это уже не моя вина. Я так хотел, об этом мечтал. Я думал, что и к первой книге, и ко второй книге особой претензии не будет. Учитывая то, что роман “Хан Кене” для меня стал первым произведением на историческую тему, я соответственно к художественной стороне книги придавал больше значения, нежели к фактам, свидетельствам и документам тех времен. Более основательно описывал природу, растительный мир, особенности характеров, поведения людей. И в романе “Заговоренный меч” тоже старался для большей привлекательности. Художественный аспект был для меня не менее важен, чем конкретные факты истории, и по языку, и по глубине мысли. В этих книгах, начиная от сухих фактов и художественного пышнословия сочетал в разумных пределах, чтобы было как у нас казахов принято угощать гостей — “асату”, когда на ломтик вареной печени кладут кусочек вареного курдюка (жира), что напоминает бутерброд или бекон. Чтобы читателей не утомлять одними скучными фактами я прибегал к художественным приемам. Это нормально. Некоторые сложные вопросы раскрывал с помощью фольклора. Роман “Хан Кене” потребовал от меня больше времени и усилий, поэтому несколько отличается по стилю от других книг трилогии.

С. Оразалинов:— Как Л. Толстой (“Война и мир”), как М. Шолохов (“Тихий Дон”) Вы тоже выбрали в своем творчестве самые тяжелые, трагические периоды своего народа. С какой целью Вы это делаете?

И. Есенберлин:— В этом заключается смысл моей жизни, творческой в частности. Суть проблемы в том, что казахские земли слишком часто подвергались нападениям извне. Этот народ чаще и больше других испытывал притеснения, унижения и страдания. Какие только кровопролитные войны

он не пережил. В XV веке об этом писал Рашид-ад-дин. После одной такой войны у Рашид-ад-дин записаны слова одного хана: “впредь можете считать, что казахского народа больше нет!” Таких случаев, когда нация оказывалась на грани физического истребления в нашей истории было много раз. И этот, казалось бы, уничтоженный народ, сохранив за собой огромную территорию между Западом и Востоком, все же уцелел. Моя главная цель — рассказать своим современникам и нашим потомкам о героическом многострадальном прошлом народа. Я хотел рассказать о пережитом моим героическим народом в той эпохе лихолетья. О его борьбе, мечтах, о мирном будущем, о том, как они сохранили государственность, этническую общность. Как он самосохранился в условиях внешней угрозы и внутренних противоречий. И многие вопросы, вытекающие отсюда, для меня представляли живой непреходящий интерес. Было желание все это показать языком художественного слова. Вопреки трудностям того времени, вопреки силе и могуществу неприятелей мой народ достойно вышел из этих беспощадных войн, сохранив себя. И в “Кочевниках”, и в трилогии “Золотая Орда” я хотел рассказать об этом. Я стремился, чтобы мы из уроков истории делали верные выводы.

С. Оразалинов:— Сколько времени ушло на написание трилогии “Кочевники”? Этот вопрос я задаю потому, что Вы за 15 лет выпустили 15 книг, т.е. по одной книге в год. Подобное явление в нашей литературе в диковинку, так как ни у одного нашего писателя нет такого показателя. При всем желании такая интенсивность никому не по плечу. Поистине редкое явление. Такое скорописание, наверняка, требует большого трудолюбия. Это же замечательное качество. Объясните, пожалуйста, в чем секреты столь ураганной продуктивности?

И. Есенберлин:— Если возьмем последний 15-летний период моего творчества, то в 1965 году я выпустил роман “Схватка”. И с тех пор в течение 15 лет мне удавалось выпускать в среднем по одному роману в год. Действительно, многие удивляются: “Как он пишет, где пишет, почему так пишет?” Тем более, темы моих книг разнообразны. Шесть моих романов написаны на тему промышленности, две книги — на сельскохозяйственную тему. Особенность моего творчества заключается в том, что я сначала собираю документальную основу. Это материалы архивов, конкретные факты, сведения о событиях. Чаще упор делаю на народный фольклор. Затем собираю и изучаю опубликованные ранее материалы. Читаю, сравниваю, анализирую. Все это подготовительный период. Это год-два, а иногда еще дольше; всю эту информацию запоминаю, проверяю, переделываю, записываю в своей голове. В своих мозгах. Выделяю наиболее интересные моменты и их откладываю в своей памяти, а все что второстепенное, мало-важное вытесняю из памяти. Сначала я свои книги пишу мысленно. Только

после всего этого остается перенести почти уже готовую книгу из моей памяти на чистый лист. Я никогда не сидел за столом с бумагой и ручкой в растерянности, не зная, что писать. Иначе зрелое произведение не получится. Это моя практика. Причем, когда я пишу, никогда со временем не считаюсь. Могу писать днем, ночью, неделями, но пока я не закончу книгу в моей душе покоя не будет. Перерыв я делаю только закончив ту или иную работу. Мне так удобнее. Я так привык. Например, роман “Хан Кене” я писал три месяца. Как правило пишу книгу достаточно быстро, так как пишу не жалея себя, но с величайшим удовольствием. Времени для написания книг не жалею. Все другие дела мне никогда не мешали думать о будущей книге. Написать трилогию “Кочевники” окончательно решился в начале 60-х годов, но и к этой работе я шел 20 лет! Шаг за шагом, не спеша, методично. В этом я видел смысл жизни. А фольклорная часть трилогии “Кочевники” жила во мне еще с раннего детства. Без всякого преувеличения скажу, что начиная с 1942 года начал собирать фактологию данной трилогии. Вернувшись с фронта инвалидом и работая в ЦК КПК, мне посчастливилось посетить архивы городов Омска и Оренбурга, и с тех пор я занимался накоплением в своем личном архиве материалов, имеющих отношение к истории моего народа. Я просматривал не только старые материалы, но и все доступные мне: печатную продукцию с 40-х годов до середины 60-х. Так что времени для спокойного сбора данных было, в принципе, предостаточно. Затем оставалось лишь все это “переварить” и выдать книгу “на гора”. Само написание с последующей доработкой книг потребовало от 3-х до 6-ти месяцев времени. Как говорит наш северный великий сосед: “мы долго запрягаем лошадей, но затем быстро-быстро едем”. Такой, получается, мой стиль письма.

С. Оразалинов:— Из вашего рассказа я убеждаюсь в том, что разные писатели работают по-разному. Одни предварительно долго думают, длительно вынашивают свое будущее произведение, а потом быстро пишут, а другие садятся за письменный стол. Согласитесь, в любом случае спринтерская манера, рекордно короткие сроки в художественной литературе не являются главным показателем. Основным показателем все же является качество. В этой связи, мне хотелось бы узнать от вас о том, что нет ли в Ваших планах доработки, переделки. Пересмотра уже изданных книг с целью улучшения их качества?

И. Есенберлин:— Художественное произведение рождается сначала в тебе. Когда пишешь, не жалеешь себя. Напрягаешь все свои возможности, весь свой ум и способности. Малодушие и лень несовместимы с творческим азартом. Твое произведение – частица твоей души и разума. Как гласит казахская поговорка: “птица приземляется на пределе силы крыльев”, т.е. в конце своего полета. Писатели тоже обладают определенным

творческим запалом. У одного потенциал больше, у другого – меньше. Мы тоже склонны оценивать свои книги позитивно, а иногда несколько предвзято. Так полагают авторы. Мнение читателей, оценки других зачастую отличаются от твоих взглядов. Они говорят: “Это место пусть будет не так, а эта фраза иначе” и так далее. Они высказывают свои замечания. Часто дают советы. Поэтому не бывает идеального художественного произведения. Конечно. У любого писателя бывают книги, которыми они не вполне довольны. Например, если бы у меня было больше времени и возможностей, я бы с удовольствием доработал бы романы “Прикрой своим щитом” и “Золотые кони просыпаются”. Годы идут и силы не те, поэтому не знаю, смогу ли я вернуться к этим двум книгам. На 1984 год запланирован выход моего полного собрания сочинений. Если смогу, то те скомканные в спешке некоторые места трилогии “Кочевники” я не прочь расширить.

С. Оразалинов:— Ильяс-ага, какое Ваше произведение самое любимое? Если таковые имеют место, тогда почему они для Вас особенно любимы?

И. Есенберлин:— Все мои книги появились на свет, если так можно выразиться, в творческих муках. Приходилось и не спать по ночам, и иногда до рассвета сидеть за рабочим столом. Днем на работе думаешь только об этом. Я ни к одной своей книге не относился поверхностно. Образно говоря, какой бы палец ты не порезал – больно одинаково. Когда предвзято критикуют твои книги это очень больно для души. Нет, я не против конструктивной критики. Мне обидно за злонамеренную гнусную критику. Я высоко ценю свои первые романы. Это “Схватка”, “Опасная переправа”, “Влюбленные”, “Хан Кене”. Поздние книги писались тогда, когда я уже набрался опыта и жизненного и литературного. То есть их я создавал уже в зрелом возрасте. “Лодку, переплывающую океан” и трилогию “Золотая Орда” отношу к более позднему периоду своего творчества. Я люблю свой роман “Схватка”. За то, что главные герои книги мне очень близки, знакомы и понятны, так как я сам тоже инженер. Тем более, это моя первая крупная книга. Затем с большой душевной теплотой я отношусь к роману “Опасная переправа” за то, что книга посвящена судьбе казахской интеллигенции начала XX века, и она построена на основе реальных фактов и событий этого труднейшего периода нашей ближайшей истории. “Хан Кене” люблю, прежде всего, потому, что это итог моего двадцатилетнего поиска. Если я скажу, что на роман о последнем казахском хане Кенесары я потратил пол жизни, то это не преувеличение, не пафос. Так оно и получилось. Эта книга мною была выстрадана. Она из меня выжала все соки. Речь там шла не только о главном герое и о его брате Наурызбае, о его сестре, о родных, близких, его единомышленниках, друзьях и т.д. Мы же с тобой понимаем, что речь идет о кровопролитной десятилетней неравной

национально-освободительной борьбе народа в условиях тотального предательства своими же соплеменниками ради каких-то сиюминутных выгод и благ. Таковую книгу невозможно писать, не пропуская боль и страдания своих литературных героев через свое сердце, свою душу, так как содержание книги не абстрактное, не выдуманные грезы писателя, а конкретные реальные люди и события. В этом исключительная особенность романа “Хан Кене” и трилогии “Кочевники” в целом. Мое внутреннее убеждение – путь, пройденный ханом Кенесары верный и оправданный, ибо это выбор народа, его чаяние, думы и мечты. Ведь народ то пошел за ним не от страха, а по доброй воле. Поэтому я считаю, что я написал нужную книгу. В трилогии “Золотая Орда” для меня дороги имена наших эпических героев батыра Шора, Ер Таргына, Едиге и других. Все они исторические легендарные личности. И тот период полон противоречий, трудностей, путаниц. Поскольку я при написании “Кочевников” уже прошел хорошую практическую школу, то трилогия “Золотая Орда” создавалась мною гораздо легче. И к этой книге тоже отношусь с большой симпатией.

С. Оразалинов:— Как зрелый литератор, какое хотели бы дать напутствие молодым писателям?

И. Есенберлин:— Что касается советов, то необходимо любить труд. Нужно быть полезным своему народу. Как сказал К. Маркс: “нужно писать то, чего не можешь не писать”. Нужно исходить из позиции высокого идеала. Сюжетную канву прежде не мешало бы выстрадать, только после этого решить: писать или не писать, как у Шекспира, писанина ради писанины ни к чему. Говорил же Абай: “Что искренно не исходит от сердца, то не доходит до чужих сердец!” Читатель не примет фальшь, гарантом успеха может стать только искренность. Разумеется при наличии таланта. Объект писательского творчества должен обжигать его сердце, терзать душу, стать смыслом его жизни. Иного выхода я не вижу. Подбор темы – половина успеха. У нас ныне много хороших книг. Хороши книги С. Бакбергенова. Зачастую у наших авторов не хватает мастерства. Мастерство в моем понимании не только удачный сюжет, а, скорее всего, убедительность текста. Читатель должен поверить автору. А если люди сомневаются, то какое это мастерство? Поэтому одни писатели покоряют аудиторию, а другие нет. В этом вся разница. Например, возьмем пьесу “Козы-Корпеш и Баян-Сулу”. Превосходная пьеса. В казахской литературе нет лучше этой пьесы, написанной на фольклорной основе. И язык великолепный, и сюжет завораживающий, но если посмотреть на пьесу, реалистично, тем более глазами молодежи, то тут, в конце пьесы не хватает мастерства. Мне кажется, что в наше время смотрится малоубедительным умереть в юном возрасте ради любви. Ясно, что Ромео и Джульетта тоже взяты из фольклора, но там присутствует посредник — злодей.

С. Оразалинов:— Мы с вами разговор начали с природы. Вы человек, который прекрасно знает прошлое народа. Что Вы думаете о современном состоянии нашего народа?

И. Есенберлин:— Что касается природы, действительно наш народ и в прошлые века и сейчас живет в условиях далеко не райских в разных природно-климатических зонах нашей необъятной республики. Зима у нас суровая, лето знойное. Бывают засушливые годы. Вот вам и природа нашей Родины. Но наш народ издревле адаптирован к этим нелегким условиям. Даже в засушливые годы мы собираем неплохой урожай колосовых. Поголовье скота и птиц тоже растут из года в год. А это у нас древнее ремесло. И в суровые зимы животноводство не страдает от недостатка корма. Строятся города, фабрики, заводы, села, дороги, очаги образования и культуры. В последние десятилетия успехи Казахстана налицо. Я помню, в моем детстве казахи из Улытау к нам в Атбасар с большим трудом добирались специально из-за пары мешков пшеницы. А сегодня наша республика выращивает ежегодно по миллиарду пудов зерна. Разве это не достижение. Если в начале века редко кто из казахов был грамотный, то сегодня у нас тысячи тысяч профессоров, академиков, писателей, юристов и т.д. Если тридцать веков назад нас было всего три тысячи, то сегодня – шесть миллионов. Сегодня у нас нет нищеты, как явления во времена великих жутов, так как хорошо отлажены механизмы социальных гарантий, все старики получают пенсии. Я убежден, что все это еще не предел, и наш народ должен жить в обозримом будущем еще лучше. Наше завтра должно быть лучше, чем вчера. Байконур, Караганда, Экибастуз, Мангистау, Гурьев, Целина, Алма-Ата. Это неполный перечень нашего успеха. Для писателя существуют святые понятия, которые дороже собственной жизни. Как у моего главного героя – хана Кенесары. Это судьба нашей нации, разумеется, и собственная честь! Вот мое жизненное кредо. И смысл бытия. Для истинных писателей их книги дороже их жизни. У них жизнь не одна, а две. Первая – собственное существование, вторая — судьба героев книг. Для писателя, конечно, дорого и то, и другое. Трудно написать книгу более содержательную, чем описание собственной судьбы. И не каждый автор сможет перерасти самого себя. В целом стать настоящим писателем — трудное искусство. Не каждому по плечу быть совестью, трибуном для современников. Писательство в хорошем смысле вызов обществу. Он, написав книгу на проблемную тему, вызывает огонь на себя в прямом смысле этого слова. И почетно, и опасно, так как писатель один выходит на арену перед народом. Трудно быть настоящим писателем, потому что не каждому дано опережать свое время, пусть даже интуитивно угадывать грядущие события и оказаться властелином дум. У военачальника есть армия, у ученого лаборатория, у артиста режиссер, зрители, зал на момент действия. А у

писателя лишь белый лист бумаги и ручка. Твой фронт — твой письменный стол, твой солдат — твоя ручка. Есть дух, вдохновение — ты победитель. Покоряешь своих читателей не только у себя дома, на родине, но и на чужбине. С этой покоренной вершины тебя тогда не сможет свалить ни богач, ни грозный генерал, ни царь, ни время, даже целая эпоха. Жизнь твоих героев, перекликаясь с жизнью собственной, перерастает в духовное богатство нации. И после смерти крупного писателя, начинается бессмертие второй жизни. Ради такой перспективы можно не жалеть собственной жизни. Но это занятие не для слабаков. Я убежден в том, что хорошие книги переживут своего творца и останутся бессмертными литературными шедеврами. И если народ принял твои книги, появляется уверенность в этом, так как высшая судьба и самый объективный критик — это народ. Он ошибается редко. Один известный русский писатель о Сулеймене Стальском говорил: “Есть великие народы, которые своих незначительных сынов могут показать значительными. Но есть и великие сыны, которые свои незначительные народы смогут показать значительными!” Этот постулат вполне приемлем для настоящих мастеров художественного слова в контексте: народ — летописец. Это вдвойне приемлемо, когда речь идет о малочисленных народах. Писатели, которые пишут о прошлом, о настоящем и о будущем своего народа — счастливые люди. Я тоже себя считаю счастливчиком. Ведь не случайно же сокрушался великий Абай: “Коль мое имя человек, отчуждаюсь от невежд, коль невежда мой народ и мне тоже спасенья нет”. Так было сто лет назад. Сегодня другое время. Потому что сегодня наш народ образованный, культурный. Поэтому профессиональный долг каждого писателя написать книгу идейно высокую, как наши горы Алатау, глубокие как наше море Каспийское. Хотя большая часть моей сознательной жизни уже позади, а впереди небольшой отрезок времени, тем не менее, я считаю своим гражданским долгом написать новые книги для потомков.

С. Оразалинов:— Я думаю, что у такого крупного мыслителя нашего времени, каковым является наш уважаемый Ильяс-ага, есть, что сказать нам. Но в одной мимолетной беседе невозможно охватить все грани его творчества. Тем более, замкнутый от природы И. Есенберлин скуп на слова при беседе. Такие люди все наилучшие мысли берегут для бумаги, для будущих книг и их трудно разговорить. Они уходят в себя, и самые сокровенные думы держат в себе. Неслучайно его книги насыщены неординарными личностями, характерами, героями. Художественный уровень книг Ильяса-ага, несомненно, высок. По существу, его творчество глубокий философский труд. Книги написаны со вкусом. Это его жизненное кредо. Другое дело, что при всей общенародной любви, творческое наследие И. Есенберлина пока еще не подвергнуто анализу и осмыслению. По этой простой причине оно в

кругах как в творческих, так и политических не получило официальной оценки. Надеюсь, что это дело ближайших лет. Произведения И. Есенберлина чрезвычайно масштабны, панорамны, как наши бескрайние степи. С другой стороны, они по значимости, ценности, полезности для своего народа высоки и весомы. А может быть и для мирового, общечеловеческого уровня, говоря без всякого преувеличения. Наш скромный, малоприметный на первый взгляд Ильяс-ага другим народам доказал простую истину о том, что и у нас есть солидные нерядовые произведения художественной литературы и по объему, и по содержанию.

И Есенберлин относится к категории тех людей, для которых понятие Родина, народ превыше всего! Даже собственного блага, здоровья и самой жизни.

Немногие знают, что этот внешне не столь респектабельный, простой, обычный и, на первый взгляд, растерянный, усталый человек за письменным столом меняется до неузнаваемости. Преображается так, словно его подменили и лично мне напоминает знаменитого скакуна Ахан-Сэре “Кулагера”, которому не было равных на соревнованиях. Нас всегда интригует только один вопрос: откуда столько силы духа у нашего Ильяс-ага? Для нас остается загадкой то, что он, будучи большим мастером пера, при устном разговоре несколько меркнет из-за своего малословия. И. Есенберлин избегает длинных утомительных бесед. Избегает излишнего откровения и, явно, замыкается. Темп устной речи и его письма диаметрально противоположны. В этом мы видим особенность его характера. И с этим мы вынуждены считаться. Причем, он сам не скрывает и признается в том, что его Бог не наделил ораторским искусством. Но, если ты заденешь за что-то живое, Ильяс-ага свои мысли выдаст ударно, молниеносно, сокрушительно и по крупному. С одной стороны он казался человеком мягким, податливым, но ты ему возражаешь, и он яростно защищает свою позицию. Горячо, убежденно и основательно, показывая прямолинейность и силу характера. Я все эти признаки нахожу в его литературных героях, которые полюбились читателям своим принципиальным и справедливым нравом.

Перевод с казахского Ахмета Дюсенбаева

**СТЕНОГРАММА
ПЕРЕДАЧИ КАЗАХСКОГО РАДИО
ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И. ЕСЕНБЕРЛИНА**

МАТЕРИАЛЫ АГЕНТСТВА “ТАЙКАЗАН КАЗАХСКОЕ РАДИО”

Ильяс Есенберлин благодаря своим чрезвычайно ценным крупным произведениям стал известным писателем для широкого круга читателей. Он, начиная со своих первых стихов и поэм до знаменитых романов, прошел

длинный и ответственный путь литератора! И. Есенберлин переступил порог литературного ремесла первоначально в качестве поэта. Из под его пера вышли в 1947 году сборник стихов “Поэма о человечности”, в 1957 году — поэма “Песня о большевике”, в 1959 году — поэма “Трагедия Биржана”. Нет литературного жанра, где И. Есенберлин не пробовал свои силы. Он написал более сорока текстов для песен казахских композиторов. Среди них наиболее известные песни: “Девичья мечта” на музыку Е. Брусиловского, “Домбра” на музыку Байкадамова, “Молодежный вальс” на музыку М. Толебаева. А также он написал тексты песен, исполненных в кинофильмах “Шквал”, “На берегу буйного Иртыша”, “На крыльях песни”, “Тревожное утро” и др.

И. Есенберлин работал и в жанре драматургии. Его пьесу “Борьба в горах” 1956—1957 годах ставил Республиканский театр юных зрителей. Через 19 лет после написания “Поэма о человечности” он, возвращаясь к этому жанру написал либретто о комиссаре Токаше Бокине. Это произведение доказало высший уровень мастерства И. Есенберлина по написанию либретто. Он активно трудился и на ниве переводческой деятельности. Благодаря его переводу казахские читатели ознакомились с рассказами и сказками Д. Ушинского. Перевел роман Жулявского “Красная река”. Увлекался и написанием сценариев. Совместно с Ерзикяном поставил художественный фильм “Сплав”.

И. Есенберлин, работавший долгие годы в жанре поэзии, в начале 60-х годов переходит в прозу. Такая смена ориентиров у писателя произошла в достаточно зрелом возрасте, т. е. как у нас принято считать: “Коней, обычно, на переправе не меняют”. Решительный и волевой человек И. Есенберлин поступил вопреки общепринятым меркам, нормам творческой среды. Несмотря на скептические прогнозы коллег, он быстро доказал свою состоятельность в прозе.

Вначале, в качестве пробы пера он написал несколько повестей и романов на актуальные темы современников. Это повести “На берегу реки”, “Волны Есиля”, “Песнь о человеке”. Таким образом, прежде чем переходить на романы, он освоил еще одну литературную ступеньку. Испытав свои возможности на разных жанрах литературы, писатель с годами определился окончательно и бесповоротно. Теперь он все силы отдавал своим романам. В нашей беседе И. Есенберлин сказал следующее:

— Я рано открыл страницы литературы. Вернувшись с войны, написал поэмы “Айша”, “Султан”, “Поэма о человечности”. Они вышли в виде книг. Писал и другие стихи и поэмы. После них написал крупные романы “Схватка”, “Опасная переправа”, “Влюбленные”. Только после них перешел к историческим романам. Об этом я мечтал многие годы. Таким образом, приступил к написанию своей исторической трилогии “Белая Орда”.

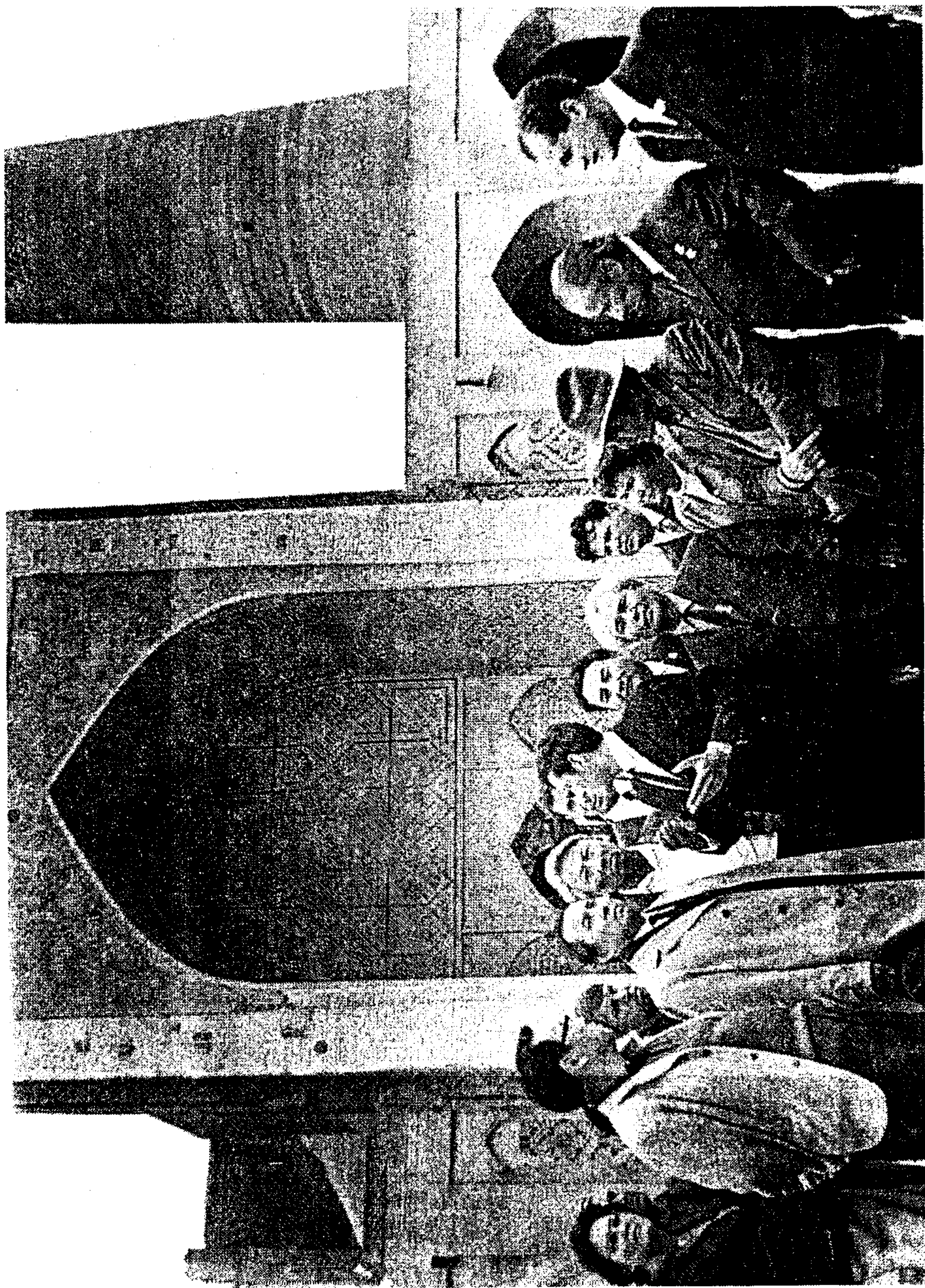
Во время работы II секретарем Совета писателей.

Ильяс Есенберлин (второй слева)
во время заседания в президиуме.

С питателем Азильханом
Нуршаиховым.

В дни казахской культуры в Узбекистане. 1978 г.

Во время пребывания в Узбекистане.

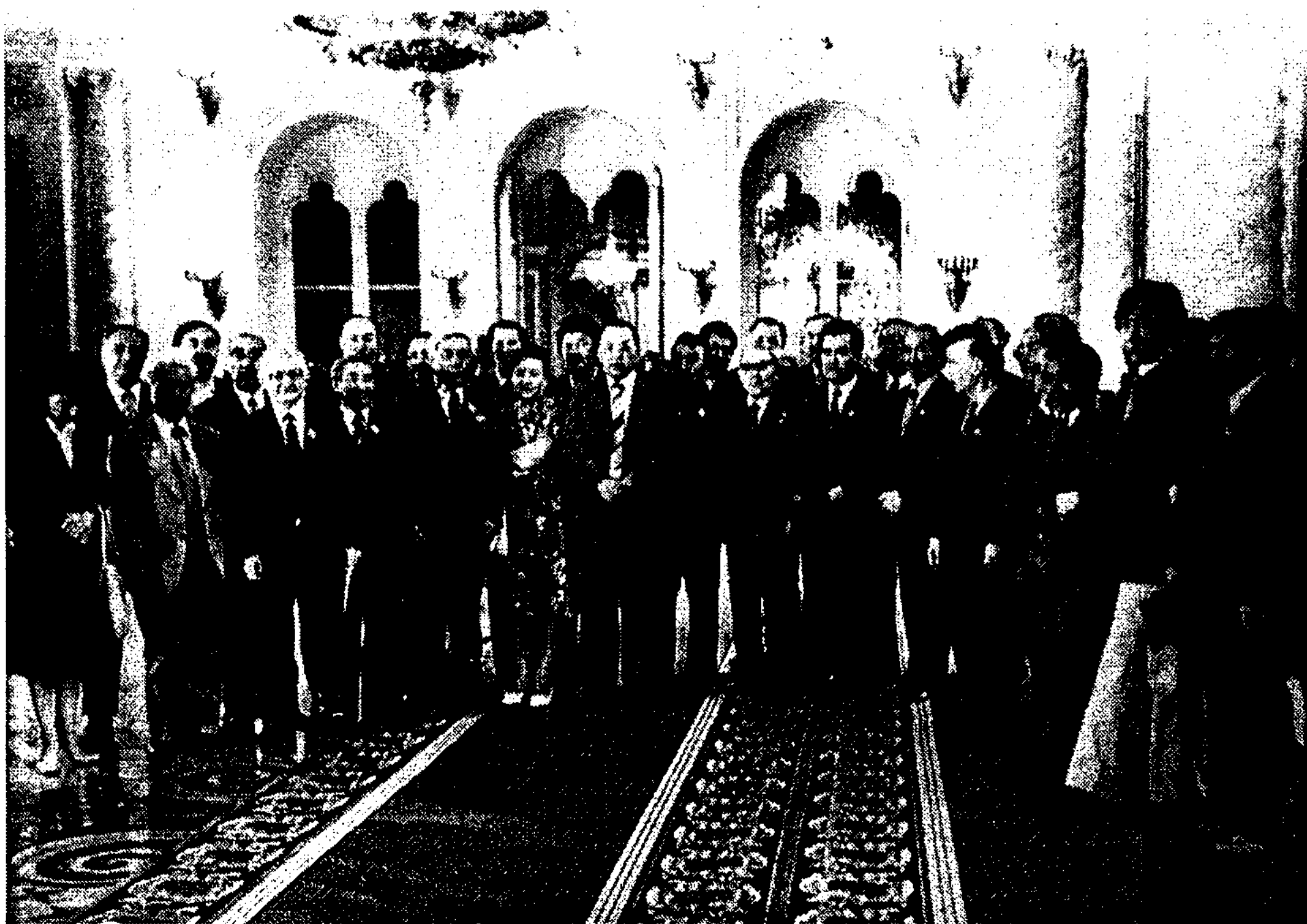
Ильяс Есенберлин с Сакеном Муратбековым. 1978 г.

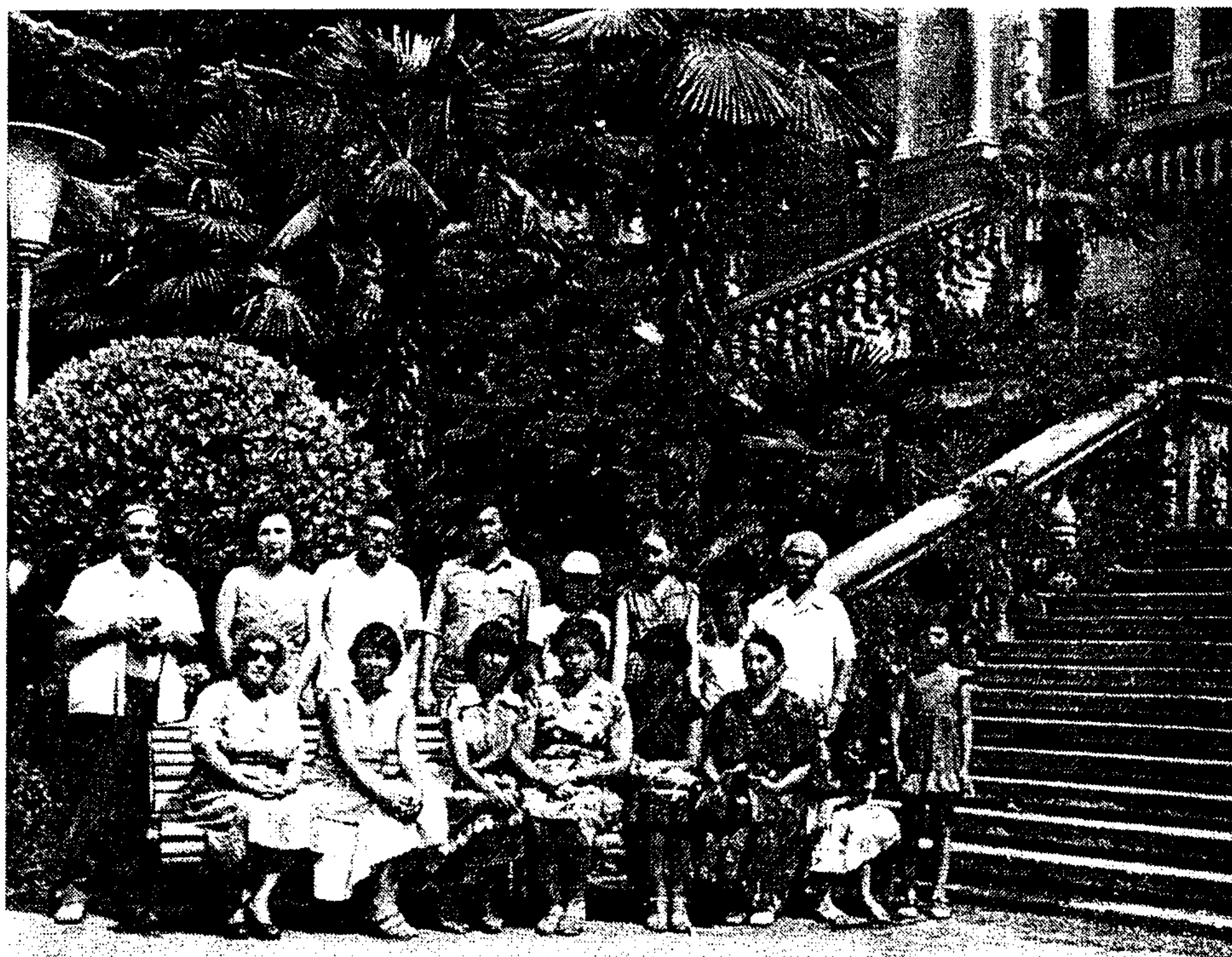
Ильяс Есенберлин (4-й слева) во время посещения Семиполатинской области. 1979 г.

Ильяс Есенберлин среди читателей. 1978 г.

Ильяс Есенберлин (2-й слева) участник
съезда писателей СССР. 1978 г.

Ильяс Есенберлин во время отдыха в Крыму. 1979 г.

Среди читателей. 1979 г.

1979 г.

Ильяс Есенберлин с Нурсултаном Назарбаевым (во время вручения Н. Назарбаеву удостоверения депутата Верховного Совета СССР). 1982 г.

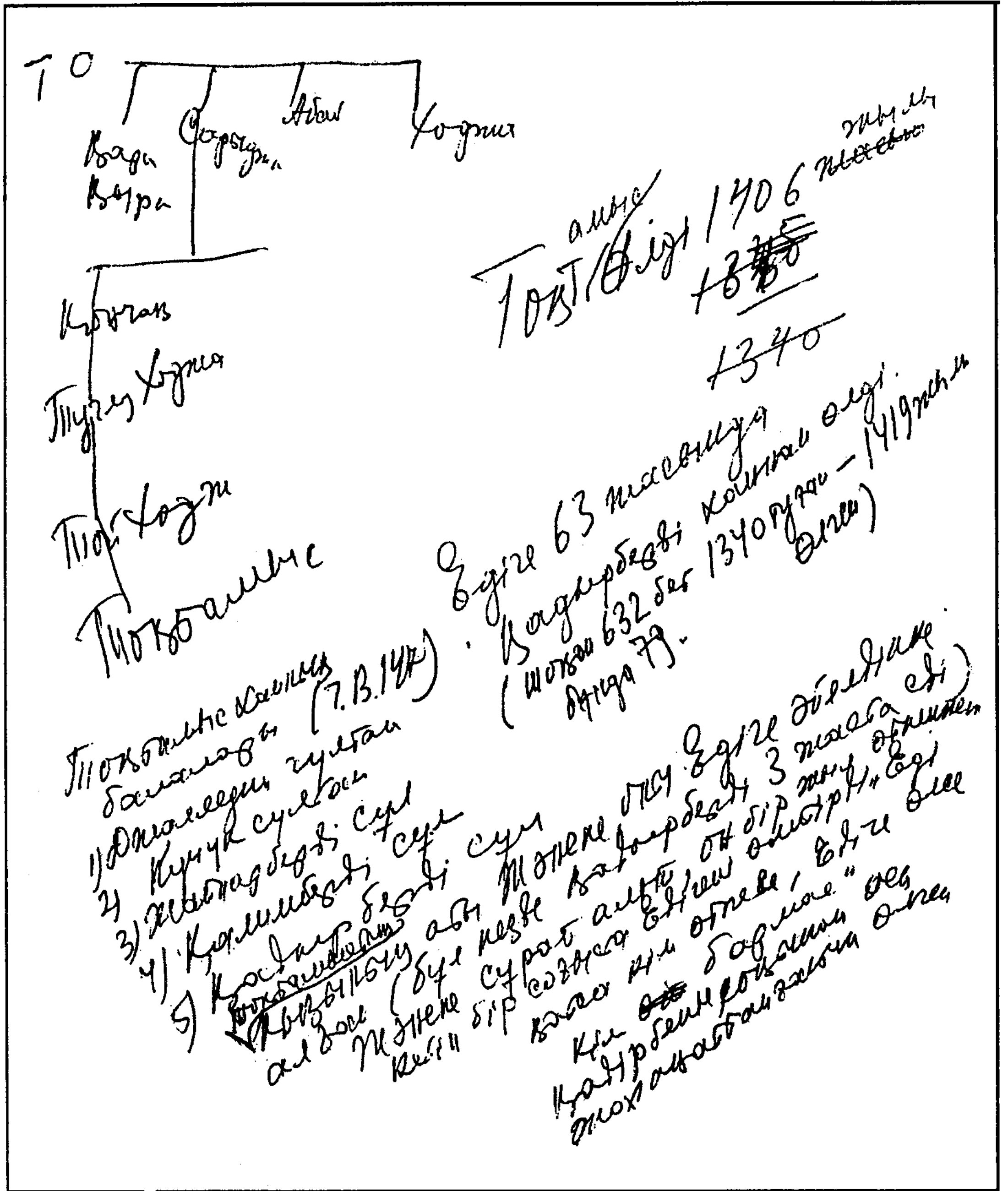
1980 г.

Ильяс Есенберлин с писателями (1-й ряд, 1-й справа). 1980 г.

Ильяс Есенберлин среди писателей. 1981 г.

Черновик трилогии «Кочевники» с пометками писателя.

1983 г.

Похороны Ильяса Есенберлина 6 октября 1983 г.

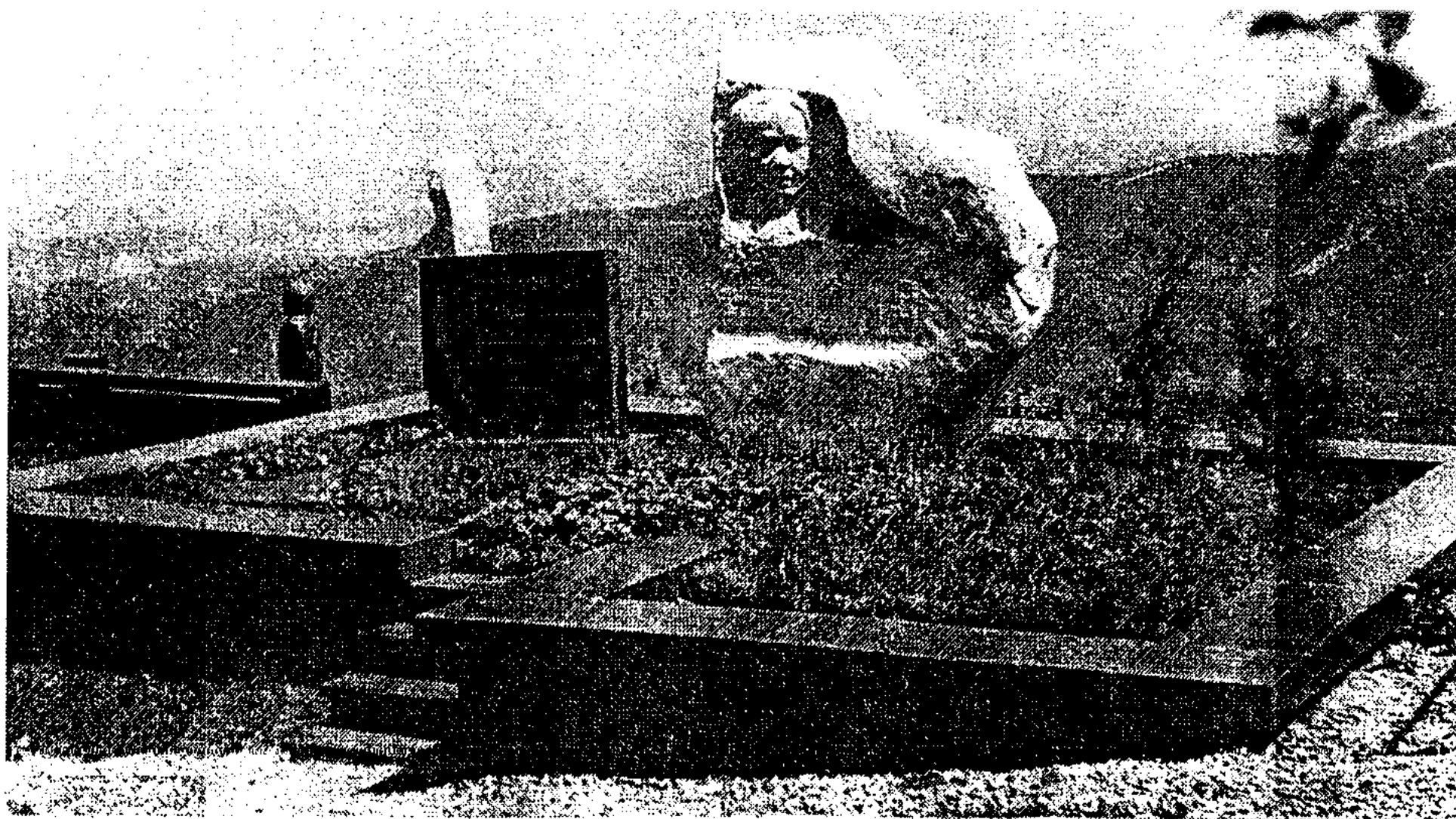
Козыкорпеш Есенберлин со своим Мади на фоне
портрета Ильяса Есенберлина. 1994 г.

Дом, где родился писатель. Атбасар. 1994 г.

Музей И. Есенберлина в г. Атбасаре. 2000 г.

Памятник Ильясу Есенберлину
на кладбище «Кенсай» г. Алматы.

Мемориальная доска на доме где жил писатель.

Это первоначальное название трилогии “Кочевники”, которая оказалась не по душе нашим идеологам и цензорам. На эту трилогию ушло двадцать лет моей жизни. Сложность заключалась в том, что у нас не было раньше книг по данной теме в качестве подражания, образца что ли. Вторая причина — очень мало научно-исследовательских работ наших историков. Пришлось все эти пробелы восполнять самому. Учитывая наличие партийной политики и потребность в самом обществе подобной информации я был, так сказать, между молотом и наковальней, приходилось идти на определенный компромисс при изложении горькой исторической истины.

Книге И. Есенберлина “Схватка” академик Маменов в своей статье “Книга побуждает мысли” в газете “Социалистік Қазақстан” от 05 марта 1967 года дал высокую оценку. В 1968 году роман был удостоен государственной премии Казахстана имени Абая. О творчестве Ильяса Есенберлина тепло отзывается академик Рахманкул Бердибаев:

— И. Есенберлин — один из тех, кто уже внес огромный вклад в дело развития нашей родной литературы. Творчество писателя на виду. Почти все его книги получили высокую оценку, как критиков, так и самого народа. Творческая активность Ильяса на редкость высока. Он трудится по двум крупным направлениям: наше прошлое и настоящее. Историческая тема и тема современности. Совмещать их дано не каждому литератору. Дело в том, что наши, казалось бы, самые маститые писатели не смогли уйти в глубину веков дальше XIX века. Здесь И. Есенберлин совершил не столько дерзость первопроходца, сколько подвиг мыслителя с пытливым умом и широчайшим кругозором.

Мы также беседовали с писателем Кабдешем Жумадиловым, с человеком, близким к писателю, редактировавшим многие его книги:

— И. Есенберлин является наиболее продуктивным писателем последних двух десятков лет в нашей литературе. Он за десять лет выпустил восемь романов. С первого взгляда это кажется многовато. Естественно. Творческая работа обычно оценивается не по объему, а по качеству. Но у Ильяс-ага качеством ни одна его книга не страдает. Совмещать эти две несовместимые вещи сможет только большой талант, чем не обделен И. Есенберлин. Многие считают, что И. Есенберлин стал широко известным в народе только благодаря своим историческим романам. Это неверно, так как он является автором многих романов и повестей на тему современников.

Здесь мы вспоминаем слова Генри Джеймса о том, что для большего успеха в литературном поприще писатель должен иметь на руках большие события. Эти слова совершенно уместны в адрес уважаемого всеми нами прославленного летописца своего народа Ильяса Есенберлина. Это так и об этом знает сам читатель.

Перевод с казахского Ахмета Дюсенбаева

ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИЮ ПО КНИГЕ “ЗОЛОТАЯ ОРДА”

Ильяс Есенберлин

Я прочитал рецензию Дербисалина. Её написал человек, совершенно незнакомый с историей Золотой Орды. У него отсутствует представление о самом государстве, о той опорной силе, благодаря которой она просуществовала три столетия и о причинах распада могущественной империи.

Опираясь на марксистскую теорию рецензент утверждает о том, что, якобы, сам народ развалил Золотую Орду. Автор пишет: “Самое главное — народ созрел, он стал сильным, объединившись собрал силу, перестал идти на поводу правителей Орды, искал пути самостоятельного существования, объединился с русскими княжествами, дал сокрушительный бой и, тем самым, народ взял да и развалил Золотую Орду.

По Дербисалину — пробудилось самосознание у простого народа и Дешт — и — Кипчак разрушил Золотую Орду.

Я прочитал о Золотой Орде сотни книг, но такую новость встречаю впервые. Суть рецензии построена по упрощенной схеме: поскольку правителей-эксплуататоров должен уничтожить народ, тогда и Золотую Орду тоже должны свалить низы. Это его предположение основанное на идеологии переворота 1917 года в России, когда пролетариат распустил самодержавие. Разве немецкий народ смог бы сам разрушить правительство Гитлера? Считая, что золотую Орду разрушил народ, Дербисалин далее ищет антирежимных вожаков из простой среды. Не находя в моей книге лидеров освободительного движения, рецензент ставит под сомнение правдивость моего изложения событий той эпохи. Он ищет колоритные образы народных героев, восставших против правителей Золотой Орды, и, не находя их в книге, сокрушается. Он вспоминает предводителей рабов римского восстания, В. Ленина, Э. Тельмана и многих других. При Золотой Орде не было такого явления, и, изучив всю доступную мне литературу об Орде, я не встречал ни одного имени подобного революционера. Тогда пусть рецензент сам назовет имя повстанца в Золотой Орде. Действительно, против монгольских нашествий были организаторы сопротивления. Это в Дешт — и — Кипчак Бошман, в Бухаре — Тараби, на Руси — Коловорот, в Венгрии — девушка Ланка. Их дела, действия, подвиги мною были описаны в первой книге трилогии в полном объеме. Учитывая, что при правителях-угнетателях всегда найдутся несогласные с положением дел, я включил в книгу в качестве прообразов таких героев как Ардак, Акберган, Коломон, Салимгерей, Тандам, Кундуз и других, хотя в реальности таких людей не было. Описал их восстания несмотря на то, что их тоже в таком масштабе в Золотой Орде не было. Я удивляюсь, что рецензент всего этого не замечает. А больше злоупотреблять вымышленными героями и собирательными образами я не мог. Это было бы равносильно насилию над историей.

В целом народы Дешт — и — Кипчак сопротивлялись Золотой Орде? Пусть будет по Дербисалину, т.е. против. Смог бы культурный, просвещенный немецкий народ опрокинуть режим нацисткой Германии? Золотая Орда тоже опиралась на военную силу, как и Германия 30—40х годов. И то, и другое государство было разрушено за счет другого, более влиятельного внешнего фактора. У Золотой Орды при ее распаде были и внутренние мотивы, но не в виде народного гнева, а чисто экономического плана, потому что кочевая империя отстала от соседей в сфере производства. Немаловажные причины распада Золотой Орды — это внутренние неурядицы, когда за двадцать лет здесь сменилось 14 правителей. Данные обстоятельства равносильны самоубийству империи.

В заключении хочу сказать, что Золотая Орда — это кочевое государство со своей спецификой. В ее поражении и распаде имеет место множество особенностей, не характерных современным государствам и другим империям. Рецензент к вопросу распада Золотой Орды подходит шаблонно, не учитывая отличительную черту этого государства. В основном критик учит меня как писать книгу. Тут поучительный тон не уместен. Мне были бы интересны замечания по существу.

Меня оппоненты часто обвиняют в поверхностном подходе при описании истории Золотой Орды. Уверяю вас, если я увлекся бы детализацией фактов, тогда потребовалось бы не три, а триста книг! Это же очень обширная тема, ведь речь идет о рождении, становлении и распаде огромной по размерам, сложной по структуре, пестрой по составу сверхдержавы средневековья. Поэтому, чтобы не утомлять читателя, я был вынужден быть предельно кратким при описании отдельных событий, что ставится мне в упрек. Скорее всего это придирка, нежели объективная оценка. Они хотят лишь меня обидеть. Ну и пусть! Я знаю, что от этого значение моей книги нисколько не уменьшится.

Перевод с казахского Ахмета Дюсенбаева

ПЕРЕПИСКА

ИЛЬЯСА ЕСЕНБЕРЛИНА СО СВОИМ БРАТОМ РАВНАКОМ ЕСЕНБЕРЛИНЫМ.

ПЕРЕПИСКА ПРОДОЛЖАЛАСЬ 50 ЛЕТ, ЗДЕСЬ ВЫ МОЖЕТЕ ПРОЧИТАТЬ НЕКОТОРЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ. ПЕРЕВОД С КАЗАХСКОГО АХМЕТА ДЮСЕМБАЕВА.

Ильяс!

В госпитале прочитал твой роман "Прикрой своим щитом", опубликованный в четвертом номере журнала "Простор". Это же очень солидная тема, насыщенная событиями и достаточно красивым художественным языком. Чтобы написать подобные вещи нужно хорошо знать сельское хозяйство, природу. Когда я прочитал твои книги "Схватка", "Золотая птица", "На берегу реки", то понимал, что их автором является горный инженер. Прочитав твои исторические книги, я удивлялся и думал о том, где ты брал все эти данные. Как не радоваться, если я знаю, что ты родился и вырос в городе, окончил технический институт и был далек от жизни села. Мне трудно быть справедливым критиком, тем не менее я убежден в том, что эта книга является одной из самых лучших книг в Союзе на сельскую тему. Её нужно переиздать в Москве. Если бы я был режиссером, то лучшего сценария для фильма не искал бы. Что скажут критики?

Недавно в "Литературной газете" я прочитал странное, на мой взгляд, утверждение З. Кедринной про книгу А. Нурпеисова "Кровь и пот" о том, что она "могла быть названа энциклопедией революционного преобразования степи XX века". Судя по такой оценке, казахи на своих обширных степных просторах должны были разводить рыб, а не пасти скот. И книга, посвященная жизни рыбаков, а претендует стать энциклопедией по всей степи Сары-Арки. Что это, попытка поднять эту книгу до уровня "Абай" М. Ауэзова?

01.06.74г. Равнак г. Москва

Ильяс, Дила!

Воздух курорта "Боровое" помог вам? Как проводит каникулы Козыкорпеш? Сам первого июля вышел на работу.

Месяц назад в московские книжные магазины поступил "Заговоренный меч". Книгу я отыскал и купил. Теперь наблюдаю, как книги расходятся. Сомневался и думал о том, что неужели в Москве найдутся люди, которым интересна наша казахская история. Много оказалось. В самом крупном магазине "Московский дом книги" на Арбате "Заговоренный меч" разобрали буквально за одну неделю. В магазине "Книжный мир" на улице Кирова тоже распродали книгу быстро. Уже нет ее в "Книжной лавке"

на Кузнецком мосту и других магазинах. “Отчаяние” в этот магазин не поступало. Её, видимо, не будут продавать. Когда будешь у нас? Ждем писем.

12.07.74г. Равнак, Вера, г. Москва

Равнак!

Твое последнее письмо получили. Как вам нравится ваша новая квартира? Дети работают. Мы с Дилей собираемся в санаторий “Алма-Ата”. В конце следующего года, видимо, уйду на пенсию. Как бы не было тяжело, но работаю. Недавно я отправил по твоему старому адресу три номера журнала “Простор”. Не получил?

09.06.73г. Ильяс, г. Алма-Ата

Равнак, Вера!

Мы рады, что получили ваше письмо. Мое 60-летие здесь встретили публикациями во всех газетах. В драматическом театре планировали вечер по этому поводу, но я был против помпезности и организаторы отменили данное мероприятие. Мои труды народ знает и ценит. К чему очередная шумиха. Специально людей не собирал, а тех, которые сами приходили встречал радушно.

Мои книги выходят. Роман “Прикрой своим щитом” вышел на казахском языке. Тебе пришлю. На русском языке книга принята темпланом издательства “Советский писатель” на 1976 год. На производство ушел мой двухтомник. На следующий год на эстонском языке будет издан роман “Опасная переправа”. “Хан Кене” уже опубликован на языке горных алтайцев. В этом году выходят “Опасная переправа” на латышском языке, “Влюбленные” на узбекском языке, “Хан Кене” на башкирском языке.

Недавно на казахском языке вышел роман “Отчаяние”. В марте, если суждено поехать к вам, то сам привезу книгу. На следующий год хочу включить в план трехтомные избранные сочинения. Поживем, увидим. В целом, такова ситуация.

Как ты сам? Здоровье, творческие дела, служба? Дети? Напиши обо всем.

До встречи Ильяс.

09.02.74 г. г. Алма-Ата

Равнак, Вера!

Мы искренне рады, что твоя операция прошла удачно. Желаем скорого выздоровления. Наши дети обустроены. Мой долг теперь помочь дочери. Не знаю, смогу ли воплотить свою мечту в жизнь, так как стал часто

болеть. Равнак, ты не переживай за кооперативную квартиру Раи — своей дочери. Первоначальный взнос мы оплатим. Только скажи когда и сколько. Привет детям. Выздоровливайте. До свидания.

23.03.74 г. Ильяс, Диля г. Алма-Ата

Равнак, Вера!

Работаю. Болею. Пишу роман. Недавно в Москве издательство “Известия” выпустили мой роман “Отчаяние” на русском языке. Тираж, кажется, три тысячи экземпляров. Ещё не получил книгу. В мае, видимо, поеду в Москву на пленум Союза Писателей, тогда привезу книгу и на русском, и на казахском языках. “Заговоренный меч” на русском языке выйдет в мае этого года.

21.04.74г. Ильяс, Диля г. Алма-Ата

Равнак, Вера!

Мы отдыхаем в “Боровом”. В Алма-Ате я неожиданно заболел. Спазмы головного мозга. Опасная болезнь. Сейчас лучше. Курорт “Боровое” как никак родина же. Кажется, что чистый воздух нам здорово помогает. Я-то должен жить пока Козыкорпеш не встанет на ноги. Мне передали, что в Москве в книжный магазин на Кузнецком мосту поступили “Заговоренный меч” и “Отчаяние”. Таковы дела.

02.07.74г. Ильяс, Диля, курорт “Боровое”

P.S. Куда поедут на лето ваши дети? Может, отправите их в Алма-Ату.

Равнак!

Недавно на казахском языке вышла моя книга “Прикрой своим щитом” о Целине. На русском языке она должна выйти в издательстве “Советский писатель”.

Я давно закончил свой роман “Лодка, переплывающая океан” о нашем первом руководителе. Некоторые люди убедили Д. Кунаева о том, что это вредная книга. Книгу перевел на русский язык и отправил в ЦК КПСС и редакцию журнала “Новый мир” Журнал отзывается очень хорошо. Что скажет ЦК — неизвестно. Я за эту книгу не волнуюсь, все равно потом выйдет. Говорил же М. Булгаков: “Хорошо написанная вещь не может быть неизданной”. Собираюсь на пенсию. Устал.

28.12.74г. Ильяс, г. Алма-Ата

Равнак!

Я на прежней работе. В конце года уйду на пенсию. Очень устал. В этом году в издательстве "Молодая гвардия" роман "Заговоренный меч", в издательстве "Известия" роман "Отчаяние". Оказывается, что "Влюбленные" переводятся на немецкий язык, "Хан Кене" на чешский язык, "Опасная переправа" на болгарский язык.

Что касается ордена "Знак Почета", то если даже дадут, то с большим трудом. Три года назад они меня наградили орденом "Красного Знамени". На это и ссылаются. Не верю. Хотя, спасибо им за то, что хоть отметили. Получил письмо из Верховного Совета по поводу моих боевых наград ("Медаль "За боевые заслуги" и еще две медали), которые я потерял, когда сидел в тюрьме. Нашлась еще одна медаль "За боевые заслуги". Пока у меня два ордена и семь медалей. Достаточно. Лишь бы дети были здоровы. На сегодня моя задача опубликовать роман "Лодка, переплывающая океан". Д. Кунаев сам не читал, а попросил своих подчиненных, а они яростно против. Было бы здорово, если бы как обычно победил этих. Вообще, надежда есть. Такие дела. Сам, наверное, поеду в Москву.

25.01.75 г. Ильяс, Диля г. Алма-Ата

Равнак!

Я теперь на пенсии, но дел стало еще больше. Последние три месяца был занят подготовкой трилогии "Лютые кочевники" из трех моих романов: "Заговоренный меч", "Отчаяние", "Хан Кене". Поскольку это моя основная работа, то её внимательно просмотрел с начала до конца. В конце этой недели выходит мой двухтомник из четырех книг: "Влюбленные", "Схватка", "Опасная переправа" и "Золотая птица".

Козыкорпеш в Джекказгане на практике. В Москве включена в план издания на 1977 год моя историческая трилогия под названием "Кочевники". Сказали, что хорошие рецензии. В Москве мои книги выходят легко в том случае, когда сначала книга издается в Алма-Ате на казахском.

10.07.75г. Ильяс, г. Алма-Ата

Равнак!

Посылаю эти книги. Прочти новую книгу Олжаса. Это очень ценная и прекрасная книга. Ты спрашиваешь о моей повести "Песнь человечности". Книга, кажется, вышла еще осенью 1974 года. Мне один писатель позвонил из Москвы и говорил о том, что моя одна книга вышла на немецком языке. Он сказал, что название книги "Меч и свечи".

22.07.75 г. Ильяс, Диля г. Алма-Ата

Равнак!

Мои дела по-прежнему. Рассмотрели “Лодку, переплывающую океан”. Рукопись сдал в издательство. Оно выполняет требования ЦК КПК. Не теряю надежды. Но пока ничего не известно.

В настоящее время я собираюсь написать обширную историческую трилогию “Золотая Орда”. Сбор материалов завершил. Это действительно глобальная тема, имеющая международное значение, поскольку в орбиту интересов правителей той империи входили Россия, Европа и Восток, где столкнулись политика, экономика, противоречия, религии, войны. Причем, образно говоря, “Золотой Колушкой” прославленной на весь мир Империи Золотая Орда – это кипчаки, то есть казахи. Это исторический факт, однако, игнорируемый по известной причине. Если смог бы написать и издать эту книгу как “Кочевники”, тогда я достиг бы больших успехов. Скоро должен приступить к написанию “Золотой Орды”.

Мои “Кочевники” получают высокую оценку. Просят из других республик для перевода.

Пока, будьте здоровы, Ильяс.

08.08.78г. г. Алма-Ата

Равнак!

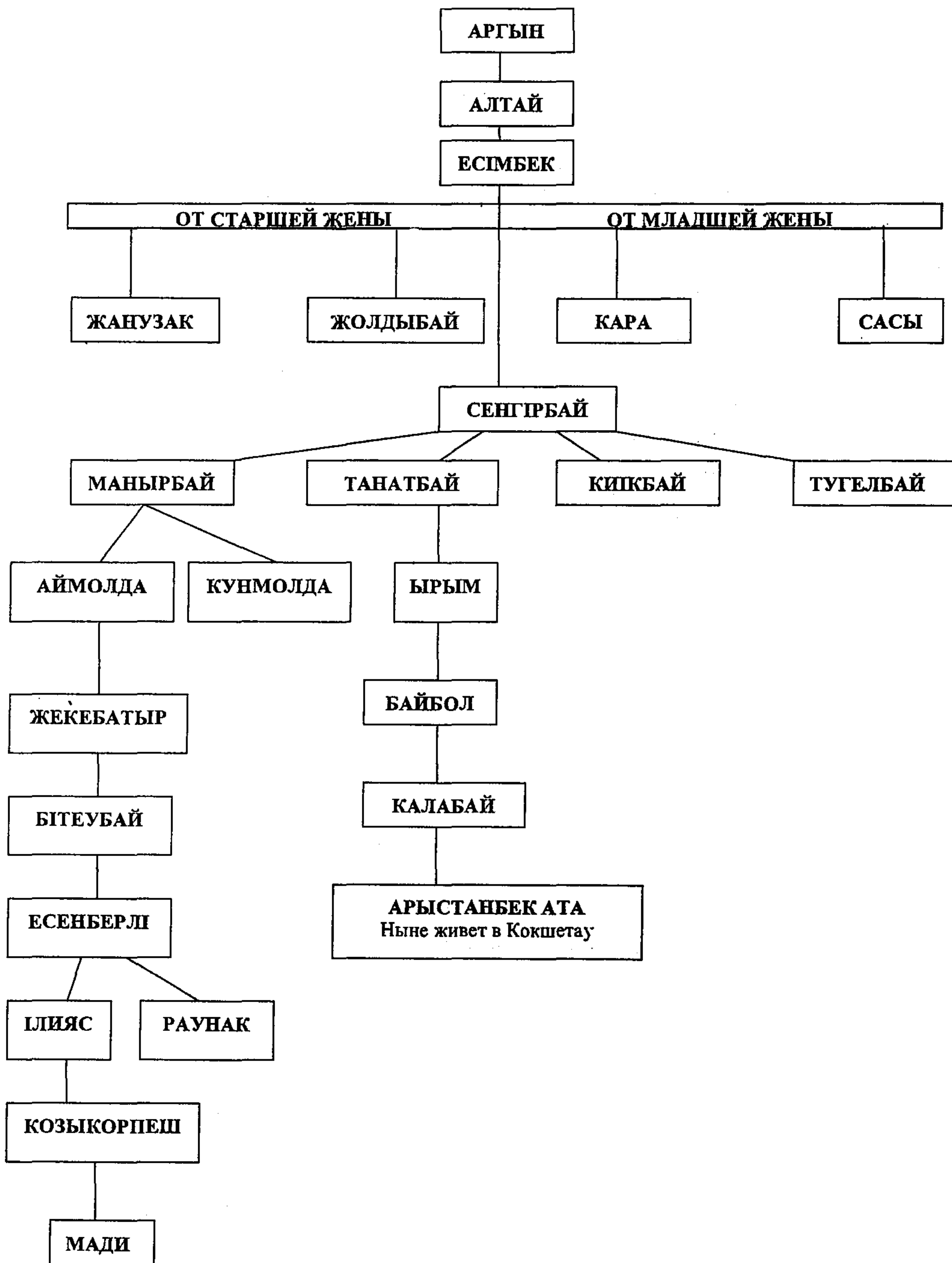
Как поживаете? Дети как? Фруза прошла предзащиту своей диссертации. Козыкорпеш в аспирантуре. Я очень рад, что “Лодка, переплывающая океан” тебе понравилась. В позапрошлом году я сдал рукопись этой книги в журнал “Новый мир”. Если на казахском языке книга выйдет у нас, тогда откроется дорога и русскому варианту у вас. Здесь боятся, что герои книги будут узнаваемыми в лице руководителей.

Но сегодня меня больше волнует не “Лодка...”, а “Золотая Орда”. Если здоровье позволит, то хочу закончить книгу в этом году на казахском языке. Все же годы не те. Стал быстро уставать. Возможно, после этих книг ничего крупного писать не стану. Поэтому тороплюсь. Поздравляю с наступающим Новым годом.

До скорой встречи, Ильяс.

05.01.79 г. г. Алма-Ата

РОДОСЛОВНАЯ

АБУ НАСЫР МУХАМЕД АЛЬ-ФАРАБИ
(завещание потомкам)

ВСТУПЛЕНИЕ

Древний кюй изначальный — Аль Фараби;
Сколько песен печальных — Аль Фараби,
Он вдохнул слово жизни — в струну домбры,
Наш кипчак гениальный — Аль Фараби,
Но не радость души, не любви поцелуй
Извергает из душ исторический кюй —
В нем слезами печали струится родник
Так о прошлом далеком тоскует старик,
О других невозвратных годах молодых —
Этот кюй, этот плач, этот горестный крик
Сколько звуков степных извергает домбра,
Словно соткана песня из серебра;
О великом мыслителе слово мое,
О великом брении зла и добра,
Древний кюй изначальный — Аль Фараби,
Сколько звуков печальных — Аль Фараби.
Каждый новый напев — столкновение сил,
Состязанье умов и восторги любви.

ПЕСНЯ 1-я

Этот кюй до восхода я слушать готов,
И опять до заката я слушать готов,
Нет раскаянья в нем, сожаления нет,
Мне понятна мелодия песни без слов.
Песню слушает вольный мой край молодой —
И ребенок довольный, и старец седой;
Все мы нынче потомки Аль — Фараби,
Наши души ликуют вместе с домброй.
Нескончаемый день — сколько радости в нем!
Серебрится он сободем и ковылем.
Соревнуясь в борьбе, золотую звезду
Достигают таланты упорным трудом.
Фараби не имел этих ярких наград,
Его жизнь — борьба и крушенье преград.
Десять долгих веков ее не страшен закат.
Стала ярче в созвездьях звезда Фараби,

Не погасли к ней взоры народной любви,
Так в столетиях истинный гений горит,
Умножается слава Аль-Фараби
Эй, человек, в многолетних трудах
Ты порождаешь и злобу, и страх —
Все прахом покроется вместе с тобой,
Лишь доброе дело не сгинет в веках.
Нам всем нужно быть в гостях под луной.
Судьба, как ты сладко пленяешь струной.
Конца нет вселенной и нашим мечтам
Зачем же так короток путь наш земной.
Что сможешь ты сделать в недолгие дни,
Как полдень пройдут незаметно они;
Но если ты век свой не смог обогнать —
В бесцельных трудах никого не вини;
Нам многого в жизни исполнить нельзя,
Не выберешь самых достойных в друзья,
Но выбери все же такую мечту,
Чтоб радостней стала дорога твоя.

* * *

Сахара. Скрипучий песок на зубах.
И глотки охрипли, пустыня в глазах.
Который уж месяц бредет караван,
Качая поклажу на тоших горбах.
Идут бедуины худы и бедны,
Высокие шеи верблюдов видны,—
Серебряный звон колокольчиков их
Звенит на рассвете средь тишины.
Но стоит жестокому ветру подуть,—
Закружит самум этот горестный путь
И войлоком пыли закроет глаза,
И сердце охватит пустынная жуть.
А стоит песчаному войску прилечь —
Поднимется солнце карающий меч,
Раздуют барханы тугие меха,
И день станет плавленным оловом течь.
Одна лишь отрада когда над землей
Взойдет полумесяц подковой стальной
И бархатным станет спокойный бархан.

Освеченный чуть молодою луной.
И люди свободнее станут дышать,
Верблюды свой медленный путь совершат,
Откуда ночами бредет караван,
Скрывая от солнца нелегкую кладь?

* * *

Далекий тот век среди вольных племен
На трон был Мухаммед возведен.
Арабов исконной свободы лишив,
На мир обратил свои помыслы он.
Молитва и меч, полумесяц в ночи —
Склоняла молитва, рубили мечи.
Сирийцу ислам говорил, кипчаку —
Гордыню забудь и молитвы учи.
На землях казахов вставали тогда.
Арабских известных земель города.
Мы знаем Сунак и Отрар, и Карнак...
Дошли до Сейхуна арабы тогда.
Склоняться, склоняться мечеть.
Детей обучала молитва и плеть.
Арабы способных кипчакских сынов
Учили глазами пророка глядеть.
Идет караван из кипчакских степей.
Везет караван малолетних детей.
Средь них семилетний Абди Насыр, —
Печальнее сверстников он и умней.
Они возвратиться домой не вольны.
Глаза их по детски слезами полны,
Как будто бы чувствует каждый из них,
Что больше не видеть им отчей страны.
В аульные игры им не играть,
Не видеть сестер своих, братьев и мать,
Их тонкие плечи сжимает тоска,
Им радости детства больше не знать.
Безлюдной строною бредет караван,
С великой тоскою идет караван.
Куда он? Но разве в начале пути
Ответит на этот вопрос мальчуган.
И долго еще каравану брести,
Верблюдам свой груз необычный нести.

Кто край свой прославит?
Но разве о том
Расскажешь в начале любого пути

ПЕСНЯ 2-я

Кому по душе тосковать и хандрить,
Не лучше ли светлый мотив сочинить?
Приветствовать радость, зачем же в тоске
Такие веселые дни хоронить.
Что может быть радостней солнечных дней
И этих зеленых степей веселей!?
Ах, молодость, — с чистой росинкой цветок,
Что может быть сердцу любому милей?
Ах, молодость, может быть только она
Одна называться талантом должна.
Сияньем своим и своей чистотой
До старости нас вдохновляет она.

* * *

Бывает печальным великий умом.
Безгорестны те лишь — бездумие в ком.
А сильному духом, чья жизнь — борьба,
Что проку в веселии этом пустом.
Иному бы только достигнуть высот,
Его вдохновляют успех и почет
Но истинный гений — ему не до славы,
Его выдвигает на подвиг народ.
Ему лишь посмертно свое воздаем,
Посмертно поэмы и песни поем,
Лишь гений, рожденный страданьем народным
Навек остается в народе своем.
Кому-то вершина, кому-то лишь склон.
А кто-то к подножью от всех удален.
Но гений явился — и век расступились,
Но торь на Востоке ему отведен.

* * *

Восток — колыбель человечества ты,
Восторги младенческой первой мечты;
На землю открыл ты глаза человеку.
И звездной коснулся ты красоты.

Ты первым приветствовал солнца восход,
И первым ты звездный встречал небосвод,
И первым отправил ты парусник в море,
Восток — мореплаватель и звездочет.
Тебе открывалась тайна камней,
Целебная сила трав и корней,
И лютая ярость твоих полководцев
Доныне пугает еще матерей.
Чингиз и Аттила — тоже Восток.
Ты собственной кровью когда-то истек.
Твои пирамиды, сокровища света —
Былых злодеяний великих — исток.
Не мало загадок ученым ты дал.
Ты сам знаменитым и сказочным стал.
И семь легендарных чудес ты оставил,
И сфинкса воздвигнул на пьедестал.
Уходит стремительно ввысь минарет,
Мне кажется, выше строения нет.
А дивный ансамбль Тадж Махала —
Подобное что-нибудь видел ли свет.
Ты был знаменит и силен, и учен,
Борьбою столетней своей увлечен.
Поэты твои (по признанию Гете)
Великие глыбы среди славных имен.
Рождение стран, наша жизнь — Восток,
Седой океан и горячий песок.
И нет, не завял, защищая свободу
Поэзия — древний восточный цветок.

* * *

История очень походит на Нил.
Каков край арабов в древности был?
Народ не покинул любимую землю
В нелегкие дни, кто б его не теснил
О чем по преданиям помнит наш век —
Великие стены воздвиг человек:
Александрию и чудо Герона,
Сокровище древних библиотек.
Не все мракобесью подвластно, мой друг;
И в древности славились храмы наук.
В Медине, в Мысыре, в Шаме и в Мекке
Ценились и ум, и талантливость рук.

Детей в медресе обучали тогда
Ремеслам, наукам. Такая среда
Порой выдвигала великих ученых
И зодчих, украсивших города.
Тогда изучили персидский, латынь,
Зубрили хадисы по книгам святым,
Вот так и попал с караваном тот мальчик
К воротам наук, для него золотым.
Не скоро он свыкся с чужою средой,
Все помнилась юрта и край свой родной,
И майские степи, но жажда к наукам
Его породнила с высокой звездой.
И вера — всегда в обстановке любой,
Не мог он расстаться с кипчакской домброй.
И там, на чужбине, подруга степная
Пленяла его задумчивой игрой.

ПЕСНЯ 3-я

Кто на свете от радостей жизни уйдет
Бороздить океан неизведанных вод,
Колесить по земле, по родным тосковать —
Может в нем неразгаданный гений живет?
У кого на душе беспросветная грусть —
Описать это чувство я сейчас не берусь;
Но когда нет ни капли внимания к тебе —
Не сломайся душой, не согнись и не струсь.
Уважаю, когда побеждают судьбу,
Пусть к позорному их выставляют столбу,
Пусть на казнь ведут, словно камень они,
И достойно идут, ставят крепко стопу.
Я всегда удивляюсь Аль Фараби —
Сколько бед ожидало его впереди?!
Он пронес незапятнанным имя свое
И в неравной борьбе многих он победил.
Были мудрыми жизнь его и дела.
Его цель благородная в жизни вела.
Не кривил он душой, слов пустых не бросал
И за это ему от народа хвала.
Как бывает порою опасен шаблон,
Льет медовые речи на нас пустозвон;

Не хотелось об этом сейчас говорить —
Да бывает немало никчемных имен
Ведь одни, только видом своим хороши,
А посмотришь — ни сердца у них, ни души.
Славен тот, кто творит на планете добро —
У таких самородков учиться спеши.
Жаль, что молодость занята часто собой,
И не тех мы считаем друзьями порой;
Но и старец иной не найдет уже сил,
Чтоб исправить ошибки поры молодой.
От такого стыда жизнь свою сохрани,
О хорошем, домбра моя, всюду звени.
Только счастье одно я теперь признаю —
Старость, юности честной не измени.
Наше утро и радость — Аль Фараби.
Наша мудрая старость — Аль Фараби.
Я склоняюсь пред ним — от завистников всех
Свое доброе имя он оградил.
Их немало бывало во все времена,
Ветер сорный сеял их имена;
Ради славы своей, ради легких удач
Загоняли Пегаса они, скакуна.
Но да что там удача!
Я знал одного
Он готов был себя обогнать самого.
Все хотел быть великим, удачливым быть —
Все забыли теперь громкий титул его.
Не доставит поэту почета хула.
Только славные нас возвышают дела.
Только тот уважаем и всеми любим,
Кто всегда был противником грязи и зла.
Друг, не сетуй на бремя своих неудач,
И в подол своей женщины дома не плачь;
Светлый ум не тирань бесполезной враждой —
Есть на свете не мало достойных задач.
Пусть же будет примером — Аль-Фараби.
Был в науках он первым — Аль-Фараби.
И поэтом он был, и мыслителем был —
Гениальный ученый Аль Фараби.
Философия, алгебра, музыка — вот
Краткий свод увлечений его и работ

Он дает объяснения забытым трудам;
И трактат о политике он создает.
Как ни странно, но лозунги нынешних дней —
Отголоски его позабытых идей.
Он неравенство, рабство и свой век порицал,
Выдвигал он идеи согласия людей.
Против войн истребительных он выступал.
“Идеальный” он город провозглашал.
В красоте, в справедливости, в дружбе людей
Государственный видел он идеал.
Как сумел он подняться до этих вершин —
Сын кипчака и времени дикого сын;
Как сумел устоять и окрепнуть сумел
В этой битве умов, на чужбине один?
Как сумел эти трудности он одолеть —
Не ослабнуть, не сдаться, не умереть,
Побеждать неудачи, врагов побеждать —
Как сумел он в столетьях долгих гореть.
Что решающим было — молодость, труд?
Ведь не сдержан лишь тот, кто характером крут.
Он, наверное, знал: нетерпение — враг;
Только выдержка — наша защита и друг.
А когда наступала глухая пора,
Может быть вдохновляла подруга — домбра,
На родном говорила с ним языке,
Помогала в недобрые вечера
Песня лебедем к чистым озерам плыла,
Песня точкою ястреба в небе была,
Апогея достигнув, падала вниз,
Разбивала спокойных озер зеркала.
Голос матери слышался издалека,
Загорались глаза и мужала рука;
Возносила домбра, уносила домбра
В степь родную свою своего седока.
Он всегда был мелодиям родины рад.
Он с домброю писал музыкальный трактат.
Когда взял он впервые в руки домбру —
Мир тогда лишь услышал о ней, говорят.
Возникали работы под мудрым пером,
Заполняла домбра светлой музыкой дом,
Наша плоть не из мяса и желтых костей —
Наша музыка в небе парит голубом.

Возвращаюсь я снова к крылатой домбре:
Биржан сал в ней и песни Ахан-сере,
Манарбек, Курманбек или Курмангазы —
Вдохновенных певцов слышит степь на заре.
Как забыть мне об этой прекрасной игре,
Как забыть мне Куляш, или голос Амре;
Музыкальный источник этот велик,
Потому и пою этот кюй о домбре.

* * *

Любовь — музыкальность Аль Фараби.
Любовь — гениальность Аль Фараби.
Холодным умом не достигнуть высот,
Умы вдохновляет лишь мудрость любви.
Любовь окрыляет народы, века.
Лихого бросает в седло седока
И гонит из крови унылую прочь;
Любовь и умна, и сильна, и горька.
Лишь сильные духом годами могли
Питать свое творчество силой любви,
Не тратить ее на случайную медь,
Гореть как великий Аль Фараби.
Ну, кто устоит от сиянья очей,
От взглядов крылатых и стройных плечей,
От тех изумительных быстрых, степных,
Звенящих серебряным звоном, речей.
От них у поэтов немеет язык,
И если ты их красотой удивлен —
Ты будешь умен и силен, и велик.
Когда бы любовь постоянно жила.
То вечным бы счастьем земля зацвела;
И мы бы не знали тех горьких невзгод,
Когда бы любовь нас по жизни вела.
Любовь — это полная солнцем земля
Высокое небо, большая луна
Красивые души, свободная речь
И даже движение вечных планет.
Любовь покрывает миры и сердца,
Порою она тяжелее свинца.
И слышал всю жизнь Аль Фараби
Серебряный звон ее бубенца.

ПЕСНЯ 4 -я

Не много достойных в истории есть,
Их можно свободно всех перечесть.
И тот, кто пытается их очернить
Свою потеряет и совесть, и честь.
Величие — разве его позабыть?
А пламенный ум разве можно убить?
Поэтому ярко, всему вопреки,
Сияет учение Аль Фараби.
Уж коли любовь, как родник глубока,
Не мало я пил из того родника,
И, может быть, в жизни чего-то достиг,
Но так ли заслуга моя велика?
По свежим следам и обломкам подков
Я хронику создал недавних веков.
И в этом предел мой — и жизни, и сил:
Размах моих крыльев всего лишь таков.
У каждой эпохи свои есть сыны,
Талантливей будут труды рождены,
Но путь караванный в барханных песках
Во всех поколениях мы помнить должны.

* * *

Арабы любили Аль Фараби,
Они не забыли Аль Фараби;
Но черную зависть скрывали враги —
Великие знания Аль Фараби.
Хочу одного, чтоб родился казах —
Великий джигит, презирающий страх,
Чтоб он развязал заблуждений узлы
В сердцах наших жарких и в наших умах.
Пусть он совершит надо мной приговор.
Мой юный защитник и мой прокурор.
Ему я вверяю и сердце, и мозг,
К нему обращая свой искренний взор.

* * *

Я знаю, что твердость основа основ, —
Страшит она слабых, пугает врагов.
Я знал свою цель, не страшился преград,
Для цели своей не жалел я трудов.

Но сколько бы не было в жизни невзгод
Опорой служил мне родной мой народ.
Ему я заветные строки слагал,
Пчелой собирая истины мед.
Не ждал я оценок текущего дня.
Они не пугали враждою меня;
Ведь легкий успех исчезает всегда,
В дырявых карманах монеткой звеня.
Грядущее — вот нашей жизни итог,
Суровая правда свершений, дорог.
К чему ты пришел?
От чего ты ушел?
Что в жизни полезного сделать ты смог?
Какие мы сеем сейчас семена —
Другие оценят нас времена.
В грядущем, поверьте, соперников нет.
Не многим веками оценка дана.
Любому мы веку оценку даем.
Но прошлого опыт, всего лишь заем.
Что взято взаймы,
Постарайся отдать —
И труд твой поймут в поколении другом

* * *

Есть древняя мудрость — закон вековой;
Смерть слабого душит, изводит тоской,
А сильный ее побеждает. И сам
Он жизнь утверждает крепкой рукой.
И кто не боится в бою умереть,
Тому в поколеньях звездою гореть,
Сумел же кипчак наш — Аль Фараби
Вне родины личностью яркой взлететь.
Расцвел этот гений, как редкий цветок.
Вместил в себе знойных степей лоскуток;
И знаний казну, что собрал человек,
Своими трудами умножить он смог.
Столетия спали батыры. И вот
Проснулся в степи этот вольный народ.
И мудрый один:
“Я пришел от кипчаков”, —

Однажды сказал, возвышая свой род.
Я слышу — “пришел от кипчаков” — слова
Под ними века выгорала трава.
Крикливых не помним,
Их тысячи — тьма,
Народ сохранил только эти слова.
Народ мой, с копьем ты скакал на врага,
Сады разводил, возводил города,
Не мало нашествий ты отражал.
Истории память мне дорога.
Входил ты в пределы иранской земли.
И в Индии конники были твои.
У древней китайской великой стены
Степные туманы вступали в бои.
Мы были всегда перекрестьем дорог.
Никто обойти эти степи не мог.
На многих, что гибель народам несли,
Мы первыми свой поднимали клинок.
О, степь, ты служила надежным щитом.
И долго лечила ты раны потом.
Страницы истории нашей земли
Возникли совсем не на месте пустом...

* * *

Смерть не в силах у мира отнять мудреца.
Слог поэта веками волнует сердца.
Разве может мелодия вечно уснуть,
Нет поэта — но слышится голос певца.
Превращается камень в желтый песок,
Прежний юноша в руки берет посошок.
Старцем землю покинул Аль Фараби,
Но поныне о нем вспоминает Восток.
Его сердце, как небо, не знало границ,
Оно живо для разных племен и столиц.
Нынче чествует мир гуманистов своих,
Пред личностью этой склоняемся ниц.
Пусть же веское слово в мире звенит;
Знаменитый, да будет он знаменит.
Повторяю я имя Аль Фараби,
Как мое благодарное сердце велит.

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЯЯ

Он вернулся к тебе, умудренный народ
Твой великий ученый вернулся, народ.
Я об этом восторженно нынче пою
Навсегда он здесь славу свою обретет.
В мире стал знаменитым сегодня казах,
Стал известным джигитом сегодня казах.
В судьбах мира твоя полноправная роль,
Ты дошел до Берлина с боями, казах.
Ты сражаться умел, ты победу ковал,
Ты впервые к станку и к штурвалу вставал.
Ты прославил свой край и рудой, и зерном.
В мире каждому ты нынче известен стал.
Фараби, он оставил великий свой след.
И к наследью его через тысячу лет
Прилетел наш земляк, знаменитый казах,
Нашей Родины, нашей культуры полпред.
И в Мысыре во имя любви и добра
Деревянная вновь зазвенела домбра.
И звучал над землей казахский оркестр,
И народы пленяла эта игра.
Пусть над миром мелодия дружбы звенит.
Пусть мелодия эта сердца веселит.
А герой моих песен Аль-Фараби
Будет вечно на этой земле знаменит.
Долгой тысячи лет путь суров и далек.
Оседлать я такого тулпара не смог.
Одного я хочу, чтоб героев своих
Помнил в будущем Запад, и помнил Восток

Перевод с казахского Геннадия Круглякова.

ЧАСТЬ II
ВОСПОМИНАНИЯ
СОВРЕМЕННОКОВ
ОБ ИЛЪЯСЕ ЕСЕНЪЕРЛИНЕ

**Нурсултан Назарбаев,
Президент Республики Казахстан**

Ильяс Есенберлин не только крупнейший представитель казахской литературы, но и яркая личность, занимающая достойное место в истории казахского народа. Среди казахских писателей он, пожалуй, первым посвятил свое перо сложной и острой теме борьбы казахского народа за национальную независимость и обретение государственности.

И сам Ильяс Есенберлин, и его замечательные произведения не вписывались в идеологические стандарты тоталитарной системы. Это не могло не сказаться как на его личной судьбе, так и на судьбе его творений. С болью и горечью вспоминаешь сегодня как тернист и долог был путь к читателю каждой из его книг. Цензурные мытарства, заговор молчания или яростная травля со стороны официальной критики — это лишь часть того, что пришлось испытать писателю, чей многогранный талант можно еще назвать и мужественным.

Неустанный труд был той крепостью, перед которой оказались бессильными те, кто надеялись приручить писателя-борца и направить его по “верному пути”. Несмотря на все трудности, Ильяс Есенберлин оставил после себя собрание прекрасных произведений. Центральное место в его творчестве занимает знаменитая трилогия “Кочевники”, которую отличают эпический размах, динамизм действия, живые и неповторимые образы выдающихся деятелей казахской истории, точный и выразительный язык. Ныне переведенная на многие языки мира, эта трилогия по охвату многообразных сторон национального бытия может быть названа энциклопедией жизни казахского народа. Нашли признание у читателей и его романы “Опасная переправа”, “Влюбленные”, “Золотая птица”, “Схватка”, “Прикрой своим щитом”, “Золотые кони просыпаются”, тепло встреченные широкими кругами читателей. Последние годы его жизни ознаменовались еще одним выдающимся творческим свершением — созданием еще одной блистательной исторической трилогии “Золотая Орда”, достойно увенчавшей его многолетний писательский труд. Наверное, в наши дни не встретишь человека, мало-мальски знакомого с казахской литературой, который бы не читал произведений И. Есенберлина.

Сегодня к нам возвратились славные имена выдающихся деятелей казахского народа, посвятивших свою жизнь борьбе за национальную независимость, само упоминание которых в не столь давние времена было немислимо. Многие из них — герои книг Есенберлина. Это такие крупные политики, как Аз-Жанибек, Праведный Касым, Могущественный Есим, Акназар-хан, Аз-Тауке, грозный Аблай, последний казахский хан Кенесары и

такие знаменитые батыры, как Каракерей Кабанбай, Канжигали Богенбай, Шапырашты Наурызбай.

Давайте не забывать, что во многом именно И. Есенберлину мы обязаны возвращением этих имен. Сегодня проводятся памятные торжества, связанные с их жизнью и деяниями, научные конференции, выходят статьи и книги. Их имена увековечиваются в названиях городов и улиц, природных и культурных памятников. Писатель же был первым, и потому на его долю выпали все тяготы и опасности, подстерегающие первопроходца. Все, что он сделал, можно смело назвать гражданским подвигом.

Еще одна неопенимая заслуга Ильяса Есенберлина заключается в том, что благодаря многочисленным переводам его книг на многие языки мира о казахском народе, о нашей прекрасной земле, героической истории и самобытной культуре узнали люди на всех континентах.

Сейчас, когда наше молодое независимое государство переживает непростой период становления, мы неслучайно обращаемся к таким святым понятиям, как духовное согласие, дружба, верность традициям. Литература всегда утверждала эти высокие идеалы. Они были духовными ориентирами и Ильяса Есенберлина. Многогранное творческое наследие этого талантливового писателя всегда служило и впредь будет служить гуманным целям.

1992 г.

БЕССМЕРТИЕ

Есть такие назидания, сказанные поэтом Жанакком:

«Хан — это крепость, народ — кладезь мудрости, защитник его — батыр, мулла, как пиявка, сосет свой народ, если оратор словом блистает, бий судьей себя мнит, песнь как красота, кюй — это суть твоя, акын — скакун быстроногий ...»

Казахи велики тем, что высоко ценят глубокую мысль. Взять хотя бы такое изречение: «Один хан стоит сорока умов». И вправду, имя достойного не меркнет как и стих поэта, если он жил чаяниями своего народа, вслушиваясь в его скорбь и печаль, оберегал свои земли и народ, сохраняя его единство во имя будущего. Никоим образом не умаляя заслуги дальновидного правителя, мне хочется вспомнить об истинных властителях, которые рождаются лишь раз, о ювелирном мастерстве поэтов сказителей, чей обжигающий язык, острый ум и крылатые слова стоили сорока ханов.

Вот, к примеру, такая притча, одна из многих, живущая в народе от сказителя жиренше.

Когда-то в одно из времен, известное лишь самому аллаху, один хан, наслышанный о Жиренше, загорелся страстью увидеть его хоть раз и лично оценить глубину его сказаний. Получив приглашение, Жиренше пришел в назначенный час ко дворцу хана и прямо с порога воскликнул: — «Я желаю бессмертия Вам!»

Хан готов был выслушать, чтоб постичь смысл его слов, но не допуская превосходства над собой кого-либо, поспешил найти изъян в словах Жиренше и ответил ему с ехидным тоном:— «Ты решил, что нашел слова, достойные моего высокого сана?» Жиренше нисколько не растерялся. Он прямо взглянул на откинувшегося на троне хана, словно спрашивая, ну что, дорогой, получил пощечину?, а вслух произнес следующее: - «Я покорный вашим словам, мой господин,— при этих словах Жиренше хан сосредоточенно подался вперед. Человек сам не бессмертен, бессмертным может быть лишь его доброе имя и достойное дело. Во-вторых, я понял, что в этом жестоком суетном мире одно неповторимое мгновение стоит целого дня, а один неповторимый день может стоять тысячи лет,— значит прожита прекрасная и вечная жизнь. Довольный хан преподнес в дар Жиренше резвого коня и дорогой чапан.

Да, действительно, если достойное имя и его слово бессмертно, так и писатель Ильяс Есенберлин, занимающий особое место в казахской литературе, останется навсегда в памяти казахского народа. Я издавна знал Илекен, как человека несуетливого, неспешного, основательного во всем и немногословного. Он вернулся с войны с ранениями и начал активно

участвовать в работе Центрального Комитета партии. По специальности он был горный инженер, в ЦК был на должности инструктора. В то время я был назначен первым заместителем Председателя Совмина. Меня привлекала его врожденная скромность, доставало которой с лихвой на двух человек. Я видел немало поэтов, многословных, исходящих пеной как бурная река, переполнявшаяся через край и вздымающаяся от своей мнимой значимости. Мы старались на это закрывать глаза, понимая особенность природы и свойства натуры творческих людей. Илекен же был простой, мягкий в общении. Помню, как я в первые прочитал его лирическую поэму «Айша». Если не изменяет память, это был, наверное, 1945 год, когда мы встретились, и я выразил свое впечатление:

— Илекен, с тех пор как мы стали близко общаться с Мухан (Мухтар Ауэзов) у меня появилась привычка читать все новинки литературы. Мне очень понравилась Ваша поэма.

Илекен смутился, заметно покраснел, и не мог скрыть волнения. Я, пользуясь тем, что старше его на 2-3 года, высказал просьбу:

— Не могу поднять головы от работы. Вы гораздо ближе сталкиваетесь с писателями, знаете всему истинную цену. По возможности не забывайте и о нас.

На это он сказал всего лишь:

— Ваша просьба меня окрыляет, это лучше, чем слушать о моей писанине. Благодарен за признательность.

С жизнью нельзя заигрывать. К судьбам людей искусства и литературы надо быть особенно внимательными. Их надо поддерживать, учитывая их чувствительность, тонкую восприимчивость и ранимость. Пчела летает среди тысячи цветов, но выберет самый сладкий нектар, так и писатели и поэты из вчерашнего прошлого, из настоящего дня для завтрашних наших потомков выжимают все соки истинной жизни. Во имя будущего. Они всегда на стороне народа, потому что знают все его горести и чаяния. Проницательная душа и проницательный ум тонко слышит дыхание времени. Поэтому, во все времена в первую очередь на долю этих творцов приходится больше печали чем радостей, больше нужды чем достатка. Пережил немалые удары судьбы и Илекен. Об этом я подробно описал в своей книге «Вот так и прошла жизнь» (Изд-во «Дәуір», 92г.) Но, как говорится, «недостойный кричит о своих дарах», между мужчинами не принято подчеркивать те или иные наши добродетели. Могу добавить лишь следующее.

Илекен хоть и был невелик ростом, но был гигантом духа. Я знаком с его книгами «Отчаяние», «Заговоренный меч», «Золотая орда», «Схватка». Многие вещи мне довелось читать в рукописи. С каждым разом я отмечал зрелость его письма, его взлет к новым вершинам творчества и радовался, если мог способствовать тому, чтобы все это увидело свет и дошло до самого главного и справедливого критика — до своего народа. Я

ощущаю внутреннее удовлетворение от некоторой сопричастности к судьбе его книг.

В настоящее время мы отступаем от традиций. Появились поверхностные суждения о манкуртизме в нашем народе. Я не могу полностью отрицать, назвав сплошным беспочвенным обманом факты, свидетельствующие о бездуховности. Без ветра листья не шевелятся! Кто мешал ученым — историкам писать научно обоснованные учебники казахской истории? Кто бил им по рукам? Не следует много кричать «за благо» и перечеркивать все на «нет». Ведь романы Илекен получили самую высокую оценку в народе и в правительстве и в 68-ом году. Несмотря на то, что из центра шли репрессивные директивы, он получает Государственную премию Казахской ССР, а его книги переводятся на русский язык. Почему мы все это забываем? Кто посмеет сказать, что его книги не отражают историю казахского народа? Возьмите, к примеру, трилогию «Золотая Орда», целиком вышедшую в свет в 1982—83 годы. В ней охвачены исторические события более ста лет, с начала 14 века по двадцатые годы 15 века — этим уже бесценна книга и никогда не потеряет своего исторического значения. То, как она написана, — это отдельный разговор, но за достоверное отражение истории нашего народа, основанное на тщательно собранных фактах, мы должны относиться к Илекен только с благодарностью. Получили также должную оценку за исторические произведения последователи Илекен, его младшие братья по перу, которые средствами художественной литературы подняли огромные пласты неспаханного поля истории нашего государства, подняли ее флаг. За это им полусонные историки должны быть только признательны.

Ильяс Есенберлин — писатель глубоко чувствовавший течение жизни, предвосхищая развитие общества, и в том нет ничего удивительного, что он стремился осмыслить и воссоздать все это в художественных полотнах. Подтверждает сей тезис появление романа «Прикрой меня своим щитом». Книга посвящена 20-летию целины. Роман пронизан веяниями новых времен в казахской степи, начавших свой ход с началом освоения целины. Теплота, взаимоуважение между людьми, братство, боль за будущее земли — все это написано прекрасным художественным стилем.

Конечно, про Илекен можно говорить бесконечно. Он опережал свое время и по сути стоял над толпой! Что только за глаза о нем не говорили. Но он, сколько бы мы не общались, ни разу ни о ком не обмолвился недостойным словом. Я не спрашивал что там говорит такой-то, и он не скрипел зубами, указывая на кого-то! Я всегда восхищался внутренней культурой Илекен, чистотой его души. Великий художник берет свои истоки из чистого ключа. Илекен в казахской литературе — это чистый глубокий источник для народа. Его имя бессмертно. Он оставил немеркнущим словом творца после себя неизгладимый след.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА, ИЛИ УРОКИ И. ЕСЕНБЕРЛИНА

Любое воспоминание о человеке, с которым дружил, а тем более о человеке, интересы и жизненные принципы которого не разнились с твоими взглядами на действительность, на историю твоего народа, неминуемо будет носить сугубо личностный, субъективный характер. Очевидно поэтому, пытаясь начать эти строки о выдающемся казахском прозаике Ильясе Есенберлине, я никак не могу избавиться от навязчивой мысли: рассказать о последней встрече с Ильяс-ага. Но все же не решаюсь. Во-первых, потому, что это будет тяжелое воспоминание, во-вторых, оно повлечет за собой рассказ о подробностях событий тех дней, осени 1983 года, когда я жил в Москве и по поручению бюро секретариата Союза писателей СССР готовил Ташкентскую конференцию афро-азиатских литераторов... И начав повествование, я не смогу не назвать имена тех моих коллег писателей из разных республик, из разных стран, кто в те трагические для меня часы и дни оказался рядом, содействуя привлечению лучших врачей-специалистов, чтобы поставить меня на ноги.

Одним словом, это было бы долгое повествование. И, чтобы предотвратить его, скажу кратко: последняя встреча с Ильяс-ага была в Москве, в травматологическом центре, она произошла тогда, когда еще сами врачи не были уверены в том, что я выживу.

Была тяжелая автомобильная катастрофа. Переломы ребер левой стороны груди, левой ноги, трещины в тазобедренной кости. Вся кровь лилась во внутрь. Я не мог говорить. Дыхание поддерживалось точными ударами тонкого шприца в шейную дыхательную артерию и позволяло мне с трудом дышать в течение часа-полтора. Затем все повторялось... Днем и ночью у постели находились не только родные, но и те из друзей, кто находился в Москве.

...Раскрыв глаза, я словно в туманном сне увидел склонившегося над моей койкой Ильяса-ага. Из-за его плеча вглядывался Сагат Ашимбаев. За ним стояли Какимбек Салыков и Ролан Сейсенбаев. Я понял, что Ильяс-ага и Сагат — эти два самых дорогих для меня человека, которые всегда были рядом и оказывали моральную поддержку в самые тяжкие времена после снятия с руководства Союза писателей за “неприемлемую демократичность” (так было сказано на секретариате ЦК), когда из отдела ЦК мне было предложено убираться из Алма-Аты,— прилетели из Алма-Аты, а Какимбек и Ролан привели их сюда в больницу. Какимбека Салыкова до

тех пор я знал лишь как поэта, а в те дни познал его огромную человечность.

...Ильяс-ага тихо спрашивал о моем состоянии. Я не мог ответить. Его глаза заволоклись туманом. Сагат смотрел на меня встревоженным взглядом и что-то говорил о врачах. Когда я вновь взглянул в лицо Ильяс-ага, он отвернулся и кулаком вытер свои слезы... Я не знал тогда, что это будет нашей последней встречей. Вот почему воспоминание о том дне влечет меня к повествованию о его человечности и доброте и никак не дает начать рассказ о его творчестве, о его удивительном трудолюбии, об энциклопедичности его знаний истории родного народа (а в то время было не легко заниматься поисками материалов в архивах о казахской истории, о жизни ханов и султанов и, сопоставляя факты, анализируя события, вырабатывать свое отношение, свои концепции и взгляды, свою точку зрения на прошлое, вопреки устоявшимся догмам, усиленно насаждаемым властями). Помню, как он предложил на обсуждение рукопись своего романа "Хан Кене". Я получил согласие Габита Махмудовича Мусрепова, нашего старейшины, что он будет вести обсуждение. Фойе здания и кабинет первого секретаря Союза писателей были до отказа заполнены читателями и писателями. Но когда настал момент обсуждения, Габит Махмудович, сказав несколько резких слов по поводу рукописи, покинул здание. И я впервые, не имея опыта ведения дискуссии, вынужден был начать обсуждение. Сразу группа литераторов бездоказательно (было заметно, что они не читали рукописи), но яростно выступали против публикации романа. Другие тут же опровергли их. Дискуссия чуть было не закончилась свалкой... А когда роман увидел свет, печать организованно, залпом ударила по нему. Так что у Ильяса-ага была нелегкая судьба в литературе. И те, кто сегодня выдает себя за страдальцев и мучеников, говорят о запрете своих книг, не испытали и сотой доли того морального удара, который пал на долю Ильяса-ага...

О противоречивости времени, о достоинстве человека мы говорили с Ильяс-ага в наших беседах во время долгих вечерних прогулок, которые стали постоянными в начале 80-х годов, прерываясь лишь во времена, когда меня вызывали в Москву или посылали в командировку по делам Ассоциации афро-азиатских писателей.

Мы были знакомы давно, еще с начала шестидесятых годов, по совместной работе в студии "Казахфильм". Тогда впервые была введена должность главного редактора и, назначенный на эту должность, я был отозван из "Литературной газеты". Мы часто встречались и советовались во время моей бытности главным редактором "Казак эдебиеті", но по-настоящему сблизились, несмотря на разницу в возрасте, во время совместной работы в Союзе писателей Казахстана, где он, как второй секретарь

курировал не только деятельность творческих секций, но и отдавал львиную долю своего времени организации и контролю за строительством жилых домов и Дома творчества для литераторов республики, занимался обустройством молодых поэтов и прозаиков. Вместе с ним мы готовили и провели с успехом 125-летие Абая и Джамбула, конференцию писателей стран Азии и Африки, а заодно, впервые в истории, отметили 1100-летие Абунабра Мухаммеда Аль-Фараби.

Он по-отцовски любил и переживал за своих детей, за их будущее, особенно за сына. Помню, как однажды он с болью рассказывал о том, что куда-то увезли внука, не сказав ему об этом.

Он был нежен к своей семье, к своим детям, но беспощаден к себе. Неустанная работа, работа без отдыха была стимулом его существования. Как гражданин, как сын своей нации, он не уклонялся с жизненного пути – восстанавливать историческую память своего народа. В семидесятые годы романы Ильяса Есенберлина, как исторические повести и романы Абиша Кекильбаева, в восьмидесятые годы пьесы и книги Шерхана Муртазаева разрушили запретные зоны для нашей национальной литературы... И, как бывает всегда в таких случаях, первопроходцам достаются первые и основные удары тех, кто защищает привычные устои. Так случилось и с Ильясом Есенберлиным, первым вызывавшим гнев не только идеологических верхов, но и амбициозно настроенных коллег, уверовавших в незыблемость своих заскорузло консервативных понятий о назначении литературы. Но к этому времени он прошел огромную жизненную закалку, знал, как фальсифицируют дела на непокорных, прошел он и тюремные уроки, и потому его нельзя было согнуть, заставить отступить от избранного пути. Он был увлечен созданием летописи своего народа.

Его книги охватывают почти пятивековую жизнь казахских ханств. И он первым в национальной литературе проторил столь объемную стезю, осмыслив и художественно воплотив в своих книгах решающие этапы истории. По его тропе ныне, когда народ вернул свою независимость и пытается утвердить ее, идет другое, более молодое поколение писателей. Они ищут свои пути, свои краски для художественного воплощения истории, и, быть может, кто-то из них создает полотна поярче, но И. Есенберлин останется в истории национальной культуры и литературы как первопроходец, вышедший на еще не исследованную тропу в сложное и опасное время.

Ныне уже невозможно представить казахскую литературу без Ильяса Есенберлина, а анализ и осмысление многовековой истории нации невозможны и неполноценны без внимательного взгляда в страницы его романов, в которых нельзя не заметить целенаправленности его исследований, его творческого поиска как писателя, плодотворного не только в самой основе замысла, но и в его конечных результатах, в жизненности его

концепций. На примере жизни прямых потомков чингизидов — хана Абулхаира Первого, образовавшего казахскую государственность в пятнадцатом веке, и последующих казахских ханов, Ильяс Есенберлин делает свои философские наброски к понятиям “власть и народ”, “правитель и толпа”, “тирания и искусство”. Анализируя события многовековой истории Великой степи Дешт-и-Кыпчак вплоть до времени Аблай-хана и Кенесары Касымова, писатель вырабатывает свою философскую концепцию и обосновывает во многом спорную мораль власти. Он ищет ответы на те вопросы, которые мы ставим перед собой сегодня, вновь став независимым государством: кто и какими своими деяниями и действиями должен иметь моральное право быть выразителем идеи национального единства...

Как и куда вести свое государство?

Уроки жизни и подвигов Абулхаира Первого, Касымхана и Хак-Назара, славного Тауке, Аблай-хана и Кенесары — что дали эти уроки, чему научили казахов бесконечные битвы против джунгар, а затем и против русских колонизаторов (с 1798 по 1930-е годы было более ста крупных вооруженных восстаний и бунтов, начиная с восстания легендарного Срыма Датова, Исатая и Махамбета до Амангельды Иманова и голодных бунтов и восстаний против жестокого, запланированного геноцида тридцатых годов и кончая декабрьскими событиями 1986 года, когда казахская молодежь открыто вышла против диктата Москвы и ее последнего наместника в Казахстане).

Национально-освободительное движение в степи не прекращалось никогда. Бывшие кочевники показали себя бесстрашными воинами. Это подтверждают историки прошлого Геродот и Страбон. Великолепными бойцами показали себя казахи и в минувшую мировую войну. Не имея собственного оружия в девятнадцатом и двадцатом веках, они не сумели устоять против карательных экспедиций типа генерала Черняева...

Да, мы научились воевать, а чтобы быть независимыми еще надо уметь строить — строить заводы и фабрики, машины и компьютеры, уметь строить как корейцы и малазийцы, японцы или тайцы...

Это правда, что царская Россия и тоталитарный режим нас, как нацию, как народ, очень умело и изощренно держали подальше от станков и техники. Нас отлучали от технических, космических, строительных профессий, держали подальше от дипломатии, не готовили ни политиков, ни государственныхников, ни военных специалистов, хотя русификация шла полным ходом. Закрывались даже школы на казахском языке и не было ни одного среднего и высшего учебного заведения, где бы преподавали на казахском. И земля наша и народ наш должны были выполнять одну роль: оставаться сырьевым придатком России — колониальной России, а затем тоталитарного режима. Об этом на основе убедительных фактов писали в

своих трудах Турар Рыскулов и Мустафа Шокай. По свидетельству Турара Рыскулова, один “из заслуженных руководителей Октябрьского переворота” Иван Тоболин на заседании Туркестанского ЦИК в 1920 году прямо заявил, что казахи “как экономически слабые с точки зрения марксистов, все равно должны будут вымереть...” И умерщвляли нас до 1938 года. Погибли миллионы. От искусственно созданного голода, от насильственного изъятия всего, что имел казах — юрту и коня, — которому было отказано даже в элементарной медицинской помощи. Но убить весь народ невозможно. К тому же нужны были пастухи, чабаны, дешевая рабочая сила...

К началу 1990 года Союз начал распадаться, бывшие, объединенные силой республики, начали провозглашать свою независимость. И тут неожиданно со страниц “Казахстанской правды”, 28 ноября 1990 года, устами тоже “заслуженного” лидера рабочего движения было сказано: “... мы не ставим вопрос так: вот вам резервация, и все дела. Нет, мы говорим казаху — друг!”

Вот и привалило счастье казахам. Наконец-то сменили гнев на милость. Это уже по-другому звучит, чем у Тоболина. А то ведь я, по глупости поверив в американскую гуманность и демократию, дважды — в середине семидесятых и в середине восьмидесятых годов — по неделе жил в индейских резервациях. Последний раз в каменисто-пустынной, холмистой местности в штате Нью-Мексика, недалеко от города Санта-фе. Это трудная жизнь, жизнь в загоне — скажу я вам. И хорошо, что нас пока не загоняют в такие резервации...

Испытание нервов нации продолжается не только со страниц газет устами “заслуженных...”

Вернув независимость, мы оказались ни с чем: богатства наших недр, как и прежде, вывозятся, теперь уже по воле наших новоявленных политиков, наживающихся на трагедии народа. У нас нет перерабатывающей промышленности.

Имея свою нефть, свой газ, мы берем, покупаем бензин и газ у других. Мы имеем все, не имея ничего.

Мы нищие, утопающие в нефти, в железе и угле, благородных металлах, в зерне... Мы всего лишь скотоводы... Постоянным и требующим безоговорочного исполнения девизом тоталитарного режима было: “Казахская молодежь — чабанами!” Так, где уж нам быть “экономически сильными”?

Мы нация больных, потому что и в воздухе, и под землей, а значит и на нас самих испытывали все сатанинское оружие — и ядерное, и химическое, и бактериологическое. Все то оружие, которое нынче принадлежит России. И земля наша, и люди наши отравлены, одурманены...

Как и прежде мы завозим в Казахстан и гвозди, и иглу, и нитки...

Так что вопросы — “быть или не быть” казахской государственности, “Смогут ли казахи стать в один ряд с народами, которые, расправив плечи,

обретя достоинство, выйдя из опеки других, вносят свой вклад в развитие мировой цивилизации?”, “Каковы должны быть геополитические аспекты внешней и внутренней политики Казахстана и всех народов Туркестанского края?”; “навсегда ли мы похороним идею КТГ (конфедерация Туркестанских государств) или СНГ (союз народов Туркестана)?” — актуальны.

Конечно, все носители таких идей предполагают не только экономический, но и военный союз для самозащиты (хотя бы от вновь откармливаемого и пестуемого ныне в России казачества), нисколько не посягая на национальную, политическую и культурную независимость друг друга. Но такой союз, естественно, вызовет великодержавный гнев не только у России. Ведь великим державам легче, когда малые разделены: “разделяй и властвуй”... — все эти вопросы много раз прямо или косвенно возникают при чтении или подспудно затрагиваются в знаменитой трилогии Ильяс Есенберлина “Кочевники”, переведенной на языки многих стран, стали для нас сейчас, как никогда ранее, актуальны и жизненно важны. Уроки истории о которых поведал замечательный писатель — гражданин, весьма поучительны.

ТРИЛОГИЯ “КОЧЕВНИКИ” — ДОСТОЯНИЕ НАЦИИ

Трилогия “Кочевники” впервые на русском языке вышла в 1978 году в московском издательстве “Советский писатель” сто тысячным тиражом.—Переводчиком книги являлся большой друг казахской литературы Морис Симашко, а предисловие написал академик Алкей Маргулан-выдающийся историк, археолог, этнограф.

Выход в свет “Кочевников” стало для Казахстана поистине эпохальным событием, если учесть, что подобное явление последний раз происходило в СССР лишь в 1958 году, то есть двадцать лет назад, когда “Советский писатель” издавал подобным тиражом книгу разве что Мухтара Ауэзова “Путь Абая”.

Трилогия “Кочевники” безусловно прославила Ильяса Есенберлина в народе. Одновременно прибавила ему недругов. Их раздражал есенберлиновский талант, приумноженный его редким трудолюбием. Они галдели: “Каким образом Есенберлин, находившийся вчера у наших ног, сегодня оказался выше наших “светлых” голов?”. Вообще, они к его заслуженной славе отнеслись крайне ревностно и затеяли многолетнюю нешуточную травлю.

В те времена Союз писателей Казахстана был похож на тайгу, где обитали “медведи”, “лисы”, “волки” и “зайцы” от подлинной литературы. Одну группировку, возникшую в Союзе писателей по родо-жузовому признаку плотно опекали сверху. Она делала всем там погоду со своими “законами тайги”. Поскольку Ильяс Есенберлин столь стремительно и так лихо вырвался из толпы словно ураганный “кулагер” Ахан-сере, то их “кривые сабли” немедленно были задействованы. Они неустанно твердили о том, что якобы Есенберлин не писатель, “Кочевники” не роман, а запутанная хроника. Этой группе услужливо угождали представители и других родов. Например, тот же С.Шаймерденов однажды публично заявил: “Я Жамбыла поэтом, Есенберлина писателем, Каратаева критиком не считаю”.

Сколько бы не наподали на него, но Ильяс Есенберлин никогда не терял здорового оптимизма. Он на собраниях с трибуны осуждал землячество, трайболизм, черную зависть, патологическую ревность к творческой удаче. Когда выступал Есенберлин, тогда ему никто возражать открыто не мог, даже такие “клькастые” писатели, как А. Нурпеисов, Т. Ахтанов и другие.

Ильяс Есенберлин не был сильным оратором. Яростно защищая честность в литературе, осуждая мракобесие, он никогда не свирепствовал. Говорил ровно, спокойно в рамках истины. Его логика была основательной. Он одинаково хорошо говорил и по-русски, и по-казахски. Имея на руках свои записи, он в них не заглядывал, говорил по памяти, экспромтом.

При этом без запинок, содержательно. Есенберлин был смелым человеком, но описать эти его свойства не так просто.

В один из зимних вечеров, я в длинном коридоре второго этажа Союза писателей, случайно увидел издали Ильяс Есенберлина. В сумерках в мою сторону шел человек с пепельно-седыми волосами. От увиденного в моей голове возникла забавная ассоциация и когда я встретился с ним, мне от всего этого стало весело на душе.

— Почему смеёшься? — спросил он меня, протягивая свою руку.

— Вы мне издали напомнили серого лютого, мчавщегося в полутьме по оврагам — сказал я.

Он от души посмеялся и добавил: “А что делать? Не будешь свирепым волком, то растерзает же тебя эта свора собак”.

Когда люди меня спрашивают об Ильяс Есенберлине, то мне на ум приходит именно этот мимолетный эпизод. Он мне напоминает и тигра, и храброго волка. Я всегда восхищался его смелостью, отсюда все эти сравнения.

Кроме Рахманкула Бердыбаева, мало кто говорил об Есенберлине, о его трилогии “Кочевники” добрые слова. Наиболее признанные литературные критики побаивались “сильной группировки” и отказались что-либо сказать о нем, о его творчестве. Молчат они и по сей день...

Другие писатели пили вино, пировали, пели песни, играли в карты, искали и находили женщин, восхваляли друг друга, любовались собой. В это же время Ильяс Есенберлин выпустил пять романов. Лев Толстой “Войну и Мир”, где охвачены события 50 лет, писал целых двадцать лет. А Ильяс Есенберлин за четыре года написал историческую трилогию “Кочевники” с временным диапазоном 500 лет. Его враги были тогда озабочены другими вопросами: “Этот Есенберлин стрижёт купоны, снимает сливки, один хозяйничает на ниве исторической темы и ничего не оставляет нам. Следовательно, нужно его остановить! Или хотя бы обуздать его творческое рвение”. И постарались сообща.

Первый раз я увидел Ильяса в 50-ые годы, когда приехал в Алма-Ату из Павлодара и заходил к своему другу Амантаю Байтанаеву. Во-первых, я обратил своё внимание на некоторое его сходство с моей внешностью, особенно лица. Во-вторых, его замкнутость и сосредоточенность за рабочим столом. Хотя я никогда не был его близким другом, но с годами незаметно росло моё уважительное отношение к нему. Я радовался его творческим успехам. Он мне, как я уже говорил выше, действительно напоминал бесстрашного и одновременно благородного “волка”, то есть борца с железной хваткой. Иначе бы он вряд ли, вопреки запретам, наперекор официальной идеологии и собственной судьбе в тоталитарном обществе, не осилил бы столь трудную историческую тему, один на всю республику.

Лично я в литературной среде нахожусь почти шестьдесят лет и эту кухню не могу не знать! Мы, писатели старшего поколения, прекрасно понимаем, что за две исторические трилогии “Кочевники”, “Золотая Орда” Ильяс Есенберлин, без преувеличения, достоин Нобелевской премии. Разумеется, с оговоркой посмертно. Но, к нашему стыду никто их никуда не выдвигал. Причин тому много. Это, конечно, внутренний раздор среди писателей. А главное — заниженная самооценка казахской интеллигенции, в целом, и чрезмерно завышенная самооценка тех “мэтров”, которые на “короткой ноге” с властью, в частности.

Например, Габриэль Гарсиа Маркес получил Нобелевскую премию за книгу, где описывается 100-летняя история Латинской Америки. А наш Ильяс Есенберлин блестяще описал 700-летнюю историю евразийского пространства. В таких случаях у нас говорят: “слепой не заметит и верблюда!”. Ладно, до Швеции далеко, но кто мешает руководству Казахстана посмертно присвоить Ильясу Есенберлину звание “Халық қахарманы” (“Народный герой”), кем он является на деле с 1965 года, то есть с момента написания знаменитого романа “Хан Кене”. Среди представителей творческой интеллигенции второй половины XX века, я не вижу более героического творца, чем Ильяс. Я не понимаю своих же казахов, казалось бы, все об этом прекрасно знают, но “воз и ныне там”! Теперь, тем более, когда “живая мышка куда могущественнее, чем мертвый Лев”.

В аналогичных вопросах Ильяс Есенберлин резко отличался от других моих коллег. Я помню, что в 1972 году, когда известная группировка проголосовала против меня и я не смог получить Государственную премию, он за меня болел настолько, что именно от него, я заранее узнал эту малоприятную новость. Он мне, накануне вечером, позвонил сам и успокоил меня, сказав, что премию ты со временем точно получишь. Так это и случилось, через восемь лет премия мне была дана, я восхищаюсь его прозорливостью.

Ильяс Есенберлин ненавидел деление казахов на роды и жузы. Кому-кому, но ему, было хорошо известны корни наших национальных бед. Сам он всегда занимал позицию общенародного единства. Всю жизнь боролся с родофильством. Всегда искренне переживал. Поскольку в ЦК КПК сидели С. Имашев, З. Камалиденов и им подобные, которые подпольно поддерживали землячество, истребить в творческой среде это зло было не под силу даже самому Д. Кунаеву. Ильяс Есенберлин постоянно напоминал Димаш Ахметовичу об этом, но ничего от этого не изменялось, хотя про все это он хорошо знал. Однажды, даже Димеке посмеялся: “Ильяс, почему ты постоянно говоришь о родофильстве. Не отвлекайся, а пиши свои романы. Мы их будем издавать. Что тебе ещё надо? Эта болезнь у казахов в крови и мы вдвоём не можем исцелить от неё. Для этого необходимо создавать казахов заново с нуля. Разве это нам под силу?” И даже после этого, он все равно

продолжал убеждать Д. Кунаева, на пальцах доказывая вредность этой традиции.

Динмухамед Кунаев сделал очень много для писателей. Впредь такого, наверное, уже не будет. Если бы не он, то Ильяс не смог бы издать “Хан Кене”, затем “Заговоренный меч”, “Отчаяние” и в конечном счете, трилогию “Кочевники”, а также “Золотую Орду”. Тогда казахская литература лишилась бы двух вечных произведений, наподобие греческих “Иллиады” и “Одиссеи”. Д. Кунаев спас Олжаса Сулейменова и создал условия для Нургисы Тлендиева. Он после себя оставил трех гигантов — Ильяса, Нургису и Олжаса, как Аблайхан Бухар-жырау.

Ошибки были и у Д. Кунаева. Он мог бы похлопотать за присвоения звания героя Советского Союза Бауыржану Момышулы. Недолюбливал и академика Каныша Сатпаева. Устроил гонения академикам Ш. Есенову, Е. Букетову и преследовал их довольно жестко. В четвертых, самоустроился от событий 1986 года. Конечно, по сравнению со злом 1937 года это лишь капля в море. Это говорит лишь о том, что нет в мире идеальных людей.

Обычно писатели прячут свои рукописи. Есенберлин этого не делал. Лично я рецензировал три его книги “Лодка, переплывающая океан”, “Золотые кони просыпаются”, “Мангистауский фронт”. Меня всегда поражала его простота и вежливость. Он рецензента называл советником писателя, а другие рассматривали чуть не “могильщиком”. Иные классики нам внушали, что они пишут великие романы. Ильяс так не говорил. Наоборот, он сам просил у меня замечания. Лишь один раз я посещал квартиру Есенберлина, по работе (возвращал ему его рукописи). Это было в конце 70-ых годов. Когда я увидел его супругу Диляру-апай, она держала на руках внука, несмотря на возраст, она мне напомнила “сикстинскую мадонну” и я понял одну из причин творческого вдохновения Илеке. Это общеизвестно, что жена Ильяса Есенберлина не только вдохновляла его, но, и это не менее важно, создала ему идеальные условия для плодотворной творческой работы.

В те времена многие писатели строили из себя “дон жуанов”. Была такая мода. Но это не относится к Есенберлину. Он видимо очень ценил семейное счастье. Ему однозначно повезло с женой.

Мы с Ильясом Есенберлиным не были друзьями. Поэтому мне непонятны мотивы его великолепного отношения ко мне. Первый раз он сам попытался перевести на русский язык, через Ю. Домбровского мои очерки. Не получилось. Второй раз в 1978 году он, будучи членом пленума издательства “Советский писатель”, собственноручно за меня написал письмо-ходатайство на имя директора издательства А. О. Тамм и организовал не только перевод моего романа “Истина и Легенда” о Б. Момышулы, но и

издание самой книги в Москве. И опять же это было его инициативой . Издание своей книги в Москве, для таких рядовых писателей как я, тогда было практически невозможным делом. Это его заслуга. Затем моя книга на украинском языке вышла в Киеве, на чешском в Праге.

Я в течении многих лет с гордостью рассказываю людям об Ильясе Есенберлине. Говорил о нем много раз, в разных местах. Сегодня лучше я напишу один раз, чем словесно тысячекратно повторятся. Считаю это своим гражданским долгом. Он был на семь лет старше меня. Поэтому, преклоняюсь перед его памятью, выражаю свою искреннюю признательность за его бессмертные произведения. Был бы поэтом, я сочинил бы ему поэму. Но, увы. Как и любой другой честный литератор я сказал о моем брате-Ильяс-ага без прикрас все, что знал и думал о нём.

Перевод с казахского языка Ахмета Дюсенбаева.

РЕАЛИЗОВАННЫЙ ТАЛАНТ

В 1969 году, после выхода романа “Хан Кене”, вдохновленный своим успехом Ильяс Есенберлин увлекся уже более глубинными пластами нашей истории. В то время нашлись злопыхатели, которые утверждали о том, что роман “Хан Кене” написал не сам автор, а его подчиненный по работе Мухтар Магауин. Они и последующие книги Ильяса Есенберлина приписывали неким иным авторам.

Неповторимое в нашей литературе исключительное явление – процесс написания, подготовка и само издание романа Ильяса Есенберлина “Хан Кене” до сих пор у меня перед глазами. Я действительно делился с ним своими соображениями, помогал в сборе архивных данных и, наконец, редактировал рукопись этой книги, которая в то, зажатое в тисках имперского мышления время, заново оживила дух древнего народа. Когда рукопись книги обсуждали предвзято, проверяли рьяно, придирались к каждой мелочи, я одним из первых встал на защиту книги. Не ради уважаемого мной Ильяса-ага, а ради памяти великого Кенеке-хана Кенесары Касымова. Мое соучастие в этой бессмертной книге — во имя настоящей литературы, борьбы за историю нации, исполнения и моего гражданского долга.

Еще раньше, то есть в 1967 году, отвечая на вопросы литературоведа Хасена Адипбаева, я Габита Мусрепова назвал писателем, который не смог реализовать свое большое природное дарование. Хасеке испугался, потому что, продолжая нашу беседу о творческих личностях, в качестве сравнительной характеристики, я включил Ильяса Есенберлина, тогда еще не признанного в разряд крупных писателей. Напуганный нелепым, на его взгляд, разговором, он сказал мне: “Ты это брось, не смешивай людей. Иначе потом стыдно будет”. Поэтому мой ответ он не включил ни в свою диссертацию, ни в книгу.

В то время я и не предполагал, что спустя 30 лет аналогичная хлесткая оценка о нереализованных возможностях вполне приемлема и к моему творчеству. Кто мог знать. В отличие от живых классиков, я от подобного вердикта не отрекаюсь, а отношусь к этому спокойно. Да, я писатель, который, в отличие от Ильяс-ага, не написал своей главной книги, свою “Золотую жилу”. И не только я один. Ибо миссионерство суждено не каждому. Есть и моя вина, но все же в основном — это издержки того времени. Мы оказались заложниками Правила: быть исключением вопреки суровых нравов, как показала действительность, удел избранных свыше, без всякого преувеличения.

Начну с начала. В то время, никому не известный И. Есенберлин по настоянию самого Д. А. Кунаева вдруг становится директором единственного в республике издательства художественной литературы “Жазушы”. Его друг и соратник Капан Сатыбалдин на должность заместителя рекомендует мою кандидатуру, а также об этом его просит главный редактор газеты “Қазақ әдебиеті” Ныгмет Габдуллин. Эти люди сказали мне, что университет и академия подождут, если И. Есенберлин даст свое согласие — это, мол, твоя судьба. И мне оставалось лишь согласиться. Ильяс-ага стал директором за два дня до первомайских праздников. После праздника я начал работать на новом месте, как я уже сказал, заместителем главного редактора. В то время очень большая должность. Поскольку я оказался единомышленником Есенберлина, мы друг друга понимали с полуслова. Сам тоже проявил усердие и оказался влиятельным лицом в издательстве. У меня были большие полномочия. Новый директор из ЦК вернул старый тематический план и отдал его мне. Вдвоем пересмотрели этот ответственный документ.

У меня в том плане фигурировала будущая книга объемом в семь печатных листов. Директор разрешил на все десять печатных листов. Таким образом, “Мелодия Кобыз” попала в план издательства. И в этом и последующие годы славный сын алаша Ильяс Есенберлин провел огромную созидательную работу в сфере духовного обогащения своего народа.

Однажды, тематический план нашего издательства, пересмотренный ЦК КПК не первый раз, он утвердил по-другому. И на мой удивленный вопрос он ответил лаконично: “Поскольку директор новый, и план тоже должен быть иным”. Самое главное здесь в том, что он этот важнейший документ тех лет готовил без всяких личных симпатий или антипатий, тем более без элементов групповщины и иных предрассудков. Он был ярким противником этого косного отжившего явления.

Предыстория нашего знакомства с Ильяс-ага тоже интересна. Дело в том, что никому ранее неизвестный, малоприметный среди литературных асов один скромный седой человек — прославленный значительно позже И. Есенберлин по настоянию Д. А. Кунаева вдруг становится директором самого главного в Казахстане книжного издательства “Жазушы”. Я узнал о том, что у него не только свои личные творческие планы, но и серьезные наметки по подъему деятельности всего издательства на качественно более высокую ступень и в связи с этим ему нужны будут уверенные в себе, напористые соратники более молодого поколения. Его близкий друг Капан Сатыбалдин, оказывается, просил Ильяс-ага включить в свою будущую команду и меня, предварительно дав мне лестную характеристику. После этого Есенберлин уточняет информацию обо мне у главного редактора газеты “Қазақ әдебиеті” Ныгмета Габдуллина. На что Габдуллин отвечает: “Лучшего сотрудника не найдете, Илеке”.

Я в своей жизни видел двоих людей, не боящихся никого. Первый – Ильяс Есенберлин. Был и второй... Когда И. Есенберлин получил десять сигнальных экземпляров романа “Хан Кене”, один из них подарил мне со следующим автографом: “Глубокочтимый мой брат, Мухтар! Твой вклад при подготовке этой книги огромен. Поэтому я, чтобы ты тоже радовался вместе со мной наравне, даю ее тебе специально. И. Есенберлин 15 июня 1969 года”. Не каждый автор подобного нерядового издания, согласитесь, станет самолично делиться с лаврами после выхода своей книги с другими людьми. Тем более, со своим подчиненным, да и с человеком намного моложе по возрасту (я имею в виду наш национальный менталитет, вытекающий из аксакализма). В этом заключается проявление есенберлиновского великодушия, прямоты и честности.

1998 г.

ВЛАСТИТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В середине шестидесятых годов, после университета, я работал в редакции газеты “Қазақ әдебиеті”. В то время к нашему главному редактору Капану Сатыбалдину в конце рабочего дня частенько приходил и долго с ним дружелюбно беседовал один небольшого роста, седой, в старом белом плаще человек, в возрасте чуть старше пятидесяти лет. Он ходил немного кособоко, напоминая движения птицы с одним перебитым крылом.

Мы, молодые журналисты, у своих старших коллег интересовались о нем. Нам сказали, что он писатель Ильяс Есенберлин.

В самом начале мне показалась забавной его, состоящая из названий двух немецких городов Эссен и Берлин, фамилия. Потом я о нем узнал, что он после войны выпустил несколько сборников стихов и повесть “Бурлит Есиль”. Но в начале пятидесятых годов он, оказывается, подвергался гонениям и теперь его уже стали забывать. На тот момент он был незаметным, скромным работником киностудии.

Однажды меня пригласил к себе главный редактор и показал новую книгу И. Есенберлина “Схватка”. Он рассказал о том, что некто Кышкашов на эту книгу опубликовал в журнале беспощадно предвзятую рецензию и призвал меня написать справедливый отзыв и спасти писателя вместе с ним.

Я сказал ему, что сначала прочту, а потом, если... Редактор был человеком прямолинейным. Он мне ответил резко: “Ты, пацан (бала), брось! Никаких “если”... Это талантливый человек. Все это клевета. Мы должны его защитить. Чтобы в понедельник отзыв лежал у меня на столе”.

Мне оставалось лишь согласиться с начальником. За четыре дня внимательно прочитав книгу, я на пятый день написал свой положительный отзыв, который был опубликован уже в следующем номере газеты. После выхода моего материала в кабинете главного редактора Есенберлин сначала сжал мои руки, а затем, крепко обняв, сказал: “Спасибо родной! Пришел сказать спасибо твоим чистым помыслам. Капан знает, это первый случай, когда на страницах прессы критик мне адресует теплые слова”.

Вот так впервые я познакомился с И. Есенберлиным. Но на этом схватки вокруг романа “Схватка” не закончились. Но, тем не менее, через два года автор за эту книгу получил Государственную премию имени Абая.

В марте 1967 года Есенберлин вдруг неожиданно для нас стал директором издательства “Жазушы”. Для того, чтобы его поздравить с назначением на эту должность мы к нему попали только на третий день.

И тут я понял простую истину: насколько важно состояние души. Ильеке, оказывается, изменился до неузнаваемости. Словно он помолодел. На щеках румянец, плечи выпрямлены. Показалось мне, что он и ростом выше стал. Снежно-белая рубашка, новый костюм. Настоящий директор. Как в старые добрые времена, когда Ильяс-ага работал в ЦК КПК или директором республиканской филармонии. Все, кто вчера с ним даже не здоровались, а проходили мимо него, толкая его плечами, кружатся вокруг него.

Сразу же возник резонный вопрос: кто его назначил? И все догадались. Сам Д. А. Кунаев.

А предыстория такова. В конце тридцатых годов И. Есенберлин, будучи студентом Казахского политехнического института, проходил производственную практику в Балхашском медеплавильном заводе под руководством главного инженера Д. А. Кунаева. С тех давних пор они были хорошо знакомы. Но, скромный от природы, И. Есенберлин в шестидесятые опальные годы не стал беспокоить первого руководителя республики Д. А. Кунаева по этическим соображениям.

Как-то посещая киностудию “Казахфильм” интеллигентный Димаш, случайно увидев Ильяса Есенберлина, сам остановился и поздоровался с ним, к удивлению руководства студии.

— Ты не Ильяс? Ты еще есть на этом свете? Почему ты исчез? — говорит удивленно Димаш Ахметович и сам просит его придти к нему.

И. Есенберлин после этого был на приеме у Д. А. Кунаева. Димаш предложил ему должность директора театра оперы и балета, а И. Есенберлин от этой должности вежливо отказался. Сославшись на то, что у него накоплен большой материал, и он планирует его издать. Поэтому, Д. А. Кунаев, учитывая, в том числе, значимость творческих планов И. Есенберлина, назначил его директором издательства “Жазушы”. Из беседы интеллигент Д. Кунаев понял, что эти книги будут нужны не только современникам, но детям и внукам. В этом была причина столь шумевшего назначения. И Д. Кунаев, и И. Есенберлин не ошиблись в своих прогнозах. Речь тогда шла об исторических романах И. Есенберлина.

Я был редактором романа И. Есенберлина “Влюбленные”, который выходил в 1968 году. Затем редактировал трилогию “Кочевники”. Поскольку И. Есенберлин родился в городе (Атбасаре), воспитывался в детдоме и учился в русской школе в его рукописях на казахском языке были недостатки стилистического плана. И литературный, и разговорный русский язык у него был значительно лучше, чем родной — казахский (ред. И. Есенберлин учился в казахской школе, родным языком несомненно был казахский). Поэтому, когда некоторые недоброжелатели пытаются доказать обратное, что трилогии “Кочевники” и “Золотая орда” на русском языке глубоко содержательны только благодаря их переводчикам М. Симашко и

В. Мироглову, я не нахожу себе места от возмущения. Ведь, это же неправда! И. Есенберлин сначала все свои романы писал на казахском языке, а затем сам переводил их на русский язык. Это так называемый подстрочник. Все его переводчики В. Мироглов, Ю. Домбровский и другие, конечно, не знали казахского языка, не говоря про историю, фольклор, менталитет. Специфику жизни и быта раннего и позднего средневековья. Другое дело, что переводчики замечательно поработали над стилистикой, как и я. Но это святая обязанность любого редактора книжного издательства.

Мало того, он и меня, и своих переводчиков просил редактировать текст смело без оглядки на настроение автора. Обычно другие авторы в этом вопросе поступали наоборот, то есть просили, как можно меньше проводить редакторскую правку.

Я старался оправдать доверие Ильяс-ага. Для нас было главное не пышность той или иной фразы, необычайно красивая витиеватость предложений. Мы восхищались его смелостью первопроходца на рискованную историческую тему. Через рукописи И. Есенберлина мы сами вместе с автором уходили в глубину веков, сопереживая его литературным героям, пропуская их боль и страдания через свои сердца. Уже тогда поняли величие авторского замысла, его беззаветную любовь к своему народу посредством сострадания к его печальному прошлому. Содержание исторических романов И. Есенберлина завораживало всех, кто имел отношение к этим книгам, еще на стадии подготовки. И мы были глубоко убеждены в бессмертности этих произведений.

Только казахские советские писатели не поняли И. Есенберлина. Точнее не простили ему его литературную удачу. Славу. Читательскую признательность. Например, Габит Мусрепов не только не понимал И. Есенберлина, но даже значение национально-освободительного движения последнего казахского хана Кенесары. А что можно говорить о других, кругозором поуже, интеллектом пониже.

Кроме прочего, тогда существовала одна злобная влиятельная группировка, которая даже посягала и на Абая, и на Мухтара Ауэзова. Для них нет ничего святого, кроме своих непомерных амбиций. Пользуясь поддержкой из Москвы, они пытались свести на нет все заслуги И. Есенберлина, очернив трилогии “Кочевники”.

По-моему, для преждевременного ухода из жизни у И. Есенберлина были две причины. Первая – это из-за романа “Лодка, переплывающая океан”. Эту книгу в Алма-Ате запретил издать секретарь ЦК КПК по идеологии С. Имашев на казахском языке, поддерживая известную группировку. А когда роман готовился к изданию в московском издании “Новый мир” тоже остановили выход книги. Он 11 лет безрезультатно доказывал свою правоту. Но тщетно.

Вторая, когда казахи сами помешали И. Есенберлину получить Ленинскую премию за трилогию “Кочевники”, за одно расчистив дорогу грузинскому писателю Нодару Думбадзе за какой-то обычный его роман средней руки.

В итоге он не смог с нами вместе отметить свой 70 – летний юбилей. Но, сколько прекрасного творческого наследия он нам оставил! И. Есенберлин является не только предводителем нового жанра в казахской прозе — исторической темы, но и создателем литературной школы в шестидесятых — семидесятых годах. И. Есенберлин первым среди деятелей науки, искусства и культуры внес свою лепту в таком благородном деле, как историческое просветительство. Именно благодаря его произведениям стало просыпаться в народе национальное самосознание. Он один беспощадно боролся с историческим беспамятством и невежеством. Родись он чуть раньше, то оказался бы рядом с Алиханом Букейхановым, Ахметом Байтурсыновым и другими просветителями начала века. Иногда он мне кажется их соратником. У столь беззаветно любившего свой народ Ильяса не сбылась мечта увидеть своими глазами светлую зарю суверенитета, в каждом мгновении которой явно присутствует дух его главного литературного героя — прославленного в народе хана Кенесары и следы пера самого Ильяса Есенберлина.

Перевод с казахского Ахмета Дюсенбаев

ТАЙНЫЙ ТИХОГО ОМУТА

Бекежан Тлегенов

перевод Ахмета Дюсенбаева

«Взгляд в прошлое — боль для сердца»

Людвиг Фейрбах

Общеизвестно, что наша современная литература делится на два периода: до Ауэзова и после Ауэзова. Для постауэзовского периода характерными стали такие негативные явления, как мелкотемье, изобилие мелких споров, скандалов, разоблачений и т. д. Сдерживание подобной, далеко не творческой возни вокруг литературы стало неподвластным последователям великого писателя. Все то, что наносно, пресекалось при жизни Ауэзова. Теперь все это стало бесконтрольным полем брани. И Литература нравственно осиротела... К литераторам среднего уровня примкнулась всякого рода мелкота и они, почувствовав вольность и вседозволенность, стали искать себе место не столько под солнцем, сколько в первых рядах «царства слова». Началось соревнование не талантов, а тщеславия. У них появилось огромное желание стать «великими» за счет искусственных званий, титулов, наград и высоких покровителей. В их больном воображении вакантным оказался «трон» Ауэзова. И лавина хлынула туда же. Многие неприглядные вещи, суетливая спешка к заветной высоте, зачастую пустыми руками и гнусными помыслами, естественно, снижали уровень литературного мастерства недавних прошлых лет — времен М. Ауэзова. Некоторые писатели создали группировки и стали допускать оскорбительные выпады в адрес более удачливых коллег. В итоге, литераторы стали терять былое взаимоуважение, оказание почестей по заслугам, справедливую оценку творчества других. Получилась, сравнимая лишь с 1937 годом, беспощадная, несправедливая, разнузданная атака на казахскую литературу и культуру изнутри. Все почувствовали отсутствие Мухтара Ауэзова. Теперь уже было некому защищать чистоту и благополучие нашей литературы. Каждый оберегал сам себя в одиночку.

На все это было две причины. Первая, любой ценою, без творческих мук, адского труда, тяжелых поисков, но, мешая и унижая других, самым кратчайшим путем занять достойное место в первом эшелоне и стать обладателем самых громких званий.

Вторая причина — все, что делал Н. Хрущев в начале 60-х годов в Москве в сфере литературы и искусства эхом отдавалось в Алматы. Действия главы державы тогда развязали руки кое-кому и на местах. В результате налицо авантюризм, левацкие заскоки, некомпетентное вмешательство в литературу, которая являлась опорой идеологии. Отсюда пошло

желание наказать наиболее ярких личностей функционерами. А серость рьяно включилась в эту кампанию от зависти и злобы. Чтобы мстить.

Против казахской национальной традиции, искусства с целью ее форсированной подмены европейской культурой наиболее активно и открыто выступили Исмаил Юсупов и Нурумбек Жандильдин. Они резко критиковали Олжаса Сулейменова, Абиша Кекильбаева, Жусупа Кыдырова и О. Сарсенбаева. После этого А. Кекильбаев и О. Сарсенбаев перестали писать стихи! От них сильно пострадал Ахмет Жубанов за развитие казахской национальной музыки. Они были искренне убеждены в том, что национальное искусство, литература, культура совершенно не соответствуют требованиям союзного уровня. От невежества и малограмотности.

С 1969 года я работал в отделе культуры ЦК КП Казахстана, который имел 2 сектора: литературы и искусства. Я курировал казахскую художественную литературу, а Владислав Владимиров — русскую. Отделом заведовал Михаил Есеналиев.

Изначально отдел создавался ради оказания помощи творческим организациям. Но, к сожалению, на практике все получилось наоборот и главной задачей кураторов стало быть на страже идейной бдительности. Бесспорно то, что на нас возложили важное и ответственное дело, так как в условиях политического противостояния сверхдержав литература и искусство стали испытательным полигоном.

Если в Москве отдел культуры ЦК КПСС устроил гонения Александру Твардовскому, то и мы на местах должны были подражать Центру. Так и получилось. Наказали журналы “Простор”, за повесть Александра Солженицына, “Жұлдыз”, за роман о голоде 30-х годов и др.

Видимо случайно, но тем не менее, выход романа И. Есенберлина “Хан Кене” совпало с появлением нашего отдела. Вокруг этого романа возникло много нешуточных разговоров, споров. Стихи О. Сулейменова в сборнике “Глиняная книга” о Ермаке тоже показались подозрительными. И мы стали искать идейных врагов — “волков в овечьей шкуре” Жесткой критике подвергли профессора Х. Махмудова за попытку реабилитации Шакарама и Магжана Жумабаева. Наш отдел имел доступ к архивам КГБ. И мы знакомились с их материалами. Читали о Жусупбеке Аймаутове. Но нас потрясла докладная записка чекиста А. Карасартова, который с гордостью заявлял о том, как он безжалостно расстреливал великого сына казахского народа — Шакарима.

Поскольку наш подотдел культуры входил в состав идеологического отдела ЦК КП Казахстана, то мы, соблюдая общепринятый стиль партработника вне здания ЦК, предпочитали говорить как можно меньше. Присутствуя по долгу службы на собраниях Союза писателей лишь слушали ораторов, но сами молчали до конца собрания, хотя имели мнения и было

что сказать. Так собирали информацию. Еще удивило меня то, что, оказывается, в номенклатурной среде нет такого привычного понятия, как друг, товарищ. Есть лишь вертикаль: начальник всезнающий и слепой исполнитель — подчиненный. Здесь авторитет человека нисколько не зависит от его человеческих, интеллектуальных и других качеств, а только от высоты занимаемой должности. А в творческой среде все же ценили талант. В постауэзовский период и литераторы тоже стали внедрять у себя номенклатурные порядки, со всеми их интригами, раболепием, узколобием и прочими пороками.

Мы постоянно готовили секретарю ЦК по идеологии отчеты. С нашего отдела требовали не хвалебные, а критические материалы. По ним затем писали доклады для секретаря. Малоизвестные и среднего уровня писатели их не интересовали. Требовали критические материалы на популярные в народе книги, на их авторов, чтобы продемонстрировать им — кто в доме хозяин. В.Владимиров имел темную тетрадь — своего рода досье на всех «ходовых» авторов. Мне было гораздо труднее, так как я с упоением читал все книги, прежде всего новые. Поскольку я был в курсе недостатков всех книг того времени, естественным образом, я в своих отчетах указывал наиболее существенные факты, интересные детали, важные фрагменты из книг разных авторов независимо от их известности. Но с меня требовали «жареные вещи» из произведений самых крупных писателей. Это нужно было нашим идеологам для острастки, чтобы показать членам ЦК масштабность своей политической и государственной деятельности. Известно, что при желании можно найти недостатки у любого мастера, если не в художественном, то в идеологическом плане наверняка.

Я знал, что если писателя критикуют с высокой трибуны ЦК, то его книги впредь не будут издаваться. Для писателя это самая страшная трагедия. Личная драма. Мои начальники требовали не просто объективную оценку, а оскорбительную, уничтожающую критику и убийственные примеры творческой неудачи, аполитичности. Когда докладчик издевался над кем-то, только тогда полусонный зал начинал шевелиться, становилось веселее, смеялись, даже хохотали. В этом заключалась ценность доклада. Сам докладчик тогда выглядел как принципиальный, честный, наблюдательный и подкованный идеолог. Ради амбиций секретаря ЦК и его фальшивого авторитета многие писатели стали жертвой — опозоренными и униженными.

Как не парадоксально, большая часть негативной информации была добыта не нами, а она поступала извне. То есть отрицательные отзывы предоставлял Союз Писателей, нас пичкали ими отдельные писатели. Причем наиболее известные и влиятельные писатели шли мимо нас напрямик к секретарю ЦК и там, с пеной у рта, ругали тех своих коллег, кого они не

любили. Мы знали, что у них гнусные планы и низменные мотивы, и их гложет зависть.

В то время, когда я курировал казахскую литературу в ЦК, наиболее колоритной жертвой беспощадной травли стал прежде всего и главным образом Ильяс Есенберлин. Каждый раз, когда выходили его книги, в ЦК приходил караван недовольных жалобщиков. Причем их количество росло из года в год. Надо сказать правду о том, что ответственные работники идеологического отдела ЦК не стали защищать И. Есенберлина. Напротив, ответственные работники ЦК сами примкнули к этой группировке. У них не было намерения пожалеть Ильяса. Они были готовы его стереть с лица земли. Безжалостно. Димаш Кунаев практически спас И. Есенберлина от дикого, яростного произвола его современников.

Время было такое. Я много раз получал грубые замечания и выслушивал дерзкие упреки от таких докладчиков за то, что не всегда им находил сокрушительных критических примеров. Заведующий отделом М. Есеналиев мне делал замечания многократно. В таких случаях уходишь в себя и мучаешься. Будучи писателем, я понял, что это вовсе не должность литератора, а строго сухого партийного функционера.

Прочитал бесконечное число книг за один год и испортил свое зрение. И впервые стал очкариком. Теперь стал изучать книги выборочно. Кроме того, необходимо было быть в курсе различных подводных течений в творческих средах. А каждый солидный писатель — это своего рода государство со своим отдельным миром. Поэтому, в таком сложном коллективе, как Союз Писателей, постоянно происходили необузданные страсти. Все это доходило до ЦК благодаря усилиям самих писателей. Они с доносами ходили и к моему начальнику, и секретарю по идеологии, и даже самому Д. Кунаеву. Наиболее неприятным для нас делом было сбор информации, т. к. верхи, в лице Саттара Имашева придавали значение слухам, домыслам и кривотолкам, исходящих от различных группировок. Я наконец понял значимость обычных, безобидных на первый взгляд сплетен и их убойную силу. Не думал, что сплетни настолько коварны, разрушительны и опасны для адресата, похлеще официоза.

Больше всех разговора было вокруг Ади Шарипова, И. Есенберлина, О. Сулейменова, Кабдыкарима Идирисова. Тов. Имашев их недолюбливал. Недовольство большинства писателей ими было не с проста. Например А. Шарипов был первым секретарем Союза Писателей и его, как и его предшественников Сабита Муканова, Габита Мусрепова и Габидена Мустафина, противоборствующие группировки пытались свалить с престижной должности в надежде на ее захват. А Есенберлина, О. Сулейменова и других презирали за их творческую удачу, которую они квалифицировали как простое везение, случайную фортуна, но никак не проявлением природного дарования. Точнее не хотели признавать.

В этих условиях, оказывается, Илияс Есенберлин не сидел сложа руки, а по уши погряз в «грехах». Каким-то образом стал директором единственного в республике издательства художественной литературы «Жазушы», где выходили книги всех наших писателей. Комедия заключалась в том, что до этого момента он в писательской среде был никем. Его поступок похоронил надежды всех многочисленных претендентов на данный ключевой пост на значительный временной отрезок. Ведь подобную обиду никто никогда не простит. Особенно не простил ему С. Имашев.

Эту историю затем Илияс сам неоднократно рассказывал. В общем, освободили прежнего директора издательства Еркешова. С. Имашев подготовил трех своих кандидатов. Ильяса, которого при бывшем секретаре ЦК Н. Жандильдине подвергавшегося во всех собраниях жесткой критике и названного «самым опасным националистом» тогда собирались уволить со скромной должности рядового редактора «Казахфильма». От безысходности Есенберлин идет к Д. Кунаеву, а он его назначает на эту должность. С. Имашев был вынужден согласиться с данным решением первого. Секретарь ЦК по идеологии тогда и затаил обиду на него. С. Имашеву советчики нашлись быстро и с большим усердием снабдили его компроматом на Ильяса. Откопали то, что он в 40-м году сидел в тюрьме, еще тогда был назван «националистом», писал недостойные нашей идеологии книги и т.д. А все неприятности, связанные со скандалом вокруг романа «Хан Кене», были еще впереди.

Писатели добились своего. Порядочный и уважающий себя А. Шарипов сам добровольно покинул свой пост. Нового первого секретаря СП Ануара Алимжанова рекомендовал Д. Кунаеву тоже А. Шарипов. Сильную поддержку оказали Ануару И. Есенберлин, несколько раз посетив ЦК. Ильяс ходил только к Димашу Кунаеву и больше никому. А так же Ислам Жарылгапов, который был в дружеских отношениях с секретарем ЦК Севрюковым.

Вряд ли Ильяс и Ислам предполагали иронию судьбы, когда они невозможное превратили в возможное и неподходящую кандидатуру Ануара сделали подходящей неимоверными своими усилиями. Скорее не думали о своем же печальном финише. Забегая вперед, скажу о том, что со временем, не дожидаясь 60-летнего юбилейного возраста, Ануар во время отпуска, отдыхающего И. Есенберлина уволил с работы и преждевременно отправил на пенсию. То есть списал. И Жарылгапова тоже туда. Почему Алимжанов отплатил черной неблагодарностью двум своим главным покровителям, мне остается загадкой. Уверен, что Ануара просто вынудили на этот шаг.

А. Алимжанов свою работу начал с организационных вопросов. Видимо Жубан Молдагалиев рассчитывал на должность первого секретаря, или

обиделся на ЦК, не знаю, но оставаться впредь вторым секретарем отказался. На место Жубана пришел известный писатель, директор издательства «Жазушы» И. Есенберлин. Это сейчас я говорю «известный писатель», тогда его никто к такому разряду не относил. Потому что в то время среди литераторов существовал негласный иерархический список, в котором Есенберлина еще не было. Эта элитная группа ревностно защищала свои ряды от случайных посягателей. В эту дверь нельзя было войти без спросу в полный рост. Только медленно, осторожно, ползком. Патриархам словесности была не по душе популярность романа «Хан Кене» в народе. Их раздражал яркий талант Ильяса. Им казалось, что Есенберлин незаконно вторгается в их заранее и давным-давно составленный, список живых классиков. Мало того, разрушая субординацию, вытесняя кое-кого на более низкий ранг. Они не хотели считать его равным среди равных. Думаю, что вся последующая скандальная возня вокруг Ильяса была лишь следствием изначального их протеста.

Недовольные деятельностью Союза Писателей литераторы осуждали не Ануара, а Ильяса. Шквал критики посыпался не на Алимжанова, а на Есенберлина.

В отличие от Жубана Ильяс сходу включился в работу СП. Действовал активно, многопланово. Кроме своей работы брал на себя часть обязанностей первого секретаря СП. Явно перегружал себя, но и стал командовать. Почему-то Ануар дал ему волю. Честно признаться, Есенберлин на Ануара имел влияние. На собраниях Ильяс не всегда поступал дипломатично, вынося свой вердикт. Все это сильно возмущало сидящих в зале «друзей». Уже без него не решались серьезные вопросы организационного характера. В его руках оказалось руководство издательствами. На всю работу СП Есенберлин теперь имел влияние, сильно властвовал. Соответственно, многие были очень недовольны.

У Илекена (Ильяс-уважительно) был странный характер. Упрямый, бескомпромиссный человек. Он не умел подстраиваться под кого-либо. всю жизнь он был гонимым. Титаническими усилиями издавал свои книги. И тут же подвергался жесткой беспощадной критике. Несмотря на все эти избиения, Ильяс писал одну книгу за другой. Он обладал силой духа и стойко переносил удары судьбы. Был обижен, но сломлен никогда.

До Есенберлина считалось преступлением не то что написание подобной книги, а даже упоминание данной темы. Роман Ильяса «Хан Кене» имел эффект грома среди бела дня, молнии в темном небе. Не успела выйти книга, люди вмиг ее разобрали. Не всем она еще и досталась. Теперь имя Есенберлина стало притчей во языцах у всего народа. Причем, эта известность была не легковесной, не временной. Людям он понравился в действительности и не случайно. Навсегда Есенберлин стал любимым писателем

соотечественников. В истории нашей литературы тех лет и ранее, и позднее не было ни разу такого случая, когда за один год автор становится легендарной личностью.

Затем Есенберлин каждый год стал писать по одному роману. Не успела высохнуть типографская краска «Хан Кене», он приступил к написанию продолжения романа, то есть второй книги знаменитой трилогии «Кочевники» — романа «Заговоренный меч». Вначале не понимали, что Есенберлин крупный писатель. Не хотели понимать! Не то что великий, даже звание обычного рядового писателя считалось многоватым. А главное, не смогли простить за то, что он так лихо стал в народе автором, чьи исторические романы люди читали с любовью и трепетом. У других писателей не хватало смелости освоить столь глобальную эпическую тему казахской литературы — историческую. Причем Ильяс оказался не просто храбрым а удачливым первопроходцем. За это его ненавидели. Данный факт не рассматривали как гражданский подвиг. Напротив, нашли крамолу: недостатки, восхваление прошлого националистом, пропаганда чуждой идеологии от его ущербного сознания, политическая близорукость, идейная незрелость, ограниченность кругозора. Об этом ему говорили прямо в лицо! Так упрекали. Жаль, что это не случилось немного раньше, иначе повесили бы ему ярлык «враг народа» и, не моргнув глазом, уничтожили бы физически. Тем не менее, ругали его везде, всячески ставили подножки, старались унижить. Те, которые жаждали принизить его, обивали пороги ЦК, клеветали на него как могли. Главное обвинение: его исторические романы — чуждые нам вещи, казахской литературе чести не прибавить, опасное произведение с ностальгией по проклятому прошлому. Вывод прост: эти вредные книги издавать нельзя. Требовали запрета.

Илеке был человеком непокладистым. Всем назло он еще больше ожесточился. Теперь приступил к третьей книге трилогии «Кочевники». Первые книги стал переводить на русский язык. Людям, которые на него имели зуб и всем враждебно настроенным к нему, подвернулся от зависти прекрасный повод для действия. Роман «Заговоренный меч» сняли с производства, предварительно остановив набор. В ЦК книге дали отрицательную рецензию за «грубейшие ошибки». Книгу разбирали в ЦК, Госкомиздате, Союзе писателей, в Институте Истории, Академии Наук, Лито. И сгустились тучи над головой бедного Есенберлина. Впервые между Союзом писателей и отделом культуры ЦК тогда возникла недоверительная атмосфера. Мы перестали понимать друг друга, что осложнило нашу работу.

В январе 1971 года роман обсуждался на заседании правления Союза писателей. Зал был переполнен писателями, историками, городской интеллигенцией. Присутствовали представители Госкомиздата, Академии Наук, Министерства культуры, цензуры, вузов, газет и журналов. Только не было

никого из ЦК. И Алимжанов и Есенберлин неоднократно звонили Имашеву, Есеналиеву, Плотникову, приглашая их. Работники ЦК сами желали присутствовать. Меня тоже приглашали. Я собирался идти, но меня остановили и крепко отругали. Не разрешили наши начальники. В общем, не смогли присутствовать на этом интересном да и историческом разбирательстве.

Участники обсуждения роману дали высокую оценку. В основном подчеркивали ценные стороны. Противники романа бойкотировали заседание. Они затем опять стали приходить в ЦК с жалобами, называя обсуждение разыгранным спектаклем сторонников Есенберлина. К величайшему стыду мы прислушались к клевете. Благодаря книгам Ильяса в истории казахской литературы, в процессе развития самой культуры наступала совершенно новая творческая эпоха подъема на качественно иную высоту. Наше предназначение заключалось в том, чтобы мудро руководить, оберегать этот росток, опекать столь важное начинание. В условиях, когда наше историческое прошлое, без того отданное в самозабвение, отдел культуры ЦК должен был бы способствовать спасению собственной истории. Но мы делали все наоборот. Доставляли Есенберлину неприятности, мешали работать, обвиняли в несодеянном. Его самое ценное произведение — трилогию «Кочевники» объявили бездарной пустышкой, снижали ее ценность и содержание. Очень жаль, что мы пытались сдерживать талант писателя. То, что мы прислушались к недоброжелателям Есенберлина и уподобились им — это ясно, как день. Когда наиболее ключевые моменты истории народа стали забываться, мы должны были проявить заботу к данной проблеме и в своей руководящей деятельности показать прозорливость. В этом была вина руководства отдела культуры и секретаря ЦК по идеологии. К Д. Кунаев держался от них особняком, нейтрально. Иначе новое течение — историческая тема заглохло бы еще в зародыше и не было бы и других авторов, их книг новаторского плана. В том числе и «Аз и я» О. Сулейменова.

Отделы агитации, пропаганды, культуры ЦК КП Казахстана 4 месяца держали роман «Заговоренный меч» и сделали все, чтобы книга не выходила. Для членов бюро ЦК писали докладную, указав на идеологические просчеты:

1. Название романа («Заговоренный меч») и, соответственно, его содержание, образно напоминает обоюдоострое лезвие стальной сабли — «Народа-клинка», направленного соседним странам. Восхваление воинственного духа вредно и опасно для нашего гостеприимного и миролюбивого народа.

2. Вынужден думать о том, как-будто книга написана не писателем-коммунистом XX века, а писарем-летописцем ханского двора XV века. В романе детально описывается происхождение и жизнь ханов, султанов,

дворцовые интриги, а думы и чаяния простого народа проигнорированы. Автор безмерно восхваляет ханов Жанибек и Касым, называя их прогрессивными борцами за единение народа.

3. Автор утверждает о том, что казахи, якобы, присутствовали в истории Египта, Ирана, Китая, Руси и унижает эти народы. Показывает превосходство казахов. Противопоставляет им. Вбивает клин между народами.

4. Возвеличивает роль Старшего жуза, остальных принижает. Особенно пренебрегает Младшим жузом, унижая его родо-племенное достоинство.

Все эти замечания для Есенберлина были неприемлемы. Такие правки в принципе недопустимы. Всю идейную концепцию менять невозможно. Для этого надо было заново переписать всю книгу. Писатель не согласился. Он полгода доказывал свою правоту, спорил и, с большим трудом, кое-как издал «Заговоренный меч». Но пересуды продолжались не утихая.

На этом скандал с И. Есенберлиным не закончился. После выхода романа «Заговоренный меч» сразу же был опубликован в газете «Социалистик Казахстан» критический материал некоего З. Сериккалиева по заказу. Статья наделала очень много шума из ничего. Лично я был удивлен тем, что автор действительно хорошо знает исторические факты, но цель публикации - явное очернительство. Сплошное злобное отрицание всего и вся. Статья нашим идеологам сильно понравилась. По указанию секретаря ЦК С. Имашева материал срочно перевели на русский язык под названием «Не искажать историческую правду» и ее раздали членам бюро ЦК. Все идеологические отделы ЦК впредь в своих отчетах, записках, докладах стали активно включать факты этой публикации регулярно.

Этот странный Есенберлин не умел вилять, выкручиваться, улизнуть, отмаливаться, сдерживать себя и оставить свое мнение при себе. Выступая на собраниях стал каждый раз придирается к нашему отделу, критиковал нас. Обвинял во всем тов. Имашева и тов. Алиева. Задевал уже рядовых сотрудников отдела культуры. Перестал приглашать нас на заседания. Мы в СП стали ходить сами. СП стал дистанцироваться от нас. В ответ мы начали искать подвох, проявлять им недоверие.

Случилось очередное ЧП. М. Исиналиев в газете «Социалистик Казахстан» опубликовал большую проблемную статью. В конце материала был обширный список деятелей литературы и культуры Казахстана. Эта порочная практика до сих пор не изжита. Люди творчества далеко не отпетые прагматики, а в большинстве случаев они немножко наивные, немножко чудаковатые. Для них список — бальзам для души. Таков неписанный закон и он неистребим. Тут чрезвычайно важно — кто за кем, в голове списка, или в хвосте. Это их цена, их вес. Список не простой, а ранжированный. Если чье-то имя не прозвучало в докладе Динмухмеда Кунаева, то это вообще трагедия, конец света. Отвержен системой, значит «политический

труп». В этом заключается закон «обоймы», почести «списка». Если кто-то исключен из списка, это равносильно смерти. Видимо поэтому список, составленный еще в 50-е годы, 20-30 лет сохранился практически без изменения, стройными рядами. Список не померкнет, случись даже всемирный потоп. Таков наш менталитет. Исключение из списка — скандал. Аналогичная картина существовала и в партийной номенклатуре. Она оттуда и родом. Как назло в списке Исиналиева не оказалось Ильяса. Поскольку в него попали не только крупные, но писатели средней руки, Есенберлин пришел в ярость. И поднял шум. Видимо, из принципиальных соображений. Или это было для него последней каплей терпения. От кого, от кого, но я от такого человека — битого-перебитого ядовитой стрелой критики, испытывавшего немислимые трудности, испившего горькую чашу нечеловеческого унижения, закаленного, казалось бы, в неравной битве монстрами зла и насилия, от самого Есенберлина вовсе не ожидал. Тов. Имашев испугался, а тов. Исиналиев растерялся. Руководство свой гнев обрушило на нас, и мы провели служебное расследование и выяснили, что Ильяса из списка убрал заместитель главного редактора «Социалистык Казахстан». Прямолинейный и бесхитростный Б.Кыдырбекулы сказал открыто: «А что тут такого, я убрал. И Есенберлин тоже классиком стал?»

По заданию руководства я посетил Есенберлина и все ему объяснил. Еще раз отругав нас, наконец он успокоился. На этом, вроде бы, скандал с Есенберлиным был исчерпан. Но обида все же осталась.

18 апреля 1972 года прошло расширенное заседание секретариата СП с целью обсуждения работы журнала «Жұлдыз», его главного редактора Тахави Ахтанова. Заседание вел О. Сулейменов. А. Алимжанов и И. Есенберлин, игнорируя позицию ЦК, настояли на увольнении главного редактора путем голосования в СП. С. Имашев и М. Исиналиев обратились к Д. Кунаеву и по его указанию в работу литераторов подключился уже второй секретарь ЦК Валентин Карпович Месяц для перевоспитания А. Алимжанова и для наведения порядка в СП. В целом для серьезного разбирательства.

Поэтому уже через день, то есть 20 апреля, в кабинет В. К. Месяца на заседание были приглашены С. Имашев, А. Плотников, М. Исиналиев, А. Устинов, Т. Тлегенов. Из СП пригласили А. Алимжанова. Одним словом, люди Т. Ахтанова в ЦК добились своего, и В. Месяц главного редактора «Жұлдыз» оставил на должности. После этого группировки не успокоились. Они опять стали ходить в ЦК с жалобами на Ануара и Ильяса. Все они просят к Д. Кунаеву на прием. Члены президиума СП разделились на две группировки. Первая — А. Алимжанов, И. Есенберлин, О. Сулейменов. Вторая — А. Нурпеисов, Т. Ахтанов, Укалтай Мухамеджанов, Х. Есенжанов и др. Создалась нетерпимая обстановка в СП. ЦК был вынужден

реагировать на ситуацию в СП и 26 мая 1972 года организовал у себя большой актив. Заседание открыл В. Месяц. Затем выступили А. Алимжанов и Абдижамал Нурпеисов, упрекая друг, друга говорили и об общих вопросах казахской литературы.

Третьим выступил патриарх казахской литературы С. Муканов, и после него все говорили о проблемах истории. Естественно, в яблоко раздора опять превратились исторические книги И. Есенберлина. Получилось так, как будто ЦК обсуждает не деятельность всей республиканской литературы, а рассматривает персональное дело Ильяса. Так получилось. Творчество Есенберлина на этот период оказалось наиболее весомым, если его противники тоже думали только или хотя бы преимущественно об этом. Чем больше возражали, тем и актуальнее стала история.

Вот что сказал аксакал № 1, академик Сабит Муканов:

— Есенберлин так лихо издает свои книги, я даже не успеваю их прочесть. Я читаю все книги, подаренные мне с автографами авторов. Есенберлин никогда не дарил свои книги. «Хан Кене» прочитал на русском языке. Перекликается с трудами М. Ауэзова. Кенесары Касымов — человек, разоблаченный в Союзном масштабе. Постановление ЦК КПСС о нем по сей день не утратило свою силу. Я удивляюсь, почему, после всего этого, каким образом роман увидел свет. В истории не было двух Кенесары. Всего один. В таком случае почему ЦК КП Казахстана разрешает издание этой книги? Прodelкам Кенесары у нас должен быть единый взгляд и ясное отношение. Его деяния, поступки были чуждыми для России, против нее. А сегодня при поддержке нашего республиканского ЦК выходит книга о таком человеке. Народ с упоением читает эту книгу. Немалые граждане, особенно студенты, уже поднимают националистические лозунги. Почему мы спокойно сидим и позволяем возвеличивать этих ханов? Есть ли сколь-нибудь объективной необходимости оживить именно этого мертвеца, который в свое время раскалывал, рассорил народы и которого осудила сама история. Эта книга усиливает националистические чувства у молодежи. У писателя, в целом, неверный взгляд на историю. А это уже не к добру, окажет вредное воздействие. Вы горный инженер. Вы лучше писали бы не на историческую, а на знакомую вам производственную тему. Для чего вам так необходимы ханы? Я недоволен работой секретариата Союза писателей. Недавно обсуждали книгу И. Есенберлина без меня. Мое мнение — необходимо обновить руководство Союза писателей.

Затем, осудив раскольничество, обсуждал общие вопросы СП Герой Социалистического труда Габит Мусрепов и тоже отдельно остановился на Есенберлине.

— О книге Ильяса Есенберлина существуют разные мнения, возникли споры. Это прекрасный повод для разговоров о проблемах современной

литературы в целом. Можно было бы, исходя из этой позиции определиться нам в том, что от чего пора избавиться и оценить положение дел. Вместо подобного конструктива люди ждут скандалов, сенсаций и потому взбудоражены. Я это назвал бы «политическим мещанством. Союз писателей обсудил роман И. Есенберлина без моего согласия. Они собирали своих людей. Это — дикарство. Было всего 40—50 человек. Я сильно обиделся. Разве так можно? Организатором того обсуждения является сам Есенберлин. В книге недостатки есть. Только большой мастер из сырого исторического факта сможет создать литературный шедевр. Мне кажется, что именно этого в книге И.Есенберлина и не хватает.

Хамза Есенжанов.— Вторым секретарем Союза писателей должен быть авторитетный, известный писатель. Есенберлин далеко не такой. Союзом писателей они руководят нынче не качественно, неверно. Есенберлин сам себя тайком выдвигает на премии. Его последний роман «Хан Кене» не заслуживает похвалы. Я присоединяюсь к мнению Мусрепова. Нужна специальная комиссия по данному вопросу.

Валентин Месяц.— Правильно! Я поддерживаю ваше мнение!

Х.Есенжанов.— Сегодня в Союзе писателей нагнетаются страсти вокруг жузов. Особенно болезнь обострилась после выхода исторических романов Есенберлина. Мы же раньше понятия не имели, что такое жуз... Сейчас ситуация сильно обостряется.

Ади Шарипов.— Я в Москве встречаюсь с писателями из других братских республик. У многих на груди вижу Золотую Звезду Героя Соц. Труда. Чем мы хуже их? Сами виноваты. Тов. Имашев виноват. Почему мы завистливые? Не замечать, отчуждать, не ценить историческую тему в литературе — это не дальновидно. В критической статье Сериккалиева о романе И. Есенберлина есть излишние, неуместные вещи. Совершенно негоже вешать на писателя различного рода ярлыки, искать всяких «измов». Говорим о недостатках, но чтобы сказать о хорошем, о достижениях у нас язык не поворачивается. В свое время, когда я руководил СП, вы тоже писали на меня жалобы, преследовали. Бросьте вы это грязное дело. К чему все это? Уже пора.

Тахауи Ахтанов.— Я не понимаю, когда мы заводим разговор о исторических романах, почему мы начинаем дискуссию именно с Есенберлина, а не с М. Ауэзова? Это неверно. Разве не М.Ауэзов основоположник жанра? Мы не должны без повода возбуждать националистические чувства. Нет нужды поднимать вокруг истории всю эту дешевую шумиху.

Ильяс Есенберлин.— Про мою книгу здесь было много разговоров. Выказываете и неуместную критику, и обвинения. Ведь в президиуме СП книгу-то обсуждали? Где тогда были? С моей книги хотите сделать огородное пугало. Никакого секретного списка не было. Приглашали всех. Вы сами

не пришли. В чем моя вина? Если вы сейчас выставили бы на продажу книгу Ахтанова рядом с моей книгой, тогда вы воочию убедились бы, чья книга чего стоит. Элементарно, спрос покупателей сам определяет истинную цену книги. Никому не секрет, что Г. Мусрепов собирался вернуться в руководство Союза писателей, поэтому мотивы его обид и недовольства вполне понятны. Откуда истоки наших склок? Чего скрывать, есть у нас известная группировка. Она привыкла всем диктовать свою волю. На должность второго секретаря СП я сам не просился. Меня пригласил Ануар. Предложил вместе работать и я дал свое согласие. А настоящие причины споров общеизвестны. Все, кто участвует во всех этих передразыгах хотят руководить Союзом писателей, чего скрывать-то.

Академик Мухамеджан Каратаев.— Весь сыр-бор у нас из-за дележки титулов, званий и портфелей. Хотим фиктивного звания, ложную славу и псевдовеличия и воюем.

Асанбай Аскарров.— Сегодня об отдельных литературных произведениях, за единственным исключением — книги Есенберлина, речи не было. Вы затронули только историческую тему. Но к данной проблеме мы должны относиться спокойно. В целом, не следует возражать описанию истории. Другое дело как. Тут вы все навалились гурьбою на Есенберлина и усердствуете в критике. Вы неправильно поступаете. Я тоже прочитал книгу. Возможно, есть отдельные недостатки. Но, в основном, не могу сказать, что книга неудачная и вредная. Я не увидел больших ошибок в романе Ильяса. Не поддерживаю мнение о том, что в книге еще имеется националистический мотив. Это явно ошибочное мнение. При таком подходе какое мы можем дать воспитание и пример подрастающему поколению? Подобные мнения нужно высказывать не сгоряча, а взвешенно и осторожно.

На заседании выступили А. Жамишев, А. Жумабаев, С. Имашев, О. Сулейменов, Г. Мустафин, Дмитрий Снегин и другие, но они ограничились лишь заученными фразами и общими словами. Видимо, сильно разрядило обстановку выступление А. Аскаррова, и В. Месяц, после краткого заключительного слова, закончил совещание мирно.

Яркое впечатление, полученное от этого совещания, я запомнил надолго. Все крупные писатели, во главе со старейшиной С. Мукановым, набросились на И. Есенберлина, как коршуны. Ругали его романы, искали политические изъяны, признаки национализма. В этом же зале А. Аскарров, воспитанный в духе чистого партийного функционера, человек, очень далекий от творческой кухни, не признающий ничего, кроме коммунистических требований и партийной оценки, в единственном числе заступился за И. Есенберлина. Я был по-человечески потрясен. И очень удивлен. Как не восхищаться, когда мы — работники идеологического отдела ЦК,

секретарь по идеологии ЦК, и все остальные, будучи в тесном контакте с литераторами, считали исторические романы Есенберлина чудовищными по сути, убогими концептуально и искали угар национализма, Аскарков встал на защиту чести и достоинства книги и автора. На этом собрании он оказался выше всех. Многие известные писатели, пользуясь тем, что тогда историческая тема была самой рискованной и уязвимой, с целью обуздания творческого порыва Есенберлина, публично охаивали его книги. Они не могли простить ему то, что его романы стали широко распространяться не только в Казахстане, но и за его пределами. Понимали, что главный судья народ, а он на стороне Ильяса. И пожертвовали этой же самой историей, пригвоздя ее к позорному столбу. Чтобы унижить Есенберлина, они раздавали политическое клеймо, ложную оценку нашей прошлой жизни, ответственным и ключевым моментам собственной истории. Чтобы остановить Есенберлина, они отреклись от себя и посягали на святое понятие — Родина. За что нас уважать после этого?

То, что это губительно для истории и народа осознал и признал открыто лишь один А. Аскарков. Откуда знать ведущему собрание В. Месяцу — москвичу, русскому человеку — нашу средневековую историю, которую мы сами представляли смутно. Вначале он поверил выступающим, но в конце собрания опомнился. Он был вторым руководителем республики, если В. Месяц поверил бы злопыхателям, тогда историческая тема в казахской литературе была бы отброшена на долгие десятилетия. Горячие головы об этом не думали, только Аскарков хорошо представлял последствия запрета исторических книг, чего требовал С. Муканов и другие. **Не обязательно поддержка Аскаркова заговорщиков, было бы достаточно, если он промолчал бы.** Тогда В. Месяц оказался бы на стороне «демократического» большинства. Если бы не Аскарков, то маятник зла качнулся бы в другую сторону. Все это вылилось бы во мнение бюро ЦК КП Казахстана. И переросло бы в официальную установку ЦК КПК. Разве таких случаев мракобесия было мало в нашей жизни. И история, и литература страдала же ведь от таких оценок. Большинство из нас не хотели этого понимать. Даже не было намерения понимать все это. Главная сверхзадача — любой ценой очернить Есенберлина. Жаждали растоптать его через его детище — исторические романы, которые ругали, ставили ни во что.

В 1973 году роман «Хан Кене» И. Есенберлина был выдвинут на Государственную премию СССР. Опять скандал. Моментально в Москву пошли анонимки, подпольные письма. Туда отправляли сведения, статьи, мнения в качестве вещественного доказательства о вредности книги, пропагандирующей национализм. Честно говоря, наш ЦК, идеологический отдел не хотел, чтобы Ильяс получал эту премию. Поэтому от нас не было ходатайства, просьбы отделу культуры ЦК КПСС и первому секретарю СП

СССР Г. Маркову. Без поддержки республики Москва такие вопросы положительно никогда не решала. И до этого тоже книга И. Есенберлина «Опасная переправа» была выдвинута на Госпремию СССР и тоже потерпела фиаско. Но одержимого Есенберлина такие провалы не выбивали из седла. Он в прежнем интенсивном темпе продолжал писать свои новые книги.

Любая книга Есенберлина появлялась на свет через немыслимые тернии. Все его произведения были на прицеле зорких глаз строгих контролеров и старательных вахтеров от творчества. Он тоже привык к неустанной методичной «опеке». Стал иногда считаться с замечаниями. Некоторые главы книг даже переиначивал. Нам было не в тягость придирааться к нему, он тоже не уставал править свой материал от безысходности. Например, роман «Лодка без весел» («Лодка, переплывшая океан») по нашему принуждению он переписал четыре раза. Такие «дельные советы» он слушал только до, а после выхода книги ревностно защищал каждую строчку.

В то время на больших и малых собраниях имя Есенберлина было у всех на устах. Поэтому мы стали к нему относиться подозрительно. Что делать, какой бы писатель ни приходил в наш отдел — никто его не хвалил, все, до единого, поливали его грязью.

Сегодня я испытываю угрызения совести за то, что тогда я за роман «Заговоренный меч» вызвал И. Есенберлина к себе в отдел культуры ЦК и, указав на недостатки книги, сделал строгое предупреждение. Ильяс был способным полемистом от природы, всегда был готов к спору. Упрямо отстаивал свою позицию, не отказывался от своего мнения. В отличие от оппонентов он не был демагогом, наоборот конкретным, точным, принципиальным и убежденным человеком. И в этот раз тоже поступил по старой привычке. Каждому замечанию, критике, мгновенно давал отпор. Не соглашался с нашей оценкой. Категорически отрицал все. Когда я сказал о том, что роман — это тоска по прошлому, ностальгия по устаревшему, пропаганда архаичной старины, он очень сильно рассердился и в гневе и ярости перешел в контратаку, допустил излишества на грани перебранки. Мы пытались изменить его взгляды на историю, стиль письма, творческие планы. И все это оказалось зря. Если сказать еще точнее — незаконно. Разве не беспредел, когда приглашаем крупного мыслителя и указываем: «Ты так не пиши, а пиши так». Даем советы, учим. Разве в этом заключалась наша просвещенность? Какое на то имели право? К несчастью, мы полагали, что нам дано такое право. И действительно, у нас были такие права. По должности в ЦК.

Все три книги трилогии «Кочевники» выходили и на казахском, и на русском языках кое-как, с большим трудом. К выходу книги автор от психоэмоциональных перегрузок ходил изможденным. Доказывал во всех инстанциях свою правоту. В том, что третья книга трилогии «Кочевники»

называется «Отчаяние» есть свой подтекст и большой смысл для автора. Потом он нам раскрыл тайну и сказал о том, что он специально дал этой книге название «Отчаяние», т. к. за каждую книгу трилогии бился как рыба об лед, каждую книгу защищал и боролся за них в состоянии отчаяния.

Поскольку для издания книг уходит больше времени, более или менее известные писатели сначала свои книги публиковали в журналах. Это обычная практика. К сожалению, все три книги трилогии «Кочевники» на казахском языке не печатались в периодике. Причины были, но все они не стоят оправдания. Пустячные.

Что не говори, русские великодушные. Они справедливые и решительные. Нельзя же умалчивать об этом. Пока казахские писатели убеждали друг друга и руководителей Казахстана с просьбой запретить издание книг Ильяс, журнал «Простор» показал пример доблести. Я это считаю не только смелостью редактора Ивана Шухова, но и его художественным вкусом, прозорливостью, чутьем к читательскому требованию. Писатели тряслись, что Есенберлин их опередит и они ему создали адскую жизнь. Ненавидящий мелочность в литературе, Шухов предугадал большое будущее этих романов. Он почувствовал, что читатели, со временем, с интересом будут читать Есенберлина, и все три книги трилогии «Кочевники» опубликовал у себя. Его надежды оправдались. Я видел своими глазами, когда люди журнал сдавали в переплетный цех и делали сами книгу и этот «самиздат» кочевал из рук в руки. В 1970 году в журнале «Простор» печатали «Хан Кене», 1971 году — «Заговоренный меч», 1973 году — «Отчаяние». «Простор» опубликовал их впервые. И русские, и казахи нарасхват разобрали журнал «Простор». Еще ходили люди в поисках этого журнала.

По заданию сверху мы искали недостатки в романе «Отчаяние». Есенберлин был вынужден переделать роман. Нам показалось, что этого не совсем достаточно и продолжали «копать». Задержали выход книги. У нас был сильный козырь — это его трактовку присоединения Казахстана к России мы отвергли напрочь. Это был смертельный удар ниже пояса. Вторая мощная наша зацепка — Есенберлин идеализирует Абылай Хана, а мы наоборот не признаем какого-то хана, чингизидового отпрыска, классового противника. В общем, недруги Есенберлина от души отыгрались на идеологическом аспекте.

В полемике Ильяс и сам уставал до потери пульса, и нас доводил до «кондиции». Еще одна его невезучая книга «Лодка без весел». Роман написан чудесно. Вся его вина в том, что книга построена из реальных событий 50—60-х годов. Хотя использованы надуманные имена, но герои все до единого узнаваемы, определишь их безошибочно. Руководители республики, министры, высокопоставленные лица тех лет. Их жизнь и дела видны, как на ладони. Есть прообразы Леонида Брежнева, Димаша Кунаева и остальных

крупных политиков. Естественно, большинство из них являются отрицательными героями. Высший эшелон власти показан великолепно. Большая часть представителей Властного Олимпа показаны беспринципными карьеристами, полностью лишенных человечности ради высокого служебного положения, падкими на подлые интриги, мастерами подковерной борьбы. Кому понравится писатель, который показывает этот гнойник на теле власти. В этой книге уделено внимание и тов. Имашеву, и руководителям идеологических отделов. Ясно, что автор их не хвалит, напротив, раскрывает сущность, характеры, недостойные дела и помыслы героев. Спекулируя тем, что главным героем является Д.Кунаев, С.Имашев строго запретил издать книгу. Есенберлин так при жизни и не смог выпустить эту книгу. Книгу протеста. Борьбы одинокого рыцаря свободомыслия против черствой, тупой системы тотального контроля и подавления Личности. Что такое Власть той поры он знал не по наслышке, т.к. сам работал в молодости в ЦК, затем по роду своей деятельности был в постоянном контакте с ней. Он хотел лишь одного — чуть пристыдить властителей в надежде хоть на маленькую перемену. Если не для себя, то для других. Себе подобных. Для его последователей. Но ничего из этого не вышло, он эту схватку проиграл.

Неугомонный Есенберлин во второй половине 70-х годов закончил трилогию «Золотая орда». И это произведение было тепло принято читательской аудиторией и получило ее высокую оценку. Трилогию перевели на иностранные языки.

После выхода «Золотой орды» в журнале многие писатели ходили в ЦК с жалобой. Они спрашивали: куда вы смотрите, когда «Жұлдыз» печатает вредную книгу Есенберлина, которая возвеличивает Золотую Орду? Как вы позволили опубликовать книгу о монгольских завоевателях, потомках Чингиз Хана, поработивших Россию, русский народ? Если не сделаете соответствующие выводы и не примете меры, тогда мы поедем в ЦК КПСС в Москву. За оскорбление русского народа вы все будете в ответе — сказали писатели в отделе культуры ЦК.

М. Исиналиев вызвал меня. Объяснил, что к чему. Похоже, что он сам от многолетних скандалов вокруг Есенберлина изрядно переутомлен. Явно присутствовал страх: чем все это кончится? Без настроения, злой он сказал: «Если завтра ЦК КПСС спросит, что скажем, как оправдаемся?»

Я опроверг все аргументы преследователей писателя. Убеждал его в том, что «Золотая Орда» — самое крупное достижение Ильяса и знаменательный успех в нашей литературе. Исиналиев мое мнение выслушал молча. Сильно задумался. Злоба прошла и он стал успокаиваться.

— Все эти слова, которые ты мне сейчас говорил, перенеси на бумагу. Напиши. Если ЦК КПСС заинтересуется, тогда у нас будет готовое оправдание, — сказал он.

Я обо всем рассказал И. Есенберлину. Он тут же поехал в Академию Наук. Через неделю от известных историков — докторов наук В.Басина и А. Сабирханова получил основательную положительную рецензию. Они книге дали высокую оценку. Собрав все свои бумаги, ждали очередного удара. Но ЦК КПСС молчал.

В общем, слишком долго преследовали Есенберлина. В ЦК специально занимались подсчетом количества его книг. Определили тиражи, суммировали гонорар. И возмущались. Составили отдельную сводную таблицу с 1966 по 1975 годы. За 10 лет получился многомиллионный тираж. Увидев гигантские цифры, мы не знали: хвалить, или ругать? Это зависело от того, кто под каким углом зрения смотрит на эту нестандартную картину. Мы оказались на перепутье: можно похвалить за титанический созидательный труд, за значительный вклад в нашу культуру. Можно ругать за дутые фантастические тиражи и немалый гонорар, ради чего, якобы, автор затеял бурную деятельность.

Мы выбрали вторую оценку. Десятилетнему тяжкому труду И. Есенберлина дали такую субъективную оценку. Корысть. Этот, поистине крупномасштабный писатель мог бы стать гордостью любого народа, а мы со-обща внесли свой вклад в подрыв его здоровья и, в конечном итоге, к сокращению его жизни. Мы его на самом деле добились. И он, перенося инфаркт на ногах, умер от разрыва сердца, защищая свою «Золотую Орду» в Москве.

В этой книге я больше всех уделял внимание этой личности только по тому, что в XX веке в казахской литературе не было более насыщенной событиями, полной драматизма и фарса, человеческой судьбы, чем у него. Неужто верна формула: чем ярче талант, тем сильнее личное несчастье. Применительно к И. Есенберлину налицо роковое совпадение.

СВЯТОЙ ХАН КЕНЕ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ильяс Есенберлин...

Это имя стоит в одном ряду с гигантами творческой мысли в казахской литературе и культуре. На вид не очень заметный, скромный. Всегда вежливый в общении, Ильяс-ага был выдающимся сыном казахского народа, очевидцем тяжелейших испытаний и трагических переломов двадцатого столетия, донесшим правду о них до наших дней.

В чем же заключается исключительная притягательная сила творчества Ильяс-ага? В настоящее время с уверенностью могу сказать: в течение последнего столетия казахская литература неизмеримо выросла и возмужала и стала полноправным членом мирового литературного сообщества. Она, вне сомнения, находится в передовых рядах литературы народов всего Востока. В этом есть неоценимый творческий вклад Ильяса Есенберлина. Его проза и поэзия разносторонне развивалась и вошла в библиотеку шедевров мировой литературы. Так что, если рассматривать с этой точки зрения его творчество, то одним из ярких его представителей, бесспорно, был и остается Илекен.

Великий писатель в своих эпических произведениях всесторонне отобразил всю палитру жизненных красок кочевой цивилизации. До недавнего прошлого многие европейские ученые и писатели считали цивилизацию кочевников чуть ли не цивилизацией дикарей и варваров. Ознакомившись же с произведениями казахских писателей, в первую голову Ильяса-ага, многие из них пересмотрели свои взгляды, как бы воочию увидев крепкую органичную взаимосвязь оседлой и кочевой цивилизаций. Писатель сорвал ярлыки историков застойных лет, глубоко осмыслив пройденный кочевниками путь и, осмыслив его по-новому, внес свой важный творческий вклад в жанр исторического романа, где до него безраздельно правил Ян и группа ему подобных писателей, над которыми Ильяс-ага поднялся на недостижимую высоту мастерства. После Илекена истории и деяниям кочевников посвятил свои произведения И. Калашников, но и он не смог приблизиться к уровню Есенберлина по эпической масштабности, художественному мастерству и глубине проникновения в суть исторических процессов. А писатели наподобие В. Чивилихина, руководствовавшиеся "принципами" великодержавного шовинизма, сегодня попали в необитаемый остров творческой несостоятельности.

После огромного успеха романа-эпопеи "Путь Абая" великого писателя М. Ауэзова мировая читательская аудитория, ознакомившись с эпическими произведениями Илекена, смогла увидеть важную роль кочевой

цивилизации в мировом историческом процессе, осознать, что идти вперед нужно Западу и Востоку сообща, вместе, глубоко исследуя и осознавая свою историю в неразрывном единстве. В свое время английский поэт Киплинг сказал: “Запад есть Запад, Восток есть Восток. Не встретиться им никогда”. Жизнь доказала ошибочность этого утверждения.

Я глубоко преклоняюсь перед гражданским мужеством великого писателя. Известный ученый-историк Е. Бекмаханов, занимавшийся исследованием национально-освободительной борьбы под предводительством хана Кене против царского самодержавия, что являлось тогда закрытой темой для историков, в начале 50-х годов был приговорен к 25 годам лишения свободы. Какое мужество и сердце надо иметь, чтобы не побояться вновь взяться за такую тему. За 400 лет нахождения в составе Российской империи, против ее политики вспыхивало около 300 национально-освободительных движений, то есть, по существу шла непрерывная война поработенного народа против империи, против ее колониальной политики. Особое место среди них занимает восстание под руководством хана Кене. Еще не так давно, в советский период, великодержавная политика России в исторической науке всячески замалчивалась, были свои руководители-цензоры в Москве и на местах, и в такое время Ильяс-ага взял на себя историческую ответственность, выступив против лживого, официозного освещения истории казахов. В этом смысле в среде творческой интеллигенции он проявил себя как настоящий хан Кене. Именно благодаря гражданскому мужеству писателю, спустя четверть века после его ухода из жизни мы воспитываем на его бессмертном творческом наследии молодое поколение. Илекен – писатель-патриот, глубоко любивший свой народ, борец. Он был воистину ханом Кене казахской литературы. В этом у меня нет никакого сомнения. Современная казахская литература имеет достойных продолжателей дела Ильяс-ага в лице талантливых мастеров исторических романов А. Кекильбаева, М. Магауина, С. Сматаева и др.

Илекен – писатель-художник, исследователь, ученый. Он много искал, трудился не щадя сил. Из жизни он ушел рано, по существу сгорел в труде, но оставил свое имя в сердцах людей, в книгах, обреченных на бессмертие. Выдающиеся творческие достижения, беззаветное служение истине и скромная, прожитая без суеты и тщеславия жизнь обеспечили ему достойное место в плеяде святых имен казахской интеллигенции.

Ильяс-ага, Ваш священный дух дает жизненные силы и опору нашему народу. Казахская земля никогда не забудет Ильяса Есенберлина. Аминь!

МОЙ ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Мой Главный человек – это мой старший брат, известный казахский писатель, автор исторических трилогий “Кочевники”; “Золотая Орда”, еще 10 романов, а также многих поэм, повестей, рассказов, стихотворений и пьес, переведенных на многие языки народов бывшего СССР и ряда зарубежных стран, Ильяс Есенберлин. Он был моим воспитателем, советчиком и опорой с тех пор, как я себя помню. Мой старший брат был старше меня только на один год.

Мы рано осиротели. После смерти матери в 1924г., на попечении отчима нас осталось четверо: старшая сестра Назым, Ильяс, я и двоюродный брат Ахметкали, осиротевший сын старшего брата отца, наш сверстник. Мы росли с ним, как родные. На окраине города Атбасара (Акмолинская область), где мы родились, до сих пор сохранился дом, построенный нашим отцом Есенберли вместе со своим братом Жуппаем. В детстве нам не раз приходилось слышать, что братья – близнецы Есенберли и Жуппай были плотниками и построили в Атбасаре не один дом.

Запомнилось последнее лето нашей жизни в нашем доме. Жили мы бедно, впроголодь. Утром после скудного завтрака, обычно устраивались на западной стороне дома в тени, и Ильяс нам рассказывал сказки. Сказки были очень интересные и бесконечные. Я всегда удивлялся, что он знает так много сказок. Потом я понял, что он их сам придумывает. Солнце поднималось все выше и выше, а воздух накалялся и бескрайняя степь, начинающаяся от нашего дома, на наших глазах превращалась в настоящее море с плескающимися волнами. Это марево, мираж в степи в знойное лето.

Теперь, прожив немало лет, повидав почти все моря нашей страны, я могу сказать, что тогда мы видели “не самое синее в мире Черное море”, а серое Балтийское при слабом ветре. Картину, которую мы наблюдали в детстве на окраине Атбасара, больше я нигде не встретил.

Летом недалеко от Атбасара открывалась ярмарка, красочно описанная Сабитом Мукановым. Эта ярмарка в то лето запомнилась мне тем, что однажды на детском куресе (борьбе) Ильяс победил всех мальчишек и получил денежную премию. По такому случаю Назым устроила пиршество и потратила на это все заработанные деньги, в которых мы в то время очень нуждались. Сестра пригласила своих подруг и детей, с которыми дружили. Набралось человек 15. Ели бешбармак, пили чай с бауырсаком и с сахаром, играли, шутили, много пели. Всем было весело, особенно мне. Я беспредельно гордился своим кишкена-ага (маленьким старшим братом), который одержал такую крупную победу.

...В раннем детстве во время какой-то игры я назвал Ильяса Кишкена-ага. Мы вообще были небольшого роста, и по росту друг от друга мало отличались. В жизни у нас было много огорчений, среди которых наш слишком малый рост занимал не последнее место. Не только в 7—8 лет, но и в подростках мы были намного ниже ростом своих сверстников. Обычно в конце лета, после школьных каникул мы с огорчением видели, как все наши товарищи значительно подросли, а мы оставались все такими же, как перед расставанием.

...Так вот мой кишкена-ага, которого другие называли малышом, вдруг вышел победителем. Малыш малышом, но он знал все особенности казахского куреса.

На склоне лет я как-то напомнил Ильясу о том радостном дне из далекого детства. Ильяс сказал:

— В жизни было немало торжеств всякого ранга, но подарок, сделанный нашей незабвенной старшей сестрой, остается одним из самых дорогих и светлых.

В конце лета сестра вышла замуж, отчим женился на знакомой вдове с взрослыми дочерью и пасынком от первого брака. Осенью я перешел жить в дом дяди Жумабека, находившийся недалеко от нашего дома.

Дядя Жумабек имел свою мясную лавку. Жил не богато, но семья его не голодала. В доме дяди останавливались казахи, приезжавшие из аула по делам кооператива, в наробраз, за покупками и по другим делам. К вечеру у дяди почти всегда собирались 10-15 человек приезжих и жатаков (так называли постоянных жителей-казахов в Атбасаре) и тогда начиналось настоящее веселье: пели, рассказывали интересные истории, сказки, играли в шашки, иногда в карты, но не на интерес. Проигравший наказывался щелчком в лоб. Не было случая, чтобы пили арак или курили. Но многие употребляли насыбай.

В сорока километрах от Атбасара у озера Балуанколь жили киргизы, невесть как попавшие туда и давно превратившиеся в казахов, но называвшие себя киргизами. Среди них был акын Какбай, который прекрасно пел, играл на домбре, знал много жырау и поэм. Ильяс особенно любил слушать Какбая. Когда тот приезжал, а он бывал в Атбасаре часто, я сообщал Ильясу. Ильяс всегда приходил к нам и, устроившись где-нибудь в углу, внимательно слушал Какбая. От него и других акынов и рассказчиков Ильяс впервые услышал об Асанкайте, Бухар-жырау, Едиге, Кобланды, Аблае, Кенесары и многих других персонажах “Кочевников” и “Золотой орды”. Здесь же впервые Ильяс узнал об “Актабан шубринды, Алкаколь сулама” (“Время, когда весь народ со стершими от бегства подошвами лежит обессиленный вокруг озера скорби”) и великую и неутешную в своей человеческой горести песню “Елімай” (“О, мой многострадальный народ”). Эти

безвестные акыны возбудили неукротимый интерес Ильяса к фольклору, к истории своего народа.

На вечерах пели и песни, которые были популярны в те годы в Атбасаре. Некоторые из них мне больше никогда не удалось услышать. Среди них, например, грустная песня “Жамиля”, правда, не детская, но очень мелодичная:

Жамиля неге жүдеусің?
Бетінде тамшы қан жоқ қой.
Жаралы ма еді жүрегің?
Түбінде терең зар көп қой.
Шапаныңды жамылып
Айға бір неге қарайсың?
Күрсініп, аурып, күңіреніп,
Жұлдызды неге санайсың?...¹

Эту песню я не нашел и в книге Александра Затаевича “1000 песен киргизского (казахского) народа”, изданной в 1925 г. в Оренбурге.

Так пролетел год. Летом Ильяс был принят в только что открывшийся в Атбасаре детский дом, или как тогда называли приют, а Ахметкали продолжал жить с новыми родственниками.

Детский дом находился в другом конце города, и мы с Ильясом встречались редко. Очень скучали друг без друга. Иногда Ильяса отпускали с ночевкой. Какое это было счастье провести ночь вместе, крепко прижавшись друг к другу!

Осенью меня отдали в школу. Школа тех лет не была похожа на современную. В 1-ом классе, куда я поступил, наряду с моими сверстниками учились и взрослые люди, иногда муж с женой вместе. Многие из них, проучившись год — другой, сносно научившись грамоте, бросали учебу и устраивались на работу. В последствии из них вышло немало крупных работников просвещения. Помню одного молодого человека, который, окончив 1-ый класс, стал учителем первого класса, потом, когда его класс перешел во 2-ой, он стал учителем второго класса. Затем преподавал в 3-ем и 4-ом классах и считался опытным учителем.

... Итак, осенью дядя отвел меня в школу. Больше он никогда не интересовался, как я учился, и что я в школе делал. Но за то, что он впервые мне показал дорогу в школу я благодарен ему всю жизнь. А вот ни отчим, ни его вторая жена не позаботились отдать в школу Ахметкали, и он так и остался неграмотным.

У меня был один критический момент, когда и я мог бросить учебу и возможно остался бы неграмотным, как Ахметкали.

¹ Почему, Жамиля, ты так бледна? Нет капли крови на твоих щеках. Сердце что-ли ранено? Глубока твоя печаль. Почему, укрывшись халатом, смотришь на луну? Почему, глубоко вздыхая, считаешь звезды?...

Случилось вот что. Однажды по какой-то причине я не был в школе. На другой день мне было страшно идти в школу и я опять пропустил занятие. На третий день стало еще страшнее показаться в школе, коли я прогулял два дня. На следующий день стало еще страшнее, дальше у меня не хватило силы одолеть страх и решил больше не ходить в школу. День проводил на берегу речки Джабайки: рыбачил, что-то мастерил, сам с собой играл в асыки (альчики, как у нас говорили), потом возвращался домой. Так прошла неделя. Как-то утром, когда я с тоской сидел и думал о случившемся, вдруг появился Ильяс. Появился таким сердитым, каким я никогда его не видел. Ни слова не говоря, он дал мне пощечину и повел в школу. Сначала я пытался сопротивляться, потом сдался. В классе шел урок. Ильяс открыл дверь, и голосом, не терпящим возражения, приказал войти в класс и сесть на свое место за партой, которое почему-то пустовало. Я так и сделал и был удивлен тем, что никто даже не обратил внимания на меня. Никто, ни учитель, ни ученики не спросили меня, почему я не был в школе целую неделю. Случай на берегу Джабайки был первый и последний проявлением Ильясом права старшинства. Больше никогда в жизни он ни одного грубого слова мне не говорил. Когда я был не прав, Ильяс доказывал или разъяснял, как надо делать то или иное дело. Мы никогда в жизни не пререкались. Поэтому мне всегда неприятно видеть ссорящихся или даже дерущихся братьев и сестер. Поэтому одной из любимых моих книг является «Семья Ульяновых» Марриэтты Шагинян.

Незаметно пролетело два года. Что-то случилось в детском доме, и Ильяс ушел оттуда. Ни отчим, ни мачеха не были от этого в восторге, но и не прогнали его.

Жизнь Ильяса в собственном доме не была раем. Правда, в то время у нас никакой мысли не было о принадлежности этого дома нам. Просто больше Ильясу некуда было деваться и он вернулся туда, откуда уходил в приют.

Летом в Атбасар приехали студенты Петропавловского педагогического техникума. Вместе с ними вернулась наша названная сестра Базарайм, учившаяся в Петропавловске. Красивая, добрая, энергичная она была нашей гордостью. Потом она работала в Алма-Ате на ответственных должностях, но наши отношения с ней не сложились, о чем мы с Ильясом не раз сожалели.

Приезд студентов был крупным культурным событием. Студенты ставили спектакли в народном доме Атбасара. В репертуаре у студентов были пьесы «Красные соколы» С. Сейфуллина, «Еңлик — Кебек» М. Ауэзова, «Аркалык Батыр» в десяти действиях. Показывали также состязания Биржана и Сары. Роль Сары исполняла Базарайм. Пели на мотив народной песни «Гакку» (конечно не в обработке Е. Брусилковского).

Спектакли петропавловских студентов имели большой успех.

Однажды, после трехдневной разлуки мы с Ильясом встретились на улице. Он с каким-то поручением шел в здание суда. Мне Ильяс сказал, что со вчерашнего дня ничего не ел. Я был в отчаянии оттого, что ничем не мог помочь дорогому мне человеку. Когда мы подошли к зданию суда, увидели каких-то женщин, штукатуривших дома, а подалее от них, почти в середине улицы, лежал довольно большой зеленый арбуз. Я побежал к нему и понял, что это не арбуз, а резиновый мяч. Мы оба обрадовались такой находке, забыли о голоде и стали тут же играть в мяч, которого ни раньше, ни потом у нас не было. Вдруг из ворот здания суда вышел огромный черный мужчина и с криком побежал в нашу сторону. От страха я бросил куда-то мяч, и мы с Ильясом дали стрекоча. К ужасу потом увидели, что черный верзила бежит за нами. Наш преследователь не отступал. Город остался далеко позади, а мы все бежали. Наконец, выбившись из сил, мы остановились. Верзила подошел к нам, дал подзатыльников и еле живых от усталости и страха повел в город. Больше он нас не бил, но пригрозил, что посадит в тюрьму за кражу мяча. То, что я не украл мяч, а нашел и бросил его тут же, когда понял, что он кому-то принадлежит, он в расчет не принимал. Поскольку мы видели, как он выходит из ворот здания суда, то верили, что нас посадят. Наконец, он привел нас к дому суда. Женщины, видевшие, куда я бросил мяч, оказывается подобрали его. Тут верзила еще раз дал нам по подзатыльнику и отпустил.

Было больно, обидно и горько, но ничего мы не могли сделать. Еще горше стало, когда по городу пошел слух о том, что мы, будто бы, залезли кому-то в карман, и за нами гнался хозяин кошелька. Потом мы узнали, что нашего врага зовут Микагоз. Он не то немец, не то грек, каким-то образом оказавшийся в Атбасаре после империалистической войны и работавший завхозом суда.

Микагоз оставил у нас долго не заживавшую рану, хотя с ним мы потом расквитались.

Наступил конец лета. В городе появилось много арбузов и дынь. Большинство жителей Атбасара имело пригородные огороды. Во время овощной страды мы, атбасарские мальчишки, выходили за город к большой дороге, играли в лапту, бабки, и когда воз с арбузами и дынями приближался, гурьбой прибежали к возчику, и он нас щедро одаривал арбузами и дынями. Обычно, на нашей окраине собиралось 15—20 мальчиков и иногда и девочек.

Как-то в погожий осенний день мы заметили приближающийся воз. Все мальчишки побежали. Когда прибежали мы с Ильясом, внезапно остановились. На бричке сидел Микагоз. Он в руках держал по арбузу. Нам ничего не хотелось брать из его рук. Мальчик, прибежавший первым, хотел взять предложенный Микагозом арбуз, но тут же свалился наземь от удара Микагоза. Ошеломленные происшедшим мальчишки не знали, что делать.

Микагоз сидел на арбузах и ухмылялся. Когда, заплаканный, весь размазанный разбившимся на его голове арбузом мальчик встал, состоялся “митинг”. Было решено отомстить Микагозу. “Постановили”: проследить, когда Микагоз еще поедет за арбузами, тогда также кто-то из мальчиков обратится к нему за арбузом. Если он повторит свой мерзкий поступок, тут забросать его камнями, причем камни бросать с силой, так чтобы он знал, что и дети умеют наказывать. Все было ясно и просто, кроме одного: кто первым подойдет к Микагозу получать удар арбузом? Вызвался Ильяс. Когда Ильяс решился на такой шаг, у меня ноги подкосились, но возразить уже не смел: твердое слово Ильяса было сказано. Решимости Ильяса я и боялся, и гордился. В годы Великой отечественной войны из таких Ильясов вышли воины, вызывавшие огонь на себя в критических обстоятельствах.

Было установлено своего рода дежурство для наблюдения за Микагозом. На третий день Микагоз отправился за арбузами. Ребята пошли на “поле боя”, каждый имел в руках по два камня. Ждать весь день было утомительно. Не очень радовала даже довольно большая куча арбузов и дынь, собранных за день. Наконец, показался воз Микагоза. Ребята делали вид, что не обращают на него внимания, и занимаются своими играми. Когда Микагоз подъехал близко, все побежали к нему. Микагоз, как и в прошлый раз, держал в руках два арбуза. Ильяс протянул руки к Микагозу, который, отдавая арбуз левой рукой, правой размахнулся, собираясь нанести удар, но не успел. Камни со всех сторон полетели в его голову. Все было для него так неожиданно, что он даже не попытался сопротивляться. Поверженный враг свалился на арбузы, и запряженные в бричку волю повезли его домой.

Наш самосуд был жестоким, но мы тогда не знали, что Микагоза за его преступление можно было привлечь к уголовной ответственности. То, что он “большой начальник” в суде, говорило о его ненаказуемости.

Через две недели мы с Ильясом, проходя мимо здания суда, увидели Микагоза. Весь забинтованный он сидел на лавочке. У нас хватило смелости подойти к нему.

— Что, больно? — спросил Илья.

Микагоз узнал его. Ничего не сказав, он отвернулся. Видимо что-то понял. Ильяс сказал мне:

- - Победенный враг — уже не враг. Теперь надо быть к нему милосердным.

Через неделю со мной произошло событие, запомнившееся на всю жизнь. У нас была одна буренка, которая днем паслась вместе с городским табуном, а вечером сама возвращалась домой. Когда-то она не вернулась, и меня послали за ней. В поисках коровы я не заметил, как ушел довольно далеко от города. Когда повернул назад было уже темно. Иду домой, самому мерещатся всякие черти, жез-тырнаки (мифические женщины-людоедки

с медными ногтями). Я тогда, как и многие, верил, что они существуют, хотя никогда их не видел. Вдруг передо мною в двух шагах появилось чудовище. Я успел заметить, что оно высокое, довольно тонкое, с головой, расположенной на животе. Оно шло прямо ко мне и кивало головой. От страха я отпрянул в сторону и увидел, что это был всадник, проехавший мимо, даже не заметивший меня.

Когда еле живой от пережитого добрался домой, буренка уже была дома.

На следующий день я рассказал Ильясу о том, что случилось. Ильяс прочитал мне целую “лекцию” о чертовщине и всяких жезтырнаках, о том, что все это выдумки или рассказы людей, видевших “чудовище” при таких обстоятельствах, как это случилось со мною.

— От такой встречи с “чудовищем”, — говорил Ильяс, — ты мог на миг потерять сознание, если не хуже. Потом никто тебя не убедил бы, что на свете нет чудовищ. Много лет спустя, когда я рассказывал об этом коллегам, один из них шутливо заявил:

— Ты стал материалистом задолго до изучения марксистской философии благодаря “лекции” своего брата. Шутка шуткой, а так было, ибо с этого момента я не верил ни в какие мифические чудовища.

Еще запомнившийся эпизод. Как-то я уехал на один день в ближайший аул. На другой день вернулся в Атбасар, отправился к Ильясу. Ильяс, оказывается, приготовил мне сюрприз – кусок яблока. В Атбасаре яблоки не растут. О сказочном плоде мы слышали, но не думали, что когда-нибудь удастся его отведать. Тут каким-то образом в семью отчима попали яблоки, и четверть яблока досталась Ильясу. Ильяс половину этого куска съел, а вторую половину, завернув в тряпку, оставил мне. Этот небольшой коричневый кусок яблока был так вкусен, что вряд ли с ним может сравниться алма-атинский апорт или венгерский джонатан. Я был счастлив тем, что узнал вкус яблока, и что удалось это сделать благодаря моему кишкене-ага.

Начался учебный год. Мы с Ильясом оказались в одном классе. До поздней осени мы ходили босиком. В какой-то сентябрьский (а может быть и октябрьский) день я утром в школу, как обычно, пришел босиком. Вскоре пошел сильный снег. Я с тревогой смотрел в окно. Когда уроки кончились, все разошлись, и мы в классе остались с Ильясом вдвоем (Ильяс был обут). Класс, где мы учились, занимал центральное положение в школе, вроде холла. С двух сторон от класса были комнаты, в которых жили учителя, у которых были дети нашего возраста. Мы с Ильясом стояли у окна, не зная, что делать, а учителя мимо нас прошли в свои комнаты, безразличные к моей беде.

Мы все-таки были детьми и не додумались, что надо было Ильясу сбежать домой, где нашли бы какую-нибудь обувь для меня, мы не додумались, а взрослые, тем более учителя... О них даже не хочется говорить.

Ильяс посадил меня на спину и пошел. Прошли мы треть пути, до дома еще далеко, еще с километр. Я вижу, что мой братик уже из сил выбивается, но идет. Кроме того, холодный воздух обжигает мои босые ноги. Тогда я попросил Ильяса отпустить меня, и я по снегу быстро добегу. Ходить по снегу нам не впервые. Ильяс согласился, и я побежал. Побежал... больше ничего не помню. Очнулся на третий день. Рядом сидели Ильяс и Ахметкали. Все три дня они никуда не отходили от меня. Когда я пришел в себя, они еще долго радовались и плакали и никто их за это не ругал. За время моего беспамьяства дядя сшил мне новые сапоги. У меня, видимо, было сильное воспаление легких, но ноги мои не были обморожены. Сказалась закалка. Сейчас после такого воспаления легких полагается, чуть ли не месяц лежать и лечиться. Я, как только пришел в себя, встал, с радостью обул новые сапоги и на другой день пошел в школу. Никаких лекарств, конечно, мы не знали.

Зимой в классе появился новый учитель Танабаев. До него почти ни один учитель нас не замечал, ни разу даже не интересовался, как мы занимаемся, как мы готовим уроки. Танабаев сразу обратил внимание на нас. Может оттого, что вместе с нами учился его младший брат, с которым, как принято было говорить, мы водились.

Часто свой урок Танабаев начинал разговором о нас.

— О, Аллах, если ты есть, — говорил он, — то должен помочь Ильясу и Раунаху.

Незаметно пролетели зима и лето, и мы начали учиться в 4-ом, последнем классе нашей школы 1-ой ступени №4.

В четвертом классе преподавали несколько учителей.

Математику, русский язык преподавала Пелагея Григорьевна Черепанова. Она в совершенстве знала казахский язык. Математику мы проходили на казахском и русском языках. Она многому нас научила. Часто после уроков Пелагея Григорьевна рассказывала интересные истории, проводила беседы на темы просвещения. В памяти осталась ее беседа о борьбе со ... вшами. Сейчас многие дети даже не знают, что это такое, а тогда это было распространенное явление не только в аулах, но и в городах.

Однажды Пелагея Григорьевна пригласила к себе Ильяса. Дома она накормила его и подарила свой довольно новый свитер и еще какую-то одежду. Учителя в те годы получали небольшую зарплату, и щедрость Пелагеи Григорьевны в этих условиях свидетельствует о ее благородном и добром характере.

Ильяс всегда с благодарностью вспоминал Пелагею Григорьевну.

Кроме математики, русского и казахского языков в 4-ом классе преподавали природоведение, гигиену (был такой предмет), историю и географию. По истории учебника на казахском языке не было. Поэтому в течение

учебного года пользовались несколькими книгами. Среди них была и небольшая книга на казахском языке, посвященная Коммунистической партии (большевиков) и ее организационным принципам. Часто на уроках истории возникали различные споры. В них смело участвовал Ильяс, несмотря на то, что в классе сидели в основном взрослые люди. Среди них были такие, которые вскоре стали работниками республиканского масштаба. По какому-то поводу на уроке истории возник спор, говоря по современному, о дефицитных вещах. И вот перед дяденьками и тетеньками, среди которых сидят несколько пацанов, у доски стоит мой кишкене-ага и говорит:

— Цена вещей определяется не только полезностью, но и тем, в каком количестве их имеется. Возьмите, например, воздух. Все знают, что без воздуха жить невозможно. Однако никто за него не платит, потому что в природе он имеется в неограниченном количестве.

Учитель поддержал Ильяса, а все остальные с ним согласились.

Откуда было знать 12—13 летнему мальчику и его учителю из захолустья, что и в те годы люди ездили на курорты, где чистый воздух имел не последнее значение. В Сары-Арке чистого воздуха было столько, что мало кто думал о нем, выезжая даже на джайляу. Вряд ли в те годы кто-нибудь предвидел, что в жизни одного поколения появится страшное слово “смог”, и чтобы вдохнуть чистого воздуха придется платить деньги, как это делается, например, в Японии.

А пока у меня в жизни наступил очень тяжелый момент: Ильяс с сестрой уезжал в Карсакпай. Земля тогда казалась мне бескрайней, и Карсакпай, находящийся на расстоянии 500 км. от Атбасара, тоже казался очень далеким. Путь в Карсакпай лежал через бескрайние степи Сары Арки. Сообщение только караванное. Караван, доставлявший туда продовольствие, затрачивал на дорогу 15—20 дней. Мне казалось, что навсегда расстанусь с родными братом и сестрой. Тогда я еще не совсем понимал, что сестра была несчастна. Жила она плохо и не могла взять с собой всех нас троих. Было так горько, так тоскливо, что я часто уходил в поле и один во весь голос рыдал, сочинял какие-то грустные песни и пел. Через некоторое время дядя переселился в Балуанколь.

Поздней осенью меня привезли в Атбасар и отдали в пятый класс. К сожалению, мне не удалось окончить его. Моим родственникам было не под силу содержать меня в городе и они решили вернуть меня в Балуанколь из Атбасара.

Нашелся балуанькольский кооператор, возвращавшийся домой и согласившийся захватить меня с собой. Я устроился с ним на санях, и наша лошадка тронулась в путь.

Еще тогда я знал известное стихотворение:

Зима. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь.

Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь.

Наша лошадка тоже плелась как-нибудь. Кругом снег, белая мгла, а ровная, прямая дорога, по которой мы едем, кажется бесконечной, уходящей в небо, и где-то теряется.

Я не торжествовал. Мне было жалко расставаться с Атбасаром, где я родился, хотя он был к нам немилосерден. Немилосерден он был не только к нам, но и ко многим жителям города, особенно зимой. Зима в Атбасаре всегда была суровой. Буран, бушевавший иногда неделями, часто не позволял людям выходить на улицу, и их спасением был крытый на зиму двор, где содержался скот. В такую зиму снег заносил многие дома на окраинах города. После прекращения бурана кто-нибудь пробивал себе выход на “белый свет” — выходил из своего двора на улицу, как из норы, и откапывал соседа. Затем общими усилиями прокладывали дорогу к центру города, базару, школе и другим нужным местам. Дорога эта похожа была на небольшой каньон.

... Я сижу рядом с кооператором, укутанный в шубу, которую дала мне на дорогу тетя Мариам, жена Абдурахмана, старшего сына дяди. Шубу эту, как называли бы ее теперь дубленку, Мариам не любила носить. У нее была другая шуба — “шестовар”, так называли ее в Атбасаре. Такую шубу шил довольно опытный мастер из шести овечьих шкур. Внешне она была похожа на шинель военного и выглядела очень нарядно, особенно, если имела еще не широкий каракулевый воротник.

В те годы в большом дефиците были ситец, бязь, миткаль, сукно и, конечно, шелк. А привычная овечья шкура кустарной выделки относилась к довольно доступным материалам.

Вспоминая шубу, подаренную мне Мариам, теперь я думаю, что она могла бы быть гордостью многих современных модниц.

На второй день вечером мы добрались до места назначения.

Пролетела зима. С приходом весны заблестели на солнце приозерные луга, новые пахучие травы, цвели подснежники, фиалки, тюльпаны. К озеру спешили утки, гуси и другие птицы, словно со всего земного шара, и устраивали птичьи концерты от зари до вечерних сумерек.

Я целыми днями любовался не виденной мною ранее природой и по мере возможности помогал старшим, пас скот. Осенью, когда местные жители организовали караван для доставки из Атбасара в Карсакпай зерно, я попросился отправить меня в Карсакпай. Я не имел никаких сведений от моих родных. Хотелось их повидать и надеялся, что мне удастся устроиться учиться в пятом классе. Дядя быстро согласился.

Мне сшили теплое пальто, стеганые шаровары, меховую шапку — малахай, обеспечили провизией на дорогу, и, пожелав счастливого пути,

отправили на край света. Так я навсегда расстался с дядей и другими близкими мне людьми, которых всегда ценил. При расставании горьких слез не было. Впрочем, не совсем так: плакала четырехлетняя сестренка Шаимжамал, дочь Абдурахмана и Мариам. Как и все, я ее очень любил, нянчил ее, хотя в няньках у нее не было недостатка, и она привязалась ко мне. Я успокоил себя тем, что она подрастет и забудет обо мне. Не забыла. Напомнила о себе более 10 лет спустя, в один из тяжелых дней моих.

Караван наш состоял из 30 верблюдов, навьюченных мешками с пшеницей.

Время было тревожное, в степи иногда прятались бандитские группы, организованные баями, состояние которых было конфисковано накануне. Поэтому ведущий каравана и еще несколько человек были официально вооружены винтовками.

Выехали рано утром в начале октября. Меня посадили в середине каравана на двугорбом верблюде над тюком мешков и, когда надоедало сидеть, я даже мог полежать. Тем не менее, я, как все взрослые, часто шел пешком.

Дорога из Атбасара в Карсакпай проходит по широкой степи. Седые кустарники, остатки серебристого ковыля, засохшие полынь и колючки, встречающиеся повсеместно, характеризовали довольно скудный пейзаж осенней степи. Засохшая почва местами имела растрескавшуюся корку, в какой-то степени похожую на вафлю. Никаких рек, озер; нет и населенных пунктов.

Караван поднимался на рассвете, в полдень делали привал, потом шли до наступления темноты. Не на всех привалах имелись колодцы, поэтому всегда с собой возили необходимый запас воды.

В конце третьей недели из Атбасара добрались до Карсакпая. Не без труда нашел сестру. Летом Ильяс уехал в Кызыл-Орду и там учился в опытно-показательной девятилетке на полном государственном обеспечении. Это очень обрадовало меня, хотя было и досадно, что мы не встретились. Незадолго до меня к сестре приехал Ахметкали. У отчима в Атбасаре дела шли неважно, и он отправил его в Карсакпай.

В Карсакпае в это время работало ФЗУ на базе четырехлетки. Это было то, о чем я мечтал. К сожалению, меня в ФЗУ не приняли из-за моего маленького роста, хотя я был по образованию даже слишком "ученым".

Положение наше оказалось очень трудным. Сестра с зятем и двумя детьми еле сводили концы с концами. Но вскоре все наладилось. В Карсакпае открылся детский дом. Точнее это был не детский дом, а отделение в существующей при карсакпайской фабрично-заводской семилетке (Ф.З.С.) интернате для детей рабочих и служащих Байконура и Джезказгана, где не было школ. Мы с Ахметкали подали заявление в интернат. Для поступления в

интернат потребовался документ, подтверждающий, что мы действительно являемся беспризорными. Документов таких у нас, конечно, не было. Пришлось найти трех свидетелей, которые видели, когда мы лишились родителей, и мы никогда не были детьми бая. Один из свидетелей предложил написать общую справку на двоих, назвав обоих Есенберлиными, хотя Ахметкали был Токбергеновым. Такое предложение, нам казалось, не имело значения, однако это сыграло потом роковую роль для Ахметкали: приняли только одного меня, а Ахметкали пришлось остаться жить у сестры. Ему так хотелось учиться, но сделать это у сестры не было возможности, поэтому пришлось устроиться учеником электросварщика.

В интернате нас было всего человек двадцать. Жили все в одной комнате, спали на полу, каждый на отведенном для него месте.

... В Атбасаре один охотник-любитель летом набирал волчьи выводки, помещал их в довольно просторный сарай без крыши и кормил до тех пор, пока они не вырастут, и тогда он использовал их по назначению. Мы, дети, устраивались на высокой стене и сверху наблюдали, как волчата живут. Каждый волчонок у стены имел свою неглубокую яму, и когда хозяин бросал тушу сверху, все бросались за мясом, грызлись между собой, затем, захватив свой кусок, уходил на свое место. Грызня между волчатами шла и после кормления, но все-таки каждый имел свою лежку и зорко ее охранял.

В интернате я часто вспоминал этих волчат с той разницей, что мы никогда не ругались, не дрались. Каждый понимал, что в этот дом нас привело общее несчастье, поэтому друг к другу относились сочувственно, по-дружески.

Пролетел учебный год, а интернат на лето закрывался, так как основные его обитатели – байконуровские и джезказганские дети уезжали домой. Меня отправили на один месяц в пионерский лагерь в Улытау. Остальные беспризорные разъехались по близким родственникам. В конце июля пионеры возвращались в Карсакпай. Автомобиль подъезжал в поселок поздно, все песни спеты, все запасы продуктов съедены, все шутки – прибаутки иссякли, и усталые дети вдруг от радости зашумели, загалдели. Это показались огни Карсакпая. Все рады этим огням, кроме меня. Я не знал, куда я пойду. Интернат еще закрыт и поговаривали, что может больше не будет функционировать, а у бедной сестры опять неполадки с мужем, и мой приезд создаст ей трудности.

Все обошлось. Осенью интернат начал работать. Ильяс на каникулы не приехал: уехал на заработки в Пахта-Арал убирать хлопок. Я пошел в пятый класс. Жизнь в интернате стала как-то лучше с приходом очень молодой, красивой и веселой новой воспитательницы. К нам она была добра и внимательна. Мы звали ее Нина-апай.

В интернате было всего четыре комнаты. Одну занимал директор с семьей, в другой жили байконурские и джезказганские мальчики, в третьей — девочки из Байконура и Джезказгана и в четвертой — мы, беспризорные. По предложению Нины-апай произвели расселение мальчиков: поселили так, чтобы байконурские и джезказганские дети жили вместе с беспризорными.

Женщины Карсакпая, знавшие наше бедственное положение, организовали сбор вещей у населения в пользу беспризорных, и у нас появились постельное белье, матрасы и подушки, набитые соломой, каждый был одет так, чтобы мог посещать школу, расположенную рядом. Регулярно стали ходить в баню. Производили довольно часто дезинфекцию комнат, и клопы, и вши отступили.

По вечерам Нина-апай в просторном коридоре организовывала игры, хороводы; плясали, играли, все веселились. Под благотворным влиянием Нины-апай дети быстро подружились и это способствовало лучшему усвоению русского языка.

Кончился учебный год, кончилось наше нехитрое счастье: интернат закрыли. Детей группами по 5—6 человек отправили в различные детские дома. Меня назначили старшим группы, которая направлялась в Кзыл-Орду. Эта поездка меня обрадовала: в Кзыл-Орде учился мой кишкене-ага. В нашу группу входили Кадыр, Абу и девочка Джамал 12-ти лет с восьмилетним братом Сериком. Они в интернате не жили, а приехали из аула и присоединились к нам.

Чтобы попасть в Кзыл-Орду, нужно было сначала в кузове грузовой машины проехать 375 км до станции Джусалы, а затем по железной дороге доехать к месту назначения.

Провожала нас Нина-апай. Она вручила мне деньги на дорогу и билет на автомобиль. Сказала, что 80 рублей заплатила за билет. Нас посадили в пустой кузов автомобиля, и мы поехали. Трудная дорога Джусалы-Карсакпай описана в “Школе жизни” Сабита Муканова, но нам она казалась очень привлекательной, так как мы ехали не куда-нибудь, а в Кзыл-Орду, к тому же я еще - к Ильясу. Ехали до обеда, потом в каком-то населенном пункте покушали, заправили машину и поехали дальше. Сажу я на полу кузова верчу билет, вернее клочок бумаги или квитанцию, которую называли билетом, и вздумал прочитать, что там написано. Прочитал, и будто кто-то ударил меня по голове: там было написано: билеты детские по 4 рубля на 5 человек, итого 20 рублей. А Нина-апай говорила, что заплатила 80 рублей. Я раньше знал, что билет до Джусалы стоит 16 рублей. В недоумении я показал билет шоферу и спросил:

— Разве билет до Джусалы стоит не 16 рублей, а 4?

Шофер разъяснил, что 16 рублей стоит для взрослого, а за детский нужно платить 4 рубля.

Когда я сказал, что Нина-апай заплатила 80 рублей, он сочно выругался и закончил:

— Стерва! Кого обокрала!

Было очень обидно не за деньги, а за воспитательницу, которую мы любовно называли Нина-апай!

В Кзыл-Орде мы потерпели фиаско: в детский дом нас не приняли. К тому же Ильяса в Кзыл-Орде я не застал: он уехал опять в Пахта-Арал.

Пришлось ехать обратно. Приехал в Джусалы. На автостанции я предъявил наши документы секретарю парткома и просил помочь нам уехать в Карсакпай. Секретарь с кем-то поговорил, кого-то вызвал и сказал:

— Вот, что ребятки! Машин сейчас нет, будут через неделю. А сейчас заботу о вас

возьмет на себя товарищ Хохлов.

Товарищ Хохлов привел нас в пустую комнату и сказал:

— Здесь будете жить до прибытия машин.

Потом повел в столовую, позвал заведующую и от имени секретаря парткома поручил поставить нас на довольство. Опять наступили беззаботные дни. Ходили смотреть Джусалы, гуляли, играли. Абу любил подтрунивать над Джамал. Спокойная, добродушная Джамал не придавала этому никакого значения. Но Серик каждое слово, сказанное Абу по адресу Джамал, встречал в штыки, иногда кидался на Абу с кулаками. Мы с Кадыром всегда поддерживали Серика.

— Вот какой настоящий защитник растет у Джамал. Не зря называли Серик, опора.

Джамал нежно любила своего братика и уговаривала его вести себя поспокойнее. Через неделю нас отправили в Карсакпай. К поселку подъезжали, когда стало темно. Полная машина людей. И опять, когда показались огни Карсакпая, радостные крики и восторги у всех, кроме нас пятерых. Мы едем никуда, потому что некуда. На автостанции мы распрощались, и больше я никогда никого из них не видел.

Я поплелся к бедной сестре. Несмотря на позднее время, она не спала. Тут я узнал, что от нее к другой женщине ушел муж, оставив ее с двумя детьми.

Без специальности, со слабым здоровьем она не могла работать, а алименты муж платил, когда вздумается. Обратиться к местным властям, призвать к порядку отца детей она не умела, и мы оказались на попечении Ахметкали, который все еще был учеником сварщика, поскольку неграмотному человеку эта специальность давалась нелегко. Вскоре приехал Ильяс. Он кончил семь классов опытно-показательной девятилетки, но дальше решил прервать учебу, поскольку одному Ахметкали не под силу было нас содержать.

Мы не виделись три года. За это время он вытянулся, мне казалось, стал великаном. Я перестал называть его кишкене-ага.

Ильяс устроился на работу заведующим общим отделом райисполкома и мы зажили.

Однажды я рассказал Ильясу о Нине, не называя ее апай, о том, как она обокрала нас. И здесь Ильяс подал мне еще один урок, запомнившийся на всю жизнь. Он сказал:

— Если она была доброй, всегда жалела беспризорных и заботилась о них, то не могла обокрасть или обмануть сирот. Скорее обманули ее. Она же по сути дела еще сама наивная девочка, она могла сама не подозревать, что ее обсчитали.

Мне стало радостнее от этих слов, и я снял обвинения с Нины-апай.

В разгар лета однажды Ильяс спросил, как я готовлюсь к новому учебному году. Такой вопрос меня удивил, так как ни я, ни кто другой из ребят никогда не думал о подготовке к новому учебному году.

Нахмурившись моим ответом, Ильяс поинтересовался, чему я научился вообще после окончания пятого класса и что я читаю, особенно на русском языке. Оказалось я мало чего знаю по математике, по физике, по другим предметам и ни одной книги на русском языке не читал. Казахские книги я знал хорошо, читал все, что попадало в руки.

Ильяс решил заняться моим образованием, в первую очередь по математике. Для начала он предложил мне почитать по учебнику Киселева начало алгебры. На другой день рано утром я сел читать алгебру и просидел часов пять. Все было понятно, интересно и легко запоминалось. Я сам удивился, когда за одно утро узнал столько захватывающих дух понятий, на которые раньше не обращал внимания. Мой успех очень обрадовал Ильяса. Мы вместе стали решать задачи. Вскоре добрались до уравнений. Текстовые задачи я пытался сначала решать без помощи уравнений, но это не всегда удавалось. Тогда прибегал к составлению уравнения. Ильяс постоянно контролировал мои занятия, а когда мне не удавалось решить некоторые задачи, он легко справлялся с ними сам. В то же время он постоянно изучал математику, физику, химию и русскую грамматику — он подумывал поступать в институт.

Как-то после работы Ильяс принес повесть Л. Пантелеева “Часы” и предложил мне прочитать. Я начал читать, все больше увлекался и довольно быстро прочитал. Почти все понимал. Книга оказалась интересной. Ильяс порекомендовал мне прочитать ее еще раз, так я и сделал. Книга была еще интересней. Потом Ильяс принес “Школу” А. Гайдара. Тоже все было понятно. Так я с помощью Ильяса открыл, что русским языком владею неплохо. Появился интерес к книгам на русском языке.

Я с нетерпением ожидал начало учебного года. Знания по математике и прочитанные книги так распирали меня, что я спешил блеснуть перед одноклассниками.

Учебный год начался в положенное время. В классе я как-то опять ступешевался и не осмелился даже поднять руку, когда учительница спрашивала, кто хочет отвечать. Наконец, меня вызвала математичка к доске. Я быстро решил задачу, как думал, блестяще. И каково было мое удивление, когда учительница вывела отметку “Уд”. В расстроенных чувствах я вернулся домой и пожаловался Ильясу. Он посоветовал мне по пустякам не огорчаться.

— Были бы хорошие знания, а хорошие отметки сами придут. Так и получилось.

Пролетел учебный год.

Неожиданно я подрос. Появилось чувство уверенности в себе.

К осени в Карсакпае в помещении Ф.З.У. открылся горно-металлургический техникум. В техникум поступило человек пятьдесят. Большинство учащихся были выпускники ФЗУ.

В техникум принимали всех желающих. Никаких вступительных экзаменов не было.

Для определения фактических знаний учащихся устроили несколько контрольных работ по математике и русскому языку. Результаты контрольных были весьма плачевны: 90% учащихся получили неудовлетворительные оценки.

Карсакпайское ФЗУ было учебным заведением на базе четырехлетки, но принимали туда и молодежь, приехавшую из аулов с образованием 2–3 класса. За три года обучения они становились достаточно квалифицированными токарями, фрезеровщиками, шлифовщиками, слесарями, дробильщиками и другими специалистами. Но знания по математике, физике, химии и русскому языку у них хромали. Было немало способных ребят, которые за такой короткий срок смогли успешно овладеть всеми основами преподаваемых наук.

В начале лета в Карсакпае произошло трагическое событие, запомнившееся надолго.

В степи Карсакпайского района жили люди, занимающиеся только животноводством. Коллективизация, проводившаяся под лозунгом “Малого Октября”, резко подорвала скотоводческое хозяйство, вызвала непривычные социальные и экономические катаклизмы, начался голод. Люди хлынули в Карсакпай, население которого жило на привозном хлебе, выдававшемся по карточкам. Местная власть организовала отправление голодающих к железнодорожной станции Джусалы. Этим делом по поручению райисполкома занимался Ильяс. Не все, кого Ильяс отправлял в кузове грузового автомобиля, доезжали до Джусалы. Попытка Ильяса добиться

какой-либо продовольственной помощи умирающим с голода, никакого результата не дала. В течение недели Ильясу удалось отправить 500—600 человек. За это время в поселке умерло порядка ста человек. Карсакпай в те дни не испытывал затруднения в продовольствии.

Однажды Ильяс привел к нам домой одного человека с 5-6-ти летним сыном. Он обратился к Ильясу с просьбой сохранить жизнь его последнего ребенка.

— Все мои родные и близкие умерли, теперь, если умрет мой мальчик, то исчезнет мой род,— говорил он печально.

Мы все получали хлеб и другие продукты по карточкам, но отказать человеку, попавшему в беду, не могли. Мальчик понимал, что происходит. Был очень худым и слабым, целый день молча сидел на войлоке, специально постеленном для него, кушал вместе со всеми (сестра наш нехитрый паек делила всем поровну), никогда ничего дополнительно не просил.

Через неделю пришел отец мальчика, сказал, что нашел какой-то выход и увел своего продолжателя рода.

В один из недобрых вечеров ко мне пришел один мальчик из нашего бывшего интерната. Он сказал, что несколько детей, не принятых в детские дома в других местностях, вернулись, как и мы, в Карсакпай. Зимой они провели кое-как у своих родственников. А теперь, что будет с ними — неизвестно. Поужинав с нами вечером он ушел и больше его и других беспризорных из интерната я не видел.

Трагедия в Карсакпае выбила из колеи Ильяса, и он месяца два не занимался.

Страдания за горе других — особенность характера Ильяса. Свое отношение к чужой беде Ильяс выразил в своих заметках “Мысли и выдержки” на склоне лет:

“Я удивляюсь человеческому уму, нет, не открытию Америки и не открытию закона всемирного тяготения или космоса, а умению его делать добро, умению быть справедливым, умению его страдать за чужое горе, ибо не первое делает человека человеком и вечным, а второе. Иначе погибло бы все. Даже, если бы не было самого великого открытия — все равно человечество жило бы, а если не было бы добра — то погибло бы немедленно”.

Летом в Карсакпай пришла разнарядка на курсы по подготовке в Горно-металлургический институт в Алма-Ате. Ахметкали в это время получил рабочий разряд и мог взять на себя заботу о сестре. Решили, чтобы Ильяс поехал учиться. Он был одним из двух претендентов на три места и, получив путевку, уехал.

Занятия в техникуме отложили на месяц, а потом стало известно, что наш техникум переводится в город Риддер (теперь Лениногорск) и сливается

существующим там нормальным горно-металлургическим техникумом.

Настал день отъезда. Накануне я съездил в Байконур, куда переехали Ахметкали с сестрой. В полдень подали открытые грузовые машины. В каждой машине устроились по 10—12 человек со своими вещами. Здесь я испытал один из самых тяжелых моментов в своей жизни.

Для Карсакпая отъезд 40—50 молодых ребят и девушек было событием немаловажным. Весь поселок собрался около машин. К каждому подходили родные и близкие, отдавали подарки, целовались, многие плакали, желали счастливого пути, благословляли, говорили всякие приятные слова и т.д. Только ко мне никто не подходил. Друзей из интерната может уже не было в живых, Ахметкали с сестрой остались в Байконуре, других близких у меня не было. Я почувствовал себя самым несчастным человеком. У меня не хватило сил, чтобы удержать слезы. И вдруг увидел бежавшего ко мне бывшего зятя. Он прибежал прямо с работы, в рабочей спецовке, сунул мне какой-то сверток и на прощание обнял. С этого момента все неприятности и огорчения, связанные с зятем, навсегда были прощены.

Путь из Карсакпая в Риддер тогда был нелегким. Добравшись до Джу-салы на машине, по железной дороге нужно было ехать через Алма-Ату до Семипалатинска, затем по Иртышу на пароходе до Усть-Каменогорска, а далее опять по железной дороге, правда, узкоколейной, ныне несуществующей, до Риддера. Короче — “край света”. В Алма-Ате меня встретил Ильяс. Он еще раз подчеркнул, что нужно заниматься хорошо, иначе учиться будет не интересно.

— В студенческих столовых кормят, — говорил Ильяс, — плохо, но достаточно, чтобы можно было нормально учиться. Если все время будешь думать о еде, то от этого сыт не будешь. Поменьше думай о еде и станет жить легче. Я это знаю по собственному опыту.

Мудрый совет Ильяса пригодился мне в жизни не раз.

В Риддере функционировал нормальный техникум, куда принимали людей с семилетним образованием. В том году прием был в январе, и когда мы приехали, первокурсники заканчивали 2-ой семестр. Из нашего техникума зачислили на 2-й семестр 1-го курса только четверых, в том числе и меня. Все остальные были определены на подготовительные курсы.

Это меня вдохновило, и я занимался старательно. Быстро изучил все вопросы, о которых раньше понятия не имел. Кроме общеобразовательных предметов, большинство которых заканчивалось на 1-ом курсе, на 2-ом курсе проходили такие предметы, как горное искусство, петрология, геодезия, кристаллография, петрография и др. Преподавали в основном выпускники Московского индустриально-педагогического института, а также инженеры производства. Правда, среди педагогов был один, похлеще

пожалуй, Бесхожи. Красивый, с жюль-верновской бородой, он приходил на занятия и начинал рассказывать всякие небылицы, виденные или слышанные им где-то. Студенты слушали его охотно. Особенно им нравились рассказы о Москве. Правда, у меня из его рассказов сложилось о москвичах такое мнение, что для них самая большая радость любоваться трамвайными происшествиями.

О своем предмете этот “педагог” почти ничего не говорил. Однажды он устроил контрольную, и никто ее не выполнил. На другой день я, перерыв учебники, решил эту задачу. Каково было наше удивление, когда преподаватель сам не знал ее решения. Нисколько не смущаясь, он сообщил, что решение задачи приведено в каком-то справочнике для инженеров, о котором мы никогда не слышали. Я попросился к доске и показал решение задачи.

Кончился учебный год.

На торжественном собрании техникума, посвященном этому событию, состоявшемуся в городском театре, объявили, что я получаю первую премию — бесплатную путевку в Ялту с бесплатным проездом. Я отказался от такой премии и попросил поменять ее на вторую премию — костюм мужской.

Директор техникума Степан Никонович Павлов согласился с таким обменом, в то же время говорил:

— Я 30 лет работаю и ни разу не был в этих краях. Может и тебе больше не представится возможность увидеть Крым. Лучше съезди сейчас.

Но я сейчас больше нуждался в костюме, поэтому в Крым не поехал.

Почти 50 лет спустя, я был в Лениногорске, как теперь называется Риддер, посетил и ныне существующий горно-металлургический техникум. В архиве техникума нашли приказ тех лет и выдали мне его заверенную копию. Я был весьма рад такому подарку, напоминавшему наши юные годы и с интересом читал приказ. Стиль приказа, материальные ценности, которыми премировались в те годы — это крупица нашей истории. Тогда важно было иметь костюм, туфли, сапоги, не важно какие, лишь бы были новые. О моде никаких разговоров не было. Даже удивительно, как Степану Никоновичу удалось раздобыть костюм, туфли и сапоги для премирования студентов, когда такие вещи были в большом дефиците и строго нормированы.

Вот он, этот приказ:

Приказ:

По горно-металлургическому техникуму
От 30 июня **за № 171**

В связи с окончанием 34—35 уч. года за отличную учебу, за хорошую успеваемость и за активное участие в общественной жизни премирую следующих студентов:

1. От имени профкома и дирекции т. Есенберлину дается первая премия, путевка на курорт в Ялту стоимостью в 600—700 руб.

2. Вторая премия — костюм стоимостью в 107 рублей дается т. Бубенщикову.

3. Третья премия — рабочие сапоги стоимостью 48 рублей выдаются Чиркову.

4. Четвертая премия — по одной паре дамских туфель даются т.т. Нестенко и Батниковой.

За хорошую учебу, за вполне удовлетворительную дисциплину деньгами премируются следующие товарищи: т.т. Семенову, Грехову — 51 руб., т.т. Фитакову, Мухтарову и Сенгилееву по 39 руб., т.т. Конопьеву и Кущанову — 30 руб.

Премирование выше названных товарищей произвести на вечере 30.06.35 г., посвященном окончанию учебного года.

Директор техникума

Павлов.

Начались летние каникулы. Мы опять собрались в Карсакпае. Ильяс поступил в горно-металлургический институт, Ахметкали женился и имел уже ребенка. На семейном совете решили, что Ахметкали нужно освободить от других забот, кроме своей молодой семьи, Ильяс вышел на широкую дорогу и его надо поддержать. Поэтому было решено, что прерву учебу я и буду работать, продолжая самостоятельно заниматься любимыми предметами.

Я не поехал в Риддер. Неожиданно для меня, решил остаться мой друг по техникуму Кабул Усембаев. В техникум Кабул поступил после окончания ФЗУ. Непонятно, как могли его принять в ФЗУ, когда даже после окончания ФЗУ он еще не мог работать на токарном станке из-за малого роста и ему сделали специальную подставку. Но токарем он стал квалифицированным. Теперь он, как и я, подросток. Но уговоры его о необходимости продолжать учебу, никакого результата не дали.

— Не оставляю тебя одного, нам вдвоем будет легче жить, — твердо заявил Кабул. Кроме нас, в Риддер не поехали еще двое.

Я написал Степану Никоновичу письмо, объясняя свой поступок материальными затруднениями. Скоро из техникума на мое имя поступил перевод 400 руб. Поскольку мое решение бросить техникум было твердое, я деньги отослал обратно. Тогда в Карсакпайский райком партии поступила телеграмма о содействии в отправлении в Риддер студентов горно-металлургического техникума. Нам сообщили, что райком решил всех нас уволить с работы, и не представлять работы в районе. Нам ничего не

оставалось, как собраться в путь. Приехали в Джусалы, купили железнодорожные билеты до Семипалатинска и едем. Все остатки денег, документы, билеты собрали вместе, обернули в кальку и вручили почему-то мне, я положил их в карман брюк. Подъезжая к станции Туркестан, решил подкупить продукты на дорогу. Когда сунул руку в карман ничего не обнаружил. Слов нет описать, какое чувство я тогда испытывал. Мои дорогие друзья поняли это и меня ни в чем не упрекнули. До Риддера нам уже не доехать. Принимаем экстренное решение: сойти в Туркестане, доехать по узкоколейке до Ачи-Сая, где развертывалось строительство крупного полиметаллического комбината, и устроиться там на работу. Когда мы сидели в платформе узкоколейки, понурые и проголодавшиеся, к нам подошел старик и спросил:

— Что приуныли, молодые люди? Мы ему все рассказали.

В Ачи-Саяе он привел нас к себе домой, накормил бауырсаком, напоил чаем и сказал:

— Живите у меня, потом устройтесь на работу.

В маленькой комнате добрых старика и старухи прожили мы несколько дней. Мир полон добрых людей!

Мои товарищи быстро определились на работу: они окончили в свое время Ф.З.У. Мне устроиться на работу было нелегко из-за отсутствия специальности.

Я написал заявление и пришел к самому начальнику строительства. Он спросил, сам ли я написал заявление. Я даже удивился такому вопросу, но ответил, что заявление написал я сам, собственноручно.

— Тогда я тебя и ищу,— сказал начальник строительства. Мне нужен управляющий делами, знающий русский и казахский языки.

То, что у меня нет никаких документов, его не волновало.

— Документы пришлю потом из Риддера,— сказал я.

Так я оказался “большим” начальником: управделом, одновременно заведующим столом личного состава и распорядителем жилфонда строительства. Я писал приказы по строительству, оформлял людей в отпуск, в командировки, принимал рабочих, прибывших главным образом по вербовке из Воронежской области на работу, представлял им и другим нуждающимся жильё в здании школы, отведенном под общежитие. Был и какой-то другой жилфонд.

Через месяц меня вызвал секретарь парткома комбината, поинтересовался, кто я, откуда приехал, читаю ли нашу местную газету “Каратау кеншилери”. Я ответил на все вопросы и признался, что местную газету не читаю.

— Ничего, отныне будешь читать ее каждый день. Ответственного секретаря редакции газеты призвали в Красную Армию, так что приступай к делу. А документы твои мы из Риддера затребуем.

Тем временем Ильяс стал студентом горного факультета. Учился увлечением, активно участвовал в общественной работе института, усиленно занимался спортом. Очень быстро стал заметным человеком в институте. Достаточно сказать, что когда в 1937 г. состоялся 1-ый Чрезвычайный съезд Советов Казахстана, принимавший первую конституцию Казахской ССР, студент Ильяс был избран делегатом этого съезда. Честь, конечно, немалая. И мы этим очень гордились. В те годы в Москве летом ежегодно проходил Всесоюзный парад физкультурников. Ильяс был постоянным участником этого парада. Это было очень интересно и, как теперь говорили бы, престижно.

Так Ильяс дошел до 4-го курса. Тогда у него началось разочарование в своей будущей специальности.

— Математические дисциплины кончились, учиться как-то стало не интересно,— писал он.

Здесь, видимо, сказалось нерешенная до сих пор проблема выбора специальности. Выросший в Сары-Арке Ильяс, при поступлении в институт еще плохо представлял работу горного инженера. До этого он не видел ни одного живого горного инженера. Он, конечно, знал, что работа горного инженера не связана с горами, что горный инженер добывает полезные ископаемые, но что для этого должен знать, не совсем представлял. Когда поближе ознакомился со своей будущей специальностью, Ильяс понял, что это, как говорят артисты, не его амплуа. В таком положении оказываются сотни тысяч будущих инженеров. Из них выходят инженеры посредственные, а иногда и хорошие. Но Ильяс не был посредственностью и его деятельная натура ждала выхода. Такой выход он искал в творческом труде писателя. В этот период он много писал: рассказы, пьесы и стихотворения, для пробы силы. Ничего никуда он не посылал. Эти его ранние работы, к сожалению, не сохранились.

В отличие от горных инженеров, живых писателей, точнее уже известных, печатающихся поэтов, он видел еще в Карсакпае, где работали А. Тажибаев и Ж. Сайын в редакции местной газеты “Кзыл Кеншилер”. С Ж. Сайын однажды у него было даже нечто вроде письменного айтыса. Как-то близкий к нам и Сайыну человек поссорился с Сайыном, и последний прислал ему письмо в стихах. Ильяс, хорошо знавший обстоятельства ссоры, ответил ему тоже письмом в стихах. На этом все кончилось.

В целом А. Тажибаев и Ж. Сайын были для нас недосыгаемыми людьми, которые возбудили у Ильяса настоящий интерес к поэзии. Учась в Алма-Ате, он видел всех ведущих писателей и поэтов Казахстана, хотя ни с кем не был знаком. Имена С. Сейфуллина, Б. Майлина, И. Джансугурова, М. Ауэзова, С. Муканова и многих других Ильяс знал хорошо и очень любил их произведения. Магическое действие на него оказывали строки Муканова об акыне (поэте) в “Адаскандар” (“Заблудившиеся”).

Описание природы в этой книге Ильяс читал с восторгом и говорил:

— Написано по-тургеневски.

Позже, когда автор переработал “Адаскандар” и выпустил под названием “Светлая любовь”, Ильяс не был удовлетворен новым вариантом книги. Видимо, здесь сказалось сильное впечатление, оказанное первым вариантом романа.

Жил в Карсакпае еще один недостижимый для нас человек — К. И. Сатпаев. Каньш Имантаевич работал начальником геологоразведочного отдела комбината. На двери его кабинета крупными буквами золотом было написано: “Начальник ГРО инженер К.И. Сатпаев”. Мальчики из интерната бегали в Управление комбината взглянуть на знаменитого человека — инженера, когда он проходил на работу или уходил домой. Почти так, как сейчас некоторые девицы бегают за своими кумирами — артистами.

Ильяс имел достаточное представление о профессии геолога и она его не привлекала. Каньш Имантаевич восхищал Ильяса как человек.

В горно-металлургическом институте Ильяс мог, пока еще не поздно, переключиться на другую специальность, связанную с математикой, физикой или даже химией, которую любил и знал не хуже математики или физики. Это легко было сделать, потому что в своем же институте был факультет металлургический, а металлургия базируется, прежде всего, на химии. А физическая химия могла увлечь его еще больше.

Ильяс мог быть талантливым инженером и ученым по техническим наукам, связанным с математикой, физикой или химией. При наличии благоприятных условий мог бы стать и хорошим художником, ибо с детства не раз показывал склонность к этому виду искусства. Но он все-таки свое призвание нашел в литературе.

К этому моменту я неплохо усвоил газетное дело в редакции “Қаратау Кеншілер” одновременно состоял собственным корреспондентом областной газеты “Оңтүстік Қазақстан”. В целом прилично зарабатывал.

Прошло более двух лет. Мой друг юности Кабул уехал в Красную Армию. Семейные дела у нас пошли лучше. Сестра наладила отношения с бывшим мужем. Они снова сошлись. Мы были довольны, а наш племянник Казыкен (второй сын сестры скончался год тому назад) был счастлив. За время моей работы мы с Ильясом немного приделались, и Ильяс мне предложил продолжать учиться.

Я обратился в партком с просьбой об освобождении меня с работы. Там и слушать не хотели, так как оказался “незаменимым”. И лишь, когда, отслужив положенный срок в армии вернулся бывший сотрудник редакции, мне дали рекомендацию в институт журналистики, только что открывшийся в Алма-Ате. Ильяс не рекомендовал мне поступать в этот институт. Он без обиняков сказал:

— Ты газетчик по принуждению, а не по призванию, поэтому выпускаешь серую газетенку. За два с лишним года ни одна республиканская газета не обратила внимания на вашу многотиражную газету. Если было бы что-то выдающееся, то в “Социалистик Казахстане” заметили бы это. Не было ничего, за что можно было бы вас ругать. Одним словом, как я уже говорил, серость. Ты выпускаешь газету, а сам думаешь о математике, перерешал все, что есть в задачниках Шапошникова и Вальцева по алгебре и Рыбкина — по геометрии и тригонометрии, легко решаешь интересные задачи, которые мне удалось раздобыть, любишь физику и химию и знаешь их хорошо, правда, только по учебникам, без элементарных опытов, проводимых на занятиях в школах. Сейчас трудно сказать является ли математика твоим призванием. Тебе целесообразно поступать не на физмат, а в технический вуз. Объем курса математики там достаточный, чтобы учиться дальше, если подтвердится твоя склонность к математике.

Соображения Ильяса, как мне всегда казалось, были разумными, и я решил поступать на паровозный факультет Московского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта им. Ф.Э. Дзержинского (МЭМИИТ).

Паровоз мне казался чудо машиной. Дух захватывал, когда с сильным гудком и неслыханным грохотом поезд во главе с паровозом проносился по родной бескрайней степи. А Турксиб? Что может быть интереснее работы на Турксибе? Паровоз, только паровоз! Мог ли я тогда знать, что паровоз доживал свои последние годы, что у паровоза коэффициент полезного действия составлял всего 5—6%, поэтому, честно отслужив человечеству более 100 лет, уходил совсем с железнодорожного транспорта, уступив рельсы тепловозу и электровозу.

Чтобы поступить в институт теперь по Постановлению ЦК ВКП(б) СНК СССР, принятому 2 года тому назад, надо было иметь аттестат об окончании среднего учебного заведения, чего у меня не было. Но я был уверен, что конкурсные экзамены в Москве я выдержу. Поэтому пришлось сначала получить аттестат об окончании рабфака в порядке экстерна. И вот я московский студент, о чем мечтал. Зимой проездом из Кривого Рога, где проходили практику студенты горно-металлургического института, в Москве был Ильяс. Из всех прелестей Москвы в эти дни нас больше всех заинтересовал кинотеатр повторного фильма, где демонстрировался фильм “Амангельды”.

Мы с Ильясом сидим в зале и с интересом еще раз смотрим полюбившийся нам фильм. Вот площадь у рынка... Вот верблюды, на которых погружают повстанцы свое нехитрое вооружение... Все это сопровождается мелодией “Кара-торгай” (“Жаворонок”) в великолепном исполнении оркестра.

Русский парень, сидящий сзади нас, говорит своей девушке:

— За душу захватывающая музыка!

Мы в восторге не только от этой действительно за душу захватывающей, знакомой нам с детства мелодии, но и от оценки человеком, первый раз услышавшим ее...

— У каждого народа,— говорит Ильяс,— есть песни, захватывающие за душу. Об этом свидетельствуют многие русские песни, украинская “Ревет и стонет Днепр широкий”, грузинская “Сулико” и много других песен...

... Недавно фильм “Амангельды” был восстановлен. Каково было мое разочарование, когда не услышал “Караторгай”. Великая народная мелодия была почему-то заменена какой-то бесцветной музыкой. И это сделала она... Я думаю, читателям и без меня известно кто она.

Закончился учебный год. В профкоме мне предложили студенческую путевку в Ялту. Я никогда не забывал слова директора риддерского техникума Степана Никоновича Павлова, когда я отказался от путевки в Ялту. Довольно быстро мне представилась возможность увидеть сказочное Черное море. Чтобы в срок прибыть в Крым, я досрочно сдавал экзамены, сдавал легко на “отлично”. В последний день решил сдать два экзамена и как говорится, схватил “тройку”. Это меня не огорчило, ибо впереди был благословенный Крым. Если бы тогда знал, какое роковое значение имела для меня эта “тройка”! В Крым я приехал в начале июня. Вода еще была холодновата, но я купался всюду, даже сразу после тепловых процедур, когда это категорически запрещалось. В итоге с курорта я уехал с радикулитом.

Я уже писал, что в детстве до поздней осени ходил босиком и чем это однажды кончилось. Это меня не остановило, и я иногда на короткое время выбегал во двор босиком, открывать ворота. Был случай, когда в лютый мороз я упал в прорубь и чуть не утонул. Выйдя из воды, весь обледеневший, я добрался до дому. Все это проходило без последствий. А теперь, в разгар лета на южном берегу Крыма случился такой казус.

... Черное море породило у меня радикулит, оно же потом меня вылечило, если можно говорить о радикулите так, когда он годами не дает о себе знать.

Десятилетия спустя, как-то в конце сентября я приехал с утихшим радикулитом в Крым. Погода была прекрасная и мы с товарищем, с таким же радикулитчиком, как я, стали купаться по три раза в день. Постепенно погода менялась, вода медленно охлаждалась, а в конце октября выпал снег. Мы все продолжали купаться, радикулит куда-то исчез. Море бушевало, холодный ветер со снегом загонял отдыхающих в корпуса, а мы с товарищем барахтались в море.

— Если бы мои домашние увидели, что я творю сейчас в море, пришли бы в ужас,— говорил мой сосед.

Домой я вернулся на удивление своих, совершенно забыв о радикулите. Дома я решил поддерживать достигнутый уровень закаливания и стал принимать прохладную и постепенно совсем холодную ванну, возможную в зимних условиях в квартире. Так я, неожиданно самому себе, стал “домашним” моржом...

... Радикулит хоть давал знать о себе довольно часто, но я не очень огорчился, ибо у меня впереди была встреча со своими родными. Ильяс, окончив институт, приехал на работу в Джекказган. Туда же переехали с мужем сестра и Ахметкали с семьей. Мы часто уходили гулять в степь под Джекказганом, веселились и радовались. Это были одни из счастливейших дней для нас всех.

Потом я вернулся в Москву, а Ильяс осенью ушел в Красную Армию, служил он в Риге.

В сентябре было опубликовано Постановление Партии и Правительства о высшей школе, которое предусматривало:

1. Введение системы свободного посещения занятий в вузах.
2. Введение платы за обучение в вузе (200 руб. в семестр).
3. Стипендию назначать только студентам, кто учится на “Отлично” или имеет не более 25% “Хорошо”, остальные “Отлично”.
4. Освобождение некоторых студентов из числа стипендиатов от оплаты за обучение.

Постановление вводилось в действие через два месяца. Студенты, не внесшие к этому сроку плату, должны быть из вуза отчислены.

Вот тут-то я пожалел о своем легкомысленном отношении к сдаче экзамена. Просил начальника института (тогда железнодорожные институты возглавляли начальники) разрешения пересдать тройку. Получил отказ. Обратился в Комитет по делам высшей школы с этой просьбой. Опять отказ. А время неумолимо продвигалось вперед. Все студенты бегали, искали работу, позволяющую и деньги зарабатывать и учиться, но мало кому это удавалось. Многие уже внесли деньги за обучение, хотя родители, как они говорили, перебивались с хлеба на соль. Я решил своих не беспокоить ничем, зная их скромные материальные возможности.

Наступил роковой день, и был объявлен приказ об отчислении из института. Не успели подписать приказ об отчислении из института меня, прибежал начальник общежития и требовал освободить комнату.

Судьбе угодно было нанести мне еще один удар именно в эти дни: моя любимая двоюродная сестричка Шакимжамал, теперь уже подросшая, прислала письмо с просьбой разрешить ей приехать ко мне, чтобы полюбоваться родной столицей и заодно встретиться со своим старшим братом, ставшим таким “большим” человеком, что живет в самой Москве.

У меня не хватило сил, чтобы разрушить иллюзию бедной сестренки и рассказать в каком бедственном положении находится ее “большой” человек. Из общежития нас не выселили до особого распоряжения. Тем временем я неожиданно получил телеграфный перевод на 250 руб. Прислал один из однокашников Ильяса по его просьбе. А потом все пошло хорошо: мы с Васей Молочко устроились на одну должность на фабрике фотопластинок рядом с институтом. Занятия мы почти не пропускали, ибо нужно было сдать экзамены на “отлично”, чтобы получить стипендию. Работать и учиться мне очень понравилось. Я решил так продолжать и дальше и, накопив деньги, пригласить Шакиш в Москву. Однако все сложилось по-иному: началась Великая Отечественная война. На второй день после начала войны многие студенты, имеющие оборонные специальности, полученные на различных кружках, добровольно вступили в Красную Армию и уехали на фронт. Среди них были Рома Улевич из Белоруссии и Костя Захаров из Пензы, с которыми я жил в одной комнате. Рома очень увлекался конструированием машин. Чертежи он читал легко, сам их выполнял очень быстро и, как говорили преподаватели, весьма квалифицированно. Конструировал он с наслаждением. Прошлым летом, когда мы вернулись с каникул, он говорил, что очень жаждет приступить к выполнению курсового проекта. Когда получил задание по курсовому проекту, он быстро и блестяще выполнил его, получив у профессора Каменова самую высокую оценку. К нему без конца обращались студенты помочь по курсовому проекту, и он охотно помогал. Во время курсового проектирования наша комната превращалась в небольшое конструкторское бюро. Война прервала жизнь талантливого молодого человека, из которого мог бы выйти крупный конструктор.

Костя Захаров в 18 лет стал членом ВКП (б). В Красной Армии он был политработником. С фронта Костя вернулся в звании майора со многими боевыми наградами.

В первых числах июля московское студенчество было направлено на строительство оборонительной линии под Вязьмой. Тысячи студентов и студенток лопатами копали противотанковые рвы, строили долговременные земляные огневые точки (Дзоты). Руководили работами студенты, которые по возрасту мало отличались от других, но имели какой-то опыт строительства. Тысячи молодых людей более трех месяцев жили и работали на совершенно открытой местности, вооруженные одними лопатами. Видимо, в тяжелые дни отступления нашему командованию было не до нас, что никому не делает чести. Стоило фашистам сбросить небольшой десант с автоматами (они в августе каждую ночь пролетали над нами бомбить Москву) и ничего не стоило уничтожить тысячи молодых людей, которые были резервом Красной Армии.

Но фашисты этого не сделали. Не сделали не потому, что они жалели этих молодых беззащитных людей,— жалости они не знали и беспощадно уничтожали в наших мирных городах и селах детей, стариков и женщин. В Смоленске в это время они разбомбили даже психиатрическую больницу. Не бросили десанта фашисты потому, что не додумались до этого. Такие и многие другие просчеты, в конечном счете, привели фашистов к краху.

Когда война началась, Ильяс находился в Риге, где заканчивал обучение в военно-политическом училище. В тяжелые дни июля и августа никакого известия от Ильяса я не имел и это меня очень тревожило.

В октябре, когда мы вернулись в институт, меня ожидало письмо от Ильяса. Он писал:

— С первых дней войны я стал политруком артиллерийской батареи. Воевать приходилось в тяжелых условиях, но за меня стыдиться не придется. Не сомневаюсь, и ты выполнишь свой долг в этой Великой Отечественной войне. В такой войне с человеком все может случиться: можно и погибнуть с честью, можно выжить, оставшись инвалидом или даже калекой. Как хочется, чтобы кто-то из нас остался в живых в любом виде и своими глазами увидел нашу победу!

“Увидеть нашу победу, будучи даже калекой!” — вот о чем мечтали советские люди в то грозное время. Как мы иногда забываем эту мечту!

“Железная дорога является родной сестрой Красной Армии”, — говорилось в те дни и студентам — железнодорожникам была предоставлена бронь. Наш институт был эвакуирован в Томск. Занятия в эвакуации были нерегулярно. Весь институт размещался в двухэтажном домике, состоящем из 4—5 комнат. Ни учебников, ни лабораторного оборудования не хватало. Многие студенты устроились работать на местных заводах. В этих условиях большая группа студентов добровольно вступила в Красную Армию. Я был в этой группе. В это время я получил письмо от Ильяса. Тяжело раненный он находился в госпитале в Свердловске. Как хотелось повидать его! В дни тяжелых боев конца 1941 года об этом можно было только мечтать. И неожиданно эта мечта осуществилась благодаря приказу Верховного Главнокомандующего о направлении со всех фронтов студентов 4-х и 5-х курсов для обучения в военные академии. Бои шли тяжелые, а Верховный думал не только об обеспечении предстоящих наступательных операций, но и о резервах кадров командного и инженерного состава.

Военные академии в это время находились в различных тыловых городах. Выбор был очень большой: академия бронетанковых войск, электротехническая академия, военно-транспортная академия, военно-воздушная академия им. Н. Е. Жуковского, которую я и выбрал. Она находилась в Свердловске.

Вскоре состоялась моя встреча с Ильясом. Если в мирное время наши встречи всегда были радостью для нас, то встреча в январские дни 1942 года, конечно, была особой, незабываемой. Ильяс был ранен под Старой Руссой в правую ногу. Предлагали ее ампутировать, но Ильяс не согласился. Сейчас он лежал в гипсе. Вместе с Ильясом в госпитале находился красноармеец из его батареи, тоже тяжело раненный в ногу. Он рассказывает:

— Мы с нашим политруком ранены во время атаки. Характер наших ран свидетельствует, что пули поразили нас, когда мы бежали вперед, а не назад.

Красноармеец, поступивший после нас в госпиталь в Костроме, где мы находились раньше, сообщил, что мы с нашим политруком за ту атаку представлены к орденам: политрук — к “Ордену Красного Знамени”, а я к “Красной Звезде”, — горделиво заявил он. Ордена, однако, Ильяс так и не получил. Вероятно, наградной лист где-то застрял. Не получил ордена и потом, когда в ознаменование 25-летия Победы над фашизмом все инвалиды Великой Отечественной войны были отмечены государственной наградой — местный военкомат не позаботился выполнить предписание вышестоящих органов, а сам Ильяс не проявил инициативу, удовлетворившись наградой за писательский труд.

В госпитале Ильяс находился полгода. Потом ему установили инвалидность и он уехал в Алма-Ату. Перед отъездом Ильяс приехал ко мне в Академию. Теперь Ильяс ходил на костылях, одна нога стала короче другой на 2 см. Потом, когда нога совсем зажила, на правой ноге он носил специальную обувь и хромота не всегда замечалась. Но ранение о себе давало знать всю жизнь. Несмотря на то, что за полгода он много страдал от боли в ноге, что боль и сейчас дает знать о себе, он был бодр, радовался от предстоящей встрече с родной землей.

— Родина у нас одна — Великий Советский Союз. За него я пролил кровь, готов отдать и жизнь. Но земля, на которой я родился, где я совершил первые шаги и вырос, мне очень дорога. Защищая Великую нашу страну, я защищал свой Казахстан. Это чувство он выразил потом в стихотворении “Елге Қайтқанда”, когда ступил на родную землю.

Елге Қайтқанда

Түтіні өркештеніп будақ-будақ,
Келеді оқтай ағып поезд зулап;
Майданнан жараланып елге қайттым,
Жүрегім дүрсілдейді аттай тулап...

Жұлдыздай зымырайды поезд ағып,
Самал жел сыбырайды сырын шағып;
Мен тұрдым көзімді алмай терезеден,
Қиялым елде қайда қанат қағып...

* * *

В Алма-Ате Ильяс устроился заведующим литературной частью драматического театра, а потом перешел в аппарат ЦК КП (б) Казахстана инструктором.

Через год от Ильяса пришло радостное письмо с фотографией его невесты. На фотографии была изображена очень красивая девушка с не совсем казахскими чертами лица. Я с трепетом ждал момента, когда в нашей жизни появится третий человек. Каков будет этот человек? Не нарушит ли нашу нежную братскую любовь, сложившуюся с детства?

Очень хотелось, чтобы будущую жену Ильяс полюбил не только за красивую внешность, но и за характер. Скоро они поженились. Свои думы о молодой супруге Ильяс выразил в стихотворении “Жарға”.

* * *

Ильяс очень любил свою Диляру, или как мы ее звали Дилю. Она оказалась достойной этой большой любви, с ним поделила его сложную, полную неудач и взлетов жизнь, вдохновляла на творческий подвиг и спасала его от тяжелого недуга. На ее долю с юных лет досталось столько трагических и драматических событий, что можно только удивляться, как она все это выдержала.

О прекрасных женщинах написано много прекрасных романов, рассказов, повестей, поэм и стихов, порою украшенных авторским воображением.

Книгу о хранительнице очага Ильяса можно было бы написать с натуры, не придумывая захватывающие сюжеты.

... Учеба в академии у нас затянулась, и на фронт мы попали только в середине 1944 года. Я воевал в 6-ом гвардейском авиационном полку (1-ый Прибалтийский фронт). Это было время наших триумфальных наступлений. В воздухе полностью господствовала наша авиация. Достаточно сказать, что за летний период мы на наших, быстро менявшихся прифронтовых аэродромах, не видели ни одного налета вражеских самолетов. Осенью меня отозвали с фронта в Академию для занятий в группе по подготовке аэродинамиков.

Через год состоялась моя радостная встреча с Ильясом в Алма-Ате. На встрече Ильяс был бесконечно счастлив победным окончанием Великой Отечественной войны, в которой активно участвовали мы все трое и вернулись живыми. Мечта Ильяса о том, чтобы кто-нибудь из нас увидел победу в любом состоянии, осуществилась с лихвой. Увидели все трое, я даже ни одной царапины не получил. Ахметкали “видел” точнее ощущал нашу победу душой, а не глазами. На фронте он получил тяжелую контузию, фактически потерял зрение. Но он мог работать по своей специальности — свет электрической дуги позволял ему осуществлять сварку металлов.

Работал Ахметкали в это время в Караганде и в одном из писем сообщал, что держится достойно, не считает себя обездоленным и несчастным.

Раны, полученные Ахметкали на фронте, оказались очень опасными. Через год он скончался. В его честь Ильяс одного из персонажей романа “Золотые кони просыпаются” — кадрового производственника, умного мастера цеха назвал Ахметкали.

В конце войны у Ильяса и Дили родился первый ребенок — Раушаночка. Ильяс перевез в Алма-Ату из Акмолинской области овдовевшую мать Дили и двух ее братьев — подростков. В это время Ильяс начал писать стихи и поэмы. Приведенные выше стихи “Елге кайытканда” и “Жарга” свидетельствуют о незаурядном поэте, который мог стать гордостью казахской поэзии. Именно в это время Ильясу хотелось хоть один раз сверкнуть в поэзии:

* * *

Тогда же он опубликовал две поэмы: “Айша” и “Тулеген”, положительно оцененные журналом “Литература и искусство” № 4 в 1945 г. в статье, посвященной 25-летию нашей литературы.

Так стартовал молодой поэт Ильяс в Казахской поэзии. Потом в журнале “Литература и искусство” Ильяс выступил с двумя рассказами: “Адамгершілік туралы әңгіме” и “Қасиет иелері”. Либретто оперы “Песня о благородстве” Ильяса получило третью премию на конкурсе, объявленном в Казахстане. Имя Ильяса Есенберлина было названо Сабитом Мукановым на съезде писателей в числе молодых талантов, влившихся в литературу.

По многим причинам Ильяс, однако, оставался еще в течение двадцати лет малоизвестным писателем, хотя он был автором нескольких поэм, повестей, пьес, киносценариев, либретто оперы и многих стихотворений. И лишь за последние 20 лет своей жизни Ильяс создал крупномасштабные эпические произведения, выведшие его на передний край советской литературы. Наиболее крупные произведения Ильяса посвящены исторической теме.

Незадолго до смерти в “Мыслях и выдержках” он писал: “Почему я сейчас больше увлекаюсь историей. От того, что современная жизнь мне не интересна? Нет, вовсе нет! Я люблю сегодняшней день, сегодняшнюю жизнь, ибо это жизнь моих потомков. Я сейчас оглядываюсь назад, потому что мои знания, мой кругозор от этого становится шире, содержательней. Ведь дерево, чем выше поднимается, тем корень его глубже уходит в землю. Так и человек. Чем больше он думает о будущем, тем больше хочет знать о прошлом. Иначе нельзя строить будущее”.

В последние годы жизни Ильяс работал над романом “Золотая орда” изданном полностью на казахском и русском языках после смерти автора.

Не удалось увидеть автору и романы “Битва в дали”, “Праздник любви”, “Радость белых лебедей”, написанные в последние годы жизни. Широкий диапазон тематики произведений Ильяса, но все они показывают, что талант Ильяса разносторонний. Таков был мой Главный человек, мой воспитатель, советчик и моя опора, мой незабвенный брат Ильяс, который старше меня всего на один год (в детстве нас принимали за братьев-близнецов). Эту разницу я подчеркиваю еще потому, что он воспитывал меня в детстве и юношеские годы, когда сам еще не окреп.

В более зрелом возрасте, через три года после окончания Военно-воздушной Орденов Ленина и Октябрьской революции Краснознаменной академии имени Н.Е. Жуковского у меня появился второй главный человек — преподаватель академии, полковник — инженер, Лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР, обладатель более 250 авторских свидетельств на изобретения, подавляющее число которых внедрено в оборонную промышленность, талантливый ученый Сергей Николаевич Лоцманов, подготовивший более 40 кандидатов технических наук, некоторые из которых, в том числе автор этих строк, стали докторами наук. О нем мы с профессором В. П. Фроловым написали очерк, который был опубликован в центральной газете “Красная звезда”. Я очень ценил Сергея Николаевича.

В моем сердце Ильяс занимает особое место. Ильяс прожил сложную, порою очень тяжелую жизнь. В океане жизни он видел штили и сильные, очень опасные штормы. Но его лодка переплыла океан.

Конечно, в тернистом жизненном пути у Ильяса был свой Главный человек, неоднократно помогавший ему прямо или косвенно. Особенно важны были для Ильяса два момента. Первый раз косвенная помощь Главного спасла Ильяса от тяжкого ложного обвинения. Второй раз главный поверил в талант Ильяса, в результате появились главные его произведения. Ильяс никогда этого не забывал. Это тоже особенность его характера. Все мы должны помнить своего Главного человека.

20.05.1986 г.

СИЛУЭТ ПО ПАМЯТИ

Когда Морис Симашко по телефону зовет меня гулять, мы часто говорим друг другу: “Встретимся у Ильяса”. Это значит — под мемориальной доской на доме по улице Джамбула, где жил Ильяс Есенберлин и где теперь смотрит на прохожих на редкость выразительная бронзовая его маска.

В ней точно передано выражение, которое было очень свойственно живому лицу писателя. Я бы назвал его выражением преодоления — преодоления болезни, усталости. Их следы остаются, но главным в этих чертах стало другое — мысль и воля.

Я узнал Есенберлина после того, как он стал директором литературного издательства, хотя знакомы мы были раньше. Помню, например, из тех времен: мы стоим с ним в летнем сквере, и он очень сердито и темпераментно выговаривает мне за какую-то публикацию в “Казахстанской правде”, а я стараюсь все смикшировать и перевести разговор в шутку. Есенберлин тогда работал на “Казахфильме” и газетный материал, следует полагать, касался киностудии.

Надо сказать, что Есенберлин человек уже немолодой и немало испытывавший (о некоторых трудных эпизодах его биографии я тогда не знал), считался в тот период литератором-средняком. Он выступал в самых разных жанрах — писал и поэмы, и повести, и пьесы, и сценарии, - и не без успеха: поэмы и повести издавались, пьеса шла в театре, по сценариям снимались фильмы, но особого шума его произведения не вызывали, и их автор был далек от литературного Олимпа.

Крупным писателем и крупным литературным деятелем, руководителем издательства, которое — единственное тогда в республике — выпускало художественную литературу, Есенберлин стал почти одновременно. Но писательское признание пришло все же несколько раньше. Есенберлин написал роман “Схватка” — очень острый, конфликтный, страстный. О романе заговорили: яркое и правдивое произведение о современности, построенное на резко выраженном, драматичном конфликте, и тогда было такой же редкостью, как и сейчас. Роман приобрел большую популярность, а имя его автора стали произносить в числе мастеров родной литературы.

Не так давно я прочитал в “Казахстанской правде” статью к 70-летию писателя. Меня просто поразило, что в статье не были даже упомянуты произведения Ильяса Есенберлина на современные темы. Конечно, заслуги писателя в создании национального исторического романа, да и вообще в создании нового подъема общественного интереса к прошлому казахского народа, велики. Но о наших днях он писал больше, чем о про-

шлом. Есть среди его романов о современности и проходные для него вещи, но “Схватка” и, вскоре последовавшая за ней “Опасная переправа”, — это завоевание всей казахской советской литературы. Это книги, глубоко раскрывающие “драмы идей” двадцатого века.

Вскоре после того, как Ильяс Есенберлин стал директором издательства, у меня произошли столкновение с ним — именно в этом его качестве.

У меня тогда выходила вторая книга. Говорят, что особых мучений молодому писателю стоит рождение его первой книги. Мой личный опыт свидетельствовал, что это не всегда так. По рукописи первой моей книги издательский редактор сделал четыре замечания. Я с ними согласился; за полчаса, сидя в библиотеке СПК, мы все исправили. И дальше все пошло без всяких приключений — без особенной поспешности, но и, не отставая от графика, моя тоненькая книжка вышла в свет, и в молодежной газете, которая славилась тогда весьма резкими критическими наскоками на произведения русских казахстанских литераторов, появилась на нее обстоятельная и доброжелательная рецензия.

Я понимаю, что хвастаться не хорошо. Но — клянусь! — так было единственный раз в моей жизни. Потом почти каждая моя книга выходила со скрипом — более или менее громким и нудным, но обязательным. Так что — это, собственно, даже и не хвастовство, а ретроспективное изумление перед тем, что физики называют флуктуацией, т.е. невероятным стечением случайностей, в которую я попал.

Вторая книга все поставила на свои места. Началось с того, что редактор (та же) мне на этот раз выдала массу замечаний, и даже когда наша работа над рукописью была закончена, сказала, что эта моя будущая книга “совсем не то” и что она ждала от меня другого (впоследствии, когда уже набранная рукопись попала в полосу испытаний, она привязалась к ней, как привязываются к больному ребенку, и мужественно ее защищала).

Но новому директору кто-то подсказал, что в выходящей в его издательстве рукописи есть некая крамола. Он затребовал ее, посмотрел и задержал в очень поздней стадии производства, когда ей достаточно было уже двух-трех дней, чтобы превратиться из куколки в бабочку. Начались довольно долгие мытарства, в итоге которых рукопись все же стала книгой, однако несколько похудела и лишилась массового тиража.

Никаких симпатий я в этот период к Есенберлину не испытывал, думаю, что и он ко мне. Поэтому меня сильно удивило последовавшее месяца через два его предложение пойти работать в издательство заместителем главного редактора, т.е. стать его непосредственным помощником по изданию художественной литературы на русский язык — оригинальной и переводной. Идти мне в издательство не хотелось, но Есенберлин был настойчив, в конце концов я согласился и проработал с ним все время до конца его директорства.

В этом приглашении, я думаю, проявилось характерное свойство Есенберлина: умение четко проводить границу, не путать кислое с пресным, не позволять личным пристрастиям затмевать ясность взгляда. Книга моя ему не нравилась, чем-то задевала его лично (помню, по поводу одного эпизода повести он резко сказал: “Думаете, моему сыну будет приятно читать это?” Я пожал плечами, наверно, неприятно, но что я могу поделать — так, к сожалению, было и вряд ли следует забывать, как было). Но во время разговоров по поводу рукописи, одинаково тягостных и для меня и для него, он, очевидно, достаточно узнал меня и решил, что я могу оказаться полезен для дела, и совершенно свободно переступил через антипатию, которая возникла у него ко мне как автору раздражавшей его книги.

Нет сомнения, что за все десятилетие существования в Казахстане издательства художественной литературы (название оно меняло не раз) Ильяс Есенберлин был наиболее авторитетным директором, игравшим важную роль в формировании литературного процесса. Во многом это, конечно, объяснялось тем, что в годы его директорства непрерывно росло его литературное имя. Романы появлялись один за другим — теперь он писал только романы, — и хотя были у них и ожесточенные противники, и хотя, действительно, художественный уровень новых произведений писателя весьма колебался (случай обычный при многописании), все же было ясно, что романист И. Есенберлин — заметное явление во всей многонациональной литературе Союза.

Но к этому у Есенберлина еще, несомненно, был четко выраженный организаторский и административный талант. Можно сказать, что свои административные обязанности он исполнял не только с полным чувством ответственности, но и с несомненной любовью. Директор сумел собрать сильный, работающий коллектив, и дело очень даже шло на лад. Выходило в свет все лучшее, что создавалось писателями республики, в том числе и книги, казавшиеся кое-кому чересчур смелыми (не буду скрывать, — бывали случаи, когда такие книги все-таки не выходили, несмотря на все усилия директора). И при этом все плановые показатели выполнялись и перевыполнялись, и издательство как предприятие было на самом лучшем счету.

Как удавалось Есенберлину сочетать административную и напряженную творческую деятельность? Он любил и ту, и ту, и совмещать их ему позволяли его железная воля и то “чувство границы”, о котором я уже упоминал. С девяти утра до шести вечера он был поглощен издательскими делами. Никогда не торопясь — жесты его были скорее медлительными, — он успевал переделать за рабочий день уйму дел. Но после шести часов Есенберлин переставал быть директором издательства. Он терпеть не мог вечерних и воскресных звонков по служебным делам, хотя бы самым

чрезвычайным. В это отрезок суток он хотел оставаться только писателем.

Как-то я спросил его, когда он работает. Илеке ответил:

— Прихожу домой, пью чай и ложусь спать. К десяти мои домашние успокаиваются, и я сажусь за стол и сижу часов до трех-четырех.

— И по выходным дням?

— Нет, в выходные дни я работаю мало. У нас, казахов, это время общения с друзьями.

— И сколько вы успеваете написать за ночь?

— Страниц пятнадцать — двадцать.

Ильясу Есенберлину, как и некоторым другим современным казахским писателям, несомненно, был присущ дух импровизаторства, позволявший их предкам — акынам создавать на айтысах “единым духом” тысячи вдохновенных рифмованных строк.

Один из исторических романов — не помню точно, “Отчаяние” или “Заговоренный меч” — в каждом из которых по двадцать печатных листов, — Есенберлин написал за месяц (январь). Причем из этого месяца выпало еще четыре дня в связи со смертью близкого друга Ильяса — талантливого писателя Капана Сатыбалдина.

И “Отчаяние”, и “Заговоренный меч” входят в трилогию “Кочевники” — признанную вершину творчества казахского романиста.

Разумеется, этому яростному январю предшествовала долгая работа историка, да и потом роман не месяц доделывался и редактировался. Но все равно такой взрыв творческой энергии вызывает у меня почтительное изумление.

Легко ли работать с Есенберлиным-директором? В общем — да, хотя иногда он бывал и несправедлив, причем непонятно, капризно несправедлив. Но это налетало на него порывами. Как руководитель он избегал мелочной опеки, сам, подобрав себе подчиненных, он предоставлял им широкую самостоятельность.

Есенберлин очень хорошо чувствовал в литературе все талантливое и любил талантливых литераторов. Прочная и тесная многолетняя дружба связывала его с Юрием Осиповичем Домбровским, хотя трудно было найти двух людей, более непохожих друг на друга по облику, натуре, привычкам, образу жизни. Размереннейший (во всяком случае в те годы, когда я его знал) и целеустремленный быт Есенберлина — и совершенно внебытовое существование Домбровского. Но Есенберлин отлично знал, что его давний друг (кажется, они и “странствовали вместе в горах востока”. Впрочем, не ручаюсь) — не только “гуляка мудрый”, не только “человек-фейерверк” (определение И. Щеголихина), но и работник высшего разряда, культурнейший и собраннейший, несмотря на внешнюю безалаберность.

Он усиленно привлекал Юрия Осиповича к переводческой работе в “Жазушы”. Во время приездов Домбровского в Алма-Ату я часто видел их прогуливающих рядом — невысокого Ильяса и возвышавшегося над ним на две головы Юрия, которого делала еще выше торчащая копна его цыганских черных до синего отлива волос. А в каждую свою поездку в Москву Есенберлин непременно бывал у своего друга-переводчика в его комнате в коммуналке старого дома в Малом Сухаревском.

Любил и ценил Есенберлин Мориса Симашко, Юрия Герта.

За деловитость он мог простить многое.

По моей просьбе директор принял на работу редактором поэзии моего друга и земляка Александра Скворцова. Он знал, что Скворцов — настоящий поэт. Знал и то, что живет он плохо, скудно. Наконец, знал, разумеется (кому в тогдашней литературной Алма-Ате это было неизвестно), что Саня не лишен богемных замашек и обладает очень упрямым характером. Но эти последние обстоятельства Есенберлин, видимо, недооценил. Скоро он очень разочаровался в Скворцове как в издательском работнике. И дело было даже не в том, что тот мог опоздать на работу или не прийти на планерку. Нет, тут Саня как раз не слишком злоупотреблял, а Есенберлин понимал, что большего требовать от него немислимо. Но Скворцов с его беспредельной преданностью поэзии, абсолютной верой в непогрешимость своего вкуса и, увы, полным отсутствием житейского такта часто путал издательскую дипломатию, что вело к жалобам и другим неприятностям разного калибра. Директор сначала пытался наставлять редактора русской поэзии, потом злился на него, а, в конце концов, просто перестал замечать, чтобы не портить безтолку нервы. Но помня, что Скворцов очень талантлив и что деваться ему некуда, не увольнял его, хотя сделать это мог бы запросто. Директор, сменивший Есенберлина, уволил Скворцова в два счета.

Может быть во мне говорит дружеская предвзятость, но мне кажется, что лучшего редактора поэзии, чем Скворцов — при всей его бестактности, которая даже меня, любившего его человека, часто бесила, — издательство не знало за все десятилетия своего существования.

Есенберлин придавал большое значение качеству перевода произведений казахских писателей на русский язык. При нем эти произведения для “Жазушы” переводили действительно серьезные русские литераторы, в том числе и большие художники русского слова, а не жены, дочери, невестки и тетки московских членов СП, как это порой имеет место сейчас. Директор был очень активен в установлении контактов с возможными переводчиками из числа талантливых русских поэтов и прозаиков и тонко понимал, чьи творческие индивидуальности могут дать лучшую амальгаму.

Неиссякаемая энергия Илеке была тем более удивительна, что здоровьем он никак не мог похвастаться. Болел он давно, и часто лицо становилось

пепельно-серым от затаенной боли. Наверно и движения его были такими замедленными потому, что более резкие превратили бы эту боль в острую. Но и в таком состоянии он не прекращал работы. Мне он объяснял, что ему необходимо двигаться, действовать — если он ляжет, ему станет совсем плохо.

Однажды — когда он работал уже секретарем Союза писателей Казахстана — мы вместе летели в Москву. Едва сели в машину, он закрыл глаза — сказал, что если будет смотреть вперед по движению, то у него сильно закружится голова. В аэропорту пошел в медпункт и принял какое-то лекарство. В самолете на него было страшно глядеть. Но в московской гостинице уже через час Есенберлин разговаривал по деловым вопросам со случайно встретившимся Чингизом Айтматовым, а через полтора часа пошел в правление Союза писателей. А ведь он ежегодно проделывал дальний путь по несколько раз.

Он был человеком очень жесткой самодисциплины.

Часто я встречал моего бывшего директора и в последние годы его жизни. Болезни, понятно, не оставляли его, но железный старик и не думал отступать, хоть немного поддаваться им. Писал в год по роману, работал на многих общественных местах, воевал. Противников у него по-прежнему было немало, и писателю приходилось с прежним упорством отстаивать то понимание литературы и истории, которое он считал верным и выражал своим творчеством. Правда, теперь ему помогало самое широкое признание читателей. Он стал действительно народным писателем — не по званию, а по сущности. Его романы с одинаковой жадностью читали и студенты столицы республики и аксакалы в самой дальней аульной глубинке. Номера “Простора” с частями его последнего произведения — исторической эпопеи “Золотая орда” — мгновенно исчезали с прилавков киосков.

Болеел он много лет, а умер внезапно, попав в больницу лишь накануне конца. Странно, но он и в гробу не казался умершим: лежал собранный, сосредоточенный, с упрямо выпяченной нижней губой. Человек, не исчерпавший себя, писатель, сказавший много, но не все, что хотел и мог сказать, боец, словно и сейчас готовый продолжать бой.

СЛОВО ОБ ИЛЬЯСЕ ЕСЕНБЕРЛИНЕ

Недавно общественность Казахстана отметила торжественное открытие дома-музея писателя Ильяса Есенберлина. Два года не дожил он до своего семидесятилетия. Ныне его имя стало уже легендой.

Для литераторов моего поколения он был не просто известным романистом, а, прежде всего, старшим наставником, доброжелательным и мудрым человеком. Его имя по праву вошло в историю казахской литературы. Нет ни одного аула, ни одного дома, в котором есть пусть маленькая книжная полка, где бы не знали Ильяса. В народе он был не менее популярен, чем, скажем, Бибигуль Тулегенова.

Ильяс Есенберлин — один из немногих писателей, ученых, деятелей культуры — тех, кто уже в наше время продолжил славные просветительские традиции Мухтара Ауэзова и Кыныша Сатпаева.

А сколько молодых авторов обязаны ему изданием своих первых книг, скольким даровитым писателям дал он путевки в большую литературу!

Воздействие его романов на молодое поколение писателей, несомненно, было огромным. Не менее важна в поддержке молодых дарований его работа и в должности директора издательства “Жазушы”, а позднее в секретариате Союза писателей Казахстана. Знаю это по собственному опыту.

В 1970 году в издательстве “Жазушы” вышел мой поэтический сборник “Зеленый архив”. Задорный, непричесанный, естественно, в чем-то уязвимый по литературной неопытности автора. “Доброжелатели” из “Литературной газеты” оперативно дали разгромную рецензию. По тем временам такой удар из центра сулил автору долгое забвение, издателям — самые строгие нарекания.

Директором издательства был в то время Ильяс-ага, писатель многоопытный, много уже претерпевший на трудной этой стезе, знающий цену критики и чем оборачивается она для начинающих авторов. Примеров тому предостаточно. На этот счет у него было свое мнение, и он умел принимать волевые решения.

И надо же, в это самое время готовился к печати мой новый стихотворный сборник. Казалось, участь его решена. И чудо — он вышел в срок, правда, более тщательно отредактированный. Понятно, это было возможно только благодаря независимой позиции директора и той творческой атмосфере, которая царила тогда в издательстве. Мне дороги те тоненькие книжки, выпущенные в начале семидесятых годов.

В 1973 году принимали меня в Союз писателей. Необходимые документы больше года лежали в приемной комиссии. Моими рекомендателями

были люди, далекие от официозной литературной элиты, в частности, ныне покойные поэты — Мукагали Макатаев и Александр Скворцов. Может быть, в этом была загвоздка? Но, оказалось, другая здесь крылась причина.

Надо сказать, что для некоторых писателей процедура приема в творческий союз затягивалась на годы: не проходили приемную комиссию или же не утверждались секретариатом Союза писателей. Последнее — было уже исключением.

И вот долгожданный секретариат. Атмосфера нервная. Подходит ко мне Ильяс-ага, в то время секретарь по творческим вопросам и председатель приемной комиссии. Берет за руку. Отводит в сторону и спрашивает в лоб:

— Что натворил?

Я в недоумении. Отвечаю, может быть какие-нибудь житейские дразги.

— Да нет,— отмахивается он.— Кому и какое ты читал стихотворение в последнее время?

И меня осеняет. Называю стихотворение, человека, которому недавно его читал.

Ильяс-ага усмехается:

— Прочитай.

Я прочитал.

— Нормальное стихотворение.

Похлопав по плечу, пошел на секретариат. В тот же день я был принят в Союз писателей.

А человек, которому я читал стихотворение “Аборигены” — о далеком севере, о моей родине, был, по всей видимости, штатным осведомителем. И здесь уже действовала другая организация. Ильяс-ага это хорошо понимал...

С тех пор прошло двадцать лет. У меня сохранился старый писательский билет, на котором значится подпись Есенберлина.

Если вспоминать о тех временах, то Дом Союза писателей был для нас самым родным домом, а для всех приезжающих литераторов — еще и гостеприимным. Тепло здесь встречали опального и не признаваемого в Москве Юрия Домбровского и многих других писателей. Реальная помощь во многом исходила от Ильяса Есенберлина. Но это уже другой разговор...

Ильяс Есенберлин начал как поэт. Первый его поэтический сборник, бывшего фронтовика вышел в 1954 году. В 1977 году издательство “Жалын” выпустило книгу его поэм “Звезды”. Готовил он издание своих поэтических работ и на русском языке. Видимо, поэтому и обратился ко мне с предложением перевести одну из своих последних работ, историческую поэму об Аль-Фараби, что я и сделал. Однако замыслы автора не успели осуществиться, поэма так и осталась неопубликованной.

Сегодня, просматривая перевод этого произведения, вижу злободневность многих размышлений автора. Собственно, поэма — это думы Ильяса о Востоке, о его историческом пути, о его будущем.

Что касается будущего, независимо от юбилейных дат, никому не заказано сказать доброе слово о жизни и творчестве замечательного казахского писателя Ильяса Есенберлина.

1985 г.

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО...

Было это в начале июля 70-го. В один из вечеров отец спросил: “Поедешь в Дубулты?” Вылетать через два дня.

Отец с матушкой меня баловали. Прошлым летом отправили в писательский дом творчества “Коктебель”, что стоял и стоит в сказочном уголке Восточного Крыма. Теперь предлагалось махнуть на другой конец Союза, на Рижское взморье. Поеду ли в Дубулты? Что за вопрос? Конечно. О чем разговор? Но, отчего так вдруг, почему раньше не знал?

Отец объяснил: Ильяс Есенберлин, собиравшийся еще с весны с женой и сыном в дом творчества, в последний момент обнаружил за собой неотложные дела. Ехать не может и отдает свою путевку мне.

Дядя Ильяс с тетей Дилярой стали заходить в нашу квартиру со второй половины шестидесятых. Жили рядом, в десяти минутах ходьбы. Шумных застолий Есенберлины избегали и приходили обычно, когда никто из посторонних не мог помешать доверительным разговорам наедине. Сидели, чаевничали, беседовали. Со слов матушки, толковали в основном о делах Союза писателей. Рассказывали друг другу байки о том, о сем, иногда вспоминали и о земляках из родного для обоих Атбасара...

Я не присутствовал при разговорах, но потому как знал характеры собеседников, мог наверняка представить, что тетя Диляра большей частью слушала, в разговор вступала мало. Другое дело, матушка моя. Она имела за собой обыкновение иметь на все про все свое суждение, и как обычно, нетерпеливо делилась с окружающими. Отец с улыбкой снисходил к встречающейся маме, а вот дядя Ильяс с интересом внимал ее высказываниям.

Есенберлин пребывал на пике читательского признания. Многотысячные тиражи его книг в момент расходились по рукам. Полоса горестей, лишений, невезения минула. Пришла наконец удача. Казалось, теперь то можно предаться всем удовольствиям нового положения живого классика национальной литературы.

В те годы многие именитые и не очень именитые писатели имели страсть наведываться из Алма-Аты в родные места. О чем, конечно же, заранее ставился в известность Обком или (в зависимости от ранга литератора) райком партии, чтобы те как следует подготовились к приезду знаменитости. Там, на родине, писателя поджидали обкомовский или райкомовский секретарь по идеологии, земляки. По заведенному порядку проходили многолюдные встречи прямо у въездных арок в центральные усадьбы. Аульчане толпами сходились в колхозные клубы посмотреть, послушать. То и дело прицокивая языком в ожидании заветного словца, простодушные земляки не знали с какого конца подступиться с тем, чтобы позвать писателя к себе в гости.

Под многоголосье одобрения и рукоплескания почетный гость облачался в чапан, как всегда, на воздухе к нему подвели дареного коня. Все кончалось долгим застольем. Обычные казахские дела. Если поездка подгадывалась к юбилею или другому примечательному событию из жизни литератора, то именинник вправе был ставить перед местными хозяевами вопрос о достойном его творчества вознаграждении. Лучше всего было, конечно, когда обком подсуетился бы насчет автомобиля. Худо для местного начальства оказывалось, если родом из их краев был не один, а два, а то и больше литераторов с именем. Одарить одного “Волгой”, так другой насмерть обидится, если ему выкатят затрапезные “Жигули” или “Москвич”. Конфуз? Не то слово. Как ему доходчиво объяснить, что фонды на “Волгу” в области кончились. А так без всяких завернули бы в атласные банты лучшую машину. Для хорошего человека ничего не жалко. Не надо расстраиваться. Видит бог, старались. Но писателя, как и ребенка, нельзя обижать. Литератор уязвлен до глубины души, оскорблен. Иной не сдерживается, кричит: “Кто он такой, что дали ему “Волгу”? Вам не стыдно за ширпотребовские “Жигули”?!”. Местное руководство в неловкости мнет-ся. Слов нет — стыдно. Но что поделаешь?

Есенберлин не практиковал нашествий по отчим местам, как не любил вообще выезжать без повода из Алма-Аты. Задумок у писателя было много и он торопился. Потому, может, не сознавал, не имел зримого представления о популярности своих книг в народе. Пожалуй однажды, (было это, когда его сын Козыкорпеш первый раз женился), в конце 70-х годов он про то прознал, когда поехал к сватам в Чимкентскую область. Вернувшись не скрывал потрясения помпезностью встреч и провожаний южан: “Никогда бы не подумал...”

В конце шестидесятых вместе с триумфальным восхождением он получил сполна понимание того, что такое склочность, завистливость товарищей по перу.

Только-только что в республике учредили государственные премии в области литературы и искусства. Одним из первых премию получил Есенберлин. Мало того, что со всех уголков Советского Союза идут в Алма-Ату письма читателей поднять тиражи “Кочевников”, так еще сама власть официально воздавала писателю самой главной литературной наградой. Как такое стерпеть? Более всего возмутились несколько именитых литераторов. Все вместе — так уж вышло — они оказались выходцами из одного края. Каждый из них в отдельности, сам по себе интересный писатель, имел своих читателей, пользовался благонамеренным вниманием властей. Казалось бы, кому какое дело до чужой удачливости? Ежели уж край, неважно радоваться чужим успехам — доказывай за письменным столом собственную сверходаренность. А иначе как?

Писательское злословие, помноженное на исконно казахскую дикарскую завистливость — штука еще та, природу которой, пожалуй, никому не одолеть, не разгадать. А тут еще ко всему прочему, как на грех, сбились в организованную группу почему-то сплошь земляки. Совпадения никакого тут нет: почему-то плодовитых бездарей из своих краев они не задевали. Упаси бог. Всем гамузом поддерживали, пествовали, выводили в люди.

Что они делали? В основном писали письма в ЦК, порой сговаривали молодых критиков на статьи в газетах, где эзоповым языком подначивали Есенберлина за непомерное увлечение ханством, намеками на необъяснимую плодовитость рождали молву о наличии у писателя, ни много, ни мало, бригады литературных негров.

Группа авторитетных писателей не знала удержу. Сила была на их стороне еще и потому, что они держались друг за друга горой, были сплочены, как если бы они, почти все прошедшие войну, объединились перед лицом смертельной опасности. В то время как Ильяс Есенберлин остался один на один на всю сплоченную группировку, никто из широко известных писателей не осмелился даже пожурить, пристыдить как-то смутьянов. Скажем, безоговорочно было влияние и авторитет в республике Габита Мусрепова. Но он непонятливо держался стороны.

Конечно, многие не перечили тому же Т. А. потому, что просто не желали портить отношений с ним. Себе дороже. А. — величина. Но в той же мере он — в чем ничего необычного для писателя нет — через верх был переполнен апломбом. Рассказывали, мог съездить по шее заартачившемуся таксисту.

Секретарем ЦК по идеологии тогда был Саттар Имашев. К несчастью для Есенберлина тоже земляк активистов групповщины. Про то точно не известно, но у Есенберлина возникали, время от времени находившие подтверждения сильные подозрения, что вдохновение, изощрявшееся в злоречивости, западники черпали в закулисной поддержке секретаря ЦК. Кунаев во всем доверял Имашеву, без одобрения последнего Первый секретарь ЦК не пропускал ни одно сколько-нибудь значимое гуманитарное начинание.

Естественно, идеологическому секретарю не сруки было взять да дать по губам землякам. Какая — никакая, но экстерриториальность у литераторов имелась, и тогда им не возбранялось по-свойски похулиганить. Понятное дело, не выходя за пределы профессионального круга. Но Имашев мог оказать услугу литературе хотя бы только тем, что стал бы, наконец, заворачивать письма на Есенберлина, не давая им ходу дальше сектора отдела культуры ЦК.

Само по себе землячество для казаха безнадежно великая вещь. Консервативная, упорная до неизживаемости, вещь. Надо еще помнить, что

писатели Казахстана — это горожане в первом поколении. Все они, обжившись на новом месте, разумеется, не забывали никогда, откуда и зачем пришли в столицу. Зачем — понятно. Кто как не они более всего помечены родовыми пятнами амбиций неутолимого вождения вселенской славы, торжества и могущества собственной личности.

Но мало кто из них признавался вслух о том, что по-настоящему почти все их сочинения имели внутреннее, местное значение. Даже в пределах самой республики русским любителям книг мало что говорили имена многих казахских писателей. Наглядное подтверждение популярности неказахских читателей получили считанные единицы. Ауэзов, Есенберлин, Олжас Сулейменов, Нурпеисов. Остальным ничего не оставалось, как благодарить судьбу, что дала читателя из своего народа.

Благодарней ценителя литературного письма, чем казах трудно отыскать. Издревле в народе сложился пиетет перед художественным словом, сам же сказитель непреклонно почитался. В то же время простодушный в большинстве своем народ был и остается далек от того, чтобы вникать в нюансы, оттенки, что собственно и является изюминкой в любом творчестве; путая оголтелый пафос с откровениями, принимал его за истинную магию сложения слов. Конечно, и тогда Казахстан был одной из окраин, глухоманью. Только в то время это было не так заметно, как сейчас. Возможно, отсюда бездумная готовность размещать в собственном сознании мифологизированные стандарты. Просвещенность тут ни при чем. Больше бы доверять собственным ощущениям и не было бы самообманства.

Сейчас неизвестно, кто первым открыл в Абайе философа. Хотя многие и в те времена нутром чувствовали, что морализаторство, назидания — это не совсем философия. Та самая философия, то самое любомудрие, чтобы можно было ставить героя романа Ауэзова впереди самого сочинителя. Абай — страдалец. Это казахский Жан Вальжан, задавший, по сути, программу исцеления мыслящего человека. Разве этого мало? Ведь иной страдалец и дюжины Цицеронов стоит. Но если мы так безотлагательно прониклись убежденностью в том, что Абай мыслитель, то давайте хоть не потешать внешний мир заклинаниями о том, де, будто герой Ауэзова великий философ. Там что, философов не читают?

Слог Ауэзова приятно удивил в пятидесятых годах гуманитариев Запада. Шли годы. Произведение писателя щекотало самолюбие зрелых мастеров и приходящих впервые в литературу. Было на кого равняться, было неслыханной честью кого, если расстараться, превзойти.

Ауэзов много размышлял над тем, как все обернется после того, как его не станет. Процессы в литературе, даже в литературе прежних времен не задавались и не задаются разумными повелениями, благими пожеланиями. Тем не менее, мэтр незадолго до смерти составил письмо — завеща-

ние, и адресовал его А. Его то он и выделил в хранители последнего представления среди всей поросли молодых казахских писателей.

В отзывах ценителей изящной словесности А. был глубоким литератором. Все было бы замечательно, но, по всей видимости, литератор тяготился рамками ограниченной популярности. Его мало кто знал в Союзе. Нет, большие писатели Москвы, Ленинграда ставили его высоко. Его переводил Василий Аксенов, с ним охотно вступали в многочасовые умствования зарубежные литературоведы. Но А. было тесно в Казахстане. Иной раз думается, живи он с ранних лет где-нибудь в Москве, все могло повернуться иным образом. Как истый казах он, близкий к европейцам по строю сознания, не мог, подобно никому в то время неизвестному выходцу из Джамбула Анатолию Ананьеву, переехать в Москву и за два — три года заделаться российским классиком.

Близкий друг А. и один из столпов антиесенберлинского содружества Абдижамил Нурпеисов прорвался на запад сочинением “Кровь и пот”. Луи Арагон как и в далеких 50-х г., когда он напутствовал шествие по Европе “Пути Абая”, на правах покровителя талантов с забытых богом окраин благословил и Нурпеисова. Союзному, а вослед и европейскому читателю открыл Нурпеисова перевод Юрия Казакова.

Придирчивостью к переводу отличался и Ильяс Есенберлин. Почему собственно и завязалось у него тесное общение с Морисом Симашко и Юрием Домбровским. Симашко с Есенберлиным сводила вместе страсть увлекать за собой читателя богатством воображения, склонность скрупулезно прописывать детали про то, как любят, страдают люди; долгий перебор в поисках точного единственного слова.

Симашко, как, впрочем, и все русские писатели, не касался постоянно возникавших среди казахских сочинителей усобиц. Не дай бог обмолвиться хоть словом, что, мол, краем уха прослышал, как намедни прилюдно столкнулись два казахских авторитета. Могли бы и не так понять. На пленумах Союза писателей, партсобраниях случались, время от времени, ожесточеннейшие противоборства, только что до мордобоя не доходило. Симашко и другие русскоязычные все слышали, но ничего не понимали. Верно, думали, что это неведомый до сих пор им национальный обычай, что-то вроде обряда похищения невесты.

Отец рассказывал (было это в шестьдесят пятом году) как переменялся в лице Симашко, когда он поприветствовал Мориса Давидовича обидным для евреев “мазлов”. Когда же отец продолжил донимать папешуями, мацой, канторами и прочими извлечениями еврейского колорита, писатель начал озираться по сторонам. Только на выдохе и спросил: “Откуда у вас все это?” Все объяснялось просто: отец в то время переводил “Блуждающие звезды” Шолом-Алейхема.

Муторное предприятие для казахского автора быть переведенным. Никто из русскоязычных писателей казахского не знает. Вот и сиди, копай подстрочник. Сделал, потом снова, как бог на душу положит причесывай опус. Только после этого да еще вдогонку с ежевечерними пояснениями, добавлениями на совместных, с переводчиком прогулках можно было решать, запускать ли свое детище в переложение на русский. “Кочевники” — это было несомненной удачей Есенберлина — вошли в резонанс с мастерством Симашко.

Летом — осенью начала 60-х постояльцы третьего дома отдыха Со вмина могли замечать Юрия Домбровского не раз и не два лазающим по грушевым деревьям. Размятые спелые груши текли за пазухой, линялая майка-сетка пузырилась и расплзалась пятнами. Он отирал руки о сатиновые бриджи и шел в направлении квадратной беседки, где на бильярде собиралась праздная молодежь, и среди которой водилось много приятелей и просто знакомцев Юрия Осиповича. Все знали, что этот, неизвестно откуда прибившийся в чиновничье пристанище, босяк пишет книги. Но мало кто из отдыхающих верил в то, как вообще может что-либо сочинять слоняющийся по августовскому солнцепеку неопрятный постоялец.

Как-то под вечер Домбровский отправился в город. В дом отдыха на следующее утро в воронке его доставила милиция: надо было рассчитаться за ночлег в вытрезвителе. Спрыгнув из автоузилица, он с милиционером заторопился к своему коттеджу. Вернувшись при деньгах, он выкупил оставшихся в воронке страдальцев, с кем только за одну ночь успел обнаружить неодолимое родство душ. Как и положено, расхмелил корешей и только после этого отпустил гостей. Расставались трогательно, сердечно

Спустя лет десять уже в Москве кинорежиссер Нурлан Ахтанов гостил в пестрой компании на квартире писателя. С начала застолья Домбровский заговорщически шепнул на ухо Нурлану: “Считай рюмки”. Ахтанов не понял и спросил: “Зачем?”

— После пятой не бери в голову — был ответ.

Есенберлин с Домбровским сдружились еще с пятидесятых годов. Понятно, что особенно оживилось их общение во время совместной работы над “Опасной переправой” и “Лодкой, переплывающей океан”.

“Опасной переправе” выпала счастливая судьба. Книга была встречена критикой с интересом, было много хороших статей, в том числе и в “Правде”, пошли читательские отклики.

Дядя Ильяс проникся тяготами неустройства быта Юрия Осиповича Есенберлин много хлопотал за него, пробивая заказы на переводы, частенько ссужал горемыку деньгами. Так что нет ничего удивительного в той доверительности, с какой обращался за соучастием к дяде Ильясу Домбровский.

Домбровский после переезда часто звонил, писал из Москвы Есенберлину. Текучка издательской рутины в “Советском писателе”, журнале “Дружба народов”, бытовые неурядицы Юрия Осиповича понуждали к активной переписке. И в прежние времена только единицы могли кормиться со своих книг. Домбровский, уже открытый для европейского читателя, так ничего и не поимел с творчества. Юрий Осипович просил Есенберлина содействовать пропуску застрявших в издательских бухгалтериях Алма-Аты не очень-то и больших денег.

... Вылетели в Ригу ночью. Сын писателя Козыкорпеш – улыбчивый застенчивый мальчик следующей осенью должен был пойти в десятый класс. Ни за что не разглядеть было в угловатом отроке будущего акулу национального капитализма начала девяностых. Кто вообще мог додуматься, что нас ждет? Тетя Диляра (близким привычней было называть ее сокращенно Диля), как и положено жене творца, жила думами и заботами дяди Ильяса. Интересная – отдаленно чем-то вызывала в памяти Индиру Ганди, – была несколько закрытой. В разговорах ограничивалась односложными ответами, замечаниями. Только иногда, когда ее что-то задевало, оживлялась, запальчиво разъясняла, убеждала.

В Риге встречал младший брат писателя Равнак. Он был ученый из оборонки. Полгода назад защитил докторскую диссертацию, связанную с его изобретением, если правильно запомнил, из области защитных свойств авиационных материалов. Жил в Московском (так называли эту часть города, населенную в большинстве своем русскими) районе Риги. Размеренный, неторопливый был противоположностью ртутному Ильясу.

Годы, проведенные вдали от малой Родины, по идее должны были сказаться на повадках, языковой памяти. Однако дядя Равнак в отсутствие практики прекрасно говорил на родном языке. Выписывал казахские газеты, что творилось у нас в республике знал хорошо. Помню, завел разговор о “Глиняной книге” Олжаса Сулейменова (сборник вышел в 70-м году), в подробностях поведал нам с Козыкорпешем о скончавшемся в то лето Ильясе Омарове.

Козыкорпешу приглянулся радиоприемник “ВЭФ”, что возвышался на серванте. Писательский сынок сосредоточенно принялся крутить ручку настройки. Здесь, у западных границ, четко и не ночью, как это было у нас в Алма-Ате, ловились “Голос Америки”, Би-Би-Си. Дядя Равнак заметил горящие глаза и без слов через тетю Дилю передал приемник племяннику. Козы удивился: “Это мне?”. Тетя Диля насмешливо сказала: “Тебе. Единственному наследнику всех Есенберлиных”.

Тетя Диля с женой дяди Равнака пеклись о нашем с Козы культурном росте. Сводили на органнй концерт в Домском соборе, затащили на спектакль гастролировавшего в Риге театра Советской Армии с Касаткиной в заглавной роли.

В Алма-Ате нас встречал дядя Ильяс с зятьями Муратом и Тимуром, отец. В машине писатель повернулся с переднего сиденья ко мне: “Ну, как Рига?” Черт дернул меня за язык, и я ляпнул: “Красивее Алма-Аты будет”. Дядя Ильяс уж очень нервно отозвался и не на шутку рассердился. Один из зятьев отвлек его, а следом и водитель завел разговор о детсаде, куда не мог пристроить ребенка. Дядя Ильяс кивнул головой: “Займемся”.

В то время он работал директором издательства “Жазушы”. Директорствовал до него пришелец из ЦК. Так тот установил железный порядок для подрабатывавших литераторов. Всем им наказывалось приходить на работу без опозданий строго к девяти утра, отлучки, непроизводительные разговоры беспощадно пресекались. Старшие и младшие редакторы роптали. Не понимает ортодоксальный партиец творческих людей, казарменный режим для которых, что серпом по причинному месту. Наверху не сразу спохватились отозвать цэковского руководителя. Когда опомнились, поставили Есенберлина. С его водворением сотрудники стали появляться на работе к одиннадцати.

Вскоре он перешел на должность второго секретаря Правления в Союз писателей. Закрепленную за собой машину без сожаления отдал в произвол моей матушки. На базар, по магазинам, еще куда, езжай без оглядки. Благо водитель дяде Ильясу — звали его Ануар — попался душа-человек.

На работу Есенберлин ходил пешком. Да и рядом от дома Союз был. Пешим ходом добирался он и до дачи. Как и возвращался своим ходом. Дорога вверх по улице Ленина занимала часа два. Неспешная прогулка в облегчение больного сердца — объяснял Есенберлин. Объяснение устраивало домашних. Немногие из близких догадывались о нужде сочинителя в уединении. Кто кое-что понимал — молчал. Молчал и сам писатель.

Дача Есенберлина располагалась, так распределили участки, между владениями Абдильды Тажибаева и ... А. У меня с той дачей произошла незадача. Товарищ по работе женился, и первое время новобрачным негде было жить. Есенберлины люди безотказные. Вот и пришло в голову через матушку просить приютить товарища с женой на дачный постой у Есенберлиных. Тетя Диля пришла в недоумение. Чужие люди, мало ли что. Но дядя Ильяс, как будто это доставляло ему личное удовольствие, напрочь согласился: “Конечно, какой разговор, пусть живут”.

Мой товарищ, вернее его благоверная, удружила. Вышло так, что когда Есенберлины приезжали на воскресенье покопаться в саду, они чувствовали себя на даче незваными гостями. Вдобавок ко всему я вместе с товарищем на той даче попался на глаза тете Диле на момент усиленной поддачи.

Много времени в Союзе занимали у Есенберлина обычные хозяйственные хлопоты. Приближалась конференция писателей стран Азии и Африки

и ему, второму секретарю Союза — рабочей лошадке секретариата — пришлось взвалить на себя массу неотложных забот. Подготовка к изданию обязательных авторов афро-азиатского движения, постоянно носиться между ЦК и Союзом в согласовании финансирования мероприятия, подолгу переговариваться, переписываться с Москвой, уточнять, перепроверять, переносить... Конференция — мероприятие небывалое для наших писателей — ожидалась в республике как событие эпохальное для всей казахстанской интеллигенции. Руководство республики хорошо это понимало. Кунаев, Имашев, зав отделом культуры ЦК Исиналиев открыли зеленый свет всем, направленным во благо форума просьбам, предложению Союза писателей.

Конференция проходила в сентябре 73-го. Дворец Ленина переполнился торжественно нарядной публикой. Первым в Президиуме появились Кунаев, Марков, Юсеф эс Сибаи... Кунаев спросил — сказано было не в микрофон, но все равно слышно было хорошо — стоявшего рядом Маркова: “Ну, как вам зал?”. Марков, обводя взором лежавшее перед ним пространство, протяжно ответил: “Прекрасный зал”.

В первом ряду президиума аристократичный Габит Мусрепов, врезавшийся в память почему-то исключительно белым пиджаком, Ануар Алимжанов, читавший лежавшую перед ним газету, с красным лицом Расул Гамзатов, московские литераторы, гости из-за рубежа. Вельможный египтянин эс Сибаи, лощеный Марков, молодой Олжас Сулейменов, автор знаменито известного “Футбола 1860 года” Кэндзабуро Оэ — было на кого посмотреть заждавшейся зрелищ Алма-Ате.

С годами движение афро-азиатских писателей стало выдыхаться, а после и вовсе распалось. Но в 73-м до всего этого казалось, было еще далеко. Что там ждало впереди — не хотелось задумываться. В том, далеком теперь сентябре, все было торжественно, значимо.

Гости разъехались. Год — другой и все куда-то ушло, улетело неведомо куда, растворилось.

Жизнь продолжалась. Есенберлин перестал, как бывало, захаживать к нам домой. Мы переехали на новую квартиру и в том доме жили сплошь писатели: вероятнее всего, дяде Ильясу было кого из наших соседей сторониться. Если приходил он, то по серьезным поводам, когда в его участии по-настоящему нуждались. Без него продолжала частенько приходиться тетя Диля. Она мучительно переносила непрекращающуюся травлю мужа. Что и говорить, мешали работать. Сам по себе дядя Ильяс чистый человек — сколько лет это уже продолжалось — никак не мог взять в разумение — и чего это он так стал поперек горла тому же А., что тот терял свое время и силы на групповщину? Матушка моя, привыкшая называть вещи своими именами, как заклинание повторяла: “Несчастные...”

Зимой 80-го года перед праздником Советской Армии мы с матушкой зашли к Есенберлиным. Дяди Ильяса дома не было. Тетя Диля спросила: “Читали сегодняшние “Известия”? Как оказалось, в газете вышел список кандидатов на Ленинскую премию. По литературе первый тур прошли: Думбадзе, Есенберлин, Егор Исаев. “Кочевники” выдвигались на официальное закрепление всенародного признания. Да, казахи получили, как оказалось впоследствии, последнюю возможность вослед за Ауэзовым получить еще одного лауреата главной премии страны. Все было опять превосходно, если бы не...

Подробностей сейчас открылось немало. Не приводя и малой части их, как и положено ожидать, можно отметить, что главными действующими лицами выступили опять же А. и его единомышленники.

В комитет по Ленинским премиям не замедлило прибыть письмо группы товарищей из Казахстана. Армяне, грузины и прочие нацмены в те времена как поступали? Они закатывали глаза до небес, упражняясь в красноречии, силой усаживали за насыщенные столы людей, от которых как-то зависело продвижение наверх земляка. В ход шли подарки, уговоры, звонки влиятельных в обществе людей, обращения в ЦК КПСС, руководство республики. Там сердцем болели за своих и понимали, что на алтарь вящей славы соплеменников должно быть брошено все. Прочь с дороги амбиции, уязвленное самолюбие!

Много среди нас чувственно невежественных людей, отдельные представители казахского народа завзято смешные люди. В комитете по премиям читали письмо. Переглядываясь, разводили руками. Во дают! И как заворачивали! Под лозунгом исторической — ни больше, ни меньше — справедливости, во благо литературы.

Все могло решить вмешательство Кунаева. Только один звонок в Москву. Кому угодно. Заведующему отделом культуры ЦК КПСС Шауро, Брежневу, Маркову... Кому — не важно. Имел последствия только сам факт звонка Димаша Ахмедовича. И премия была бы в Казахстане.

Творец и властелин... Исконно разностное понимание жизни, ее целей по логике коренных отличий, по содержанию притязаний духа должны разводить в противоположные стороны человека власти и художника. Однако сермяжность человеческой природы заключается в том, что человек истинно далеко не есть то, что он о себе воображает; не говоря уже о том, что пытается внушить, доказать окружающим.

У каждого из нас великое множество примеров, когда заявленные в произведениях творца декларации об органическом неприятии мысли сотрудничества с властью не выдерживали испытания при первом же столкновении творца с обыденной и суровой, как сама жизнь, необходимостью выживать в мире, где добро бессильно перед изобретательностью сил зла. Пленительная сила воображения спасает художника только на время,

которое он отводит под собственное творчество. А в жизни это самое воображение нередко толкает творца на самообман, что оборачивается обнаружением абсолютной беспомощности при проецировании выдуманных сюжетов на жесточайшие абсурдные реальности бытия.

Любого человека не раз и не два посещают тягостные сомнения от неизбежности поступиться свободой духа ради сиюминутных, но жизненно необходимых приобретений, смириться с трагической непреклонностью раздвоения личности. Поэтому, может это и оправдано, что творец сам не сознает, что духовная свобода кончается там, где начинается, пускай даже по поручению сердца и души, потворство и угождение власти. Подобные повороты любопытны тем как, всякий раз натешившись потрясениями от вероломства, творец с необъяснимым упорством и неугасимой надеждой, едва оправившись от удара судьбы, вновь спешит очутиться в плену иллюзий.

И ему невдомек, что построив психологически изобретательно внутренний мир властителя, выверено и точно указав на главную побудительную причину возникновения претензий к обретению господства над людьми, сняв покровы с таинств души поднебесного человека, он (творец) в житейской реальности напрочь забывает о том, что миром правят исключительно страсти, которые он с упоением описывал в своих лучших романах.

...Что заставило Кунаева удержаться от звонка — до сих пор неизвестно. Наверняка он имел с кем-то из местных разговор. Логика начавшейся шумихи, последовательность эпизодов вокруг выдвижения “Кочевников” обязательным образом обращала его за чужими мнениями, советами, как в самом ЦК, так и во вне его. Но советы советами, а решать надлежало ему одному, принимать, как положено первому коммунисту республики, все на себя. Послать всех к дьяволу и позвонить, положив трубку, просто цыкнуть на интриганов и все. Но Кунаев так и не снял трубку вертушки и не набрал три на то время заветные цифры.

На комитете Георгий Марков по существу цитировал письмо западников, говоря, что роман малознаком читателю. Как по заказу и Расул Гамзатов сказал, что роман вообще не читал. Остальные молчали. Один Чингиз Айтманов поддержал “Кочевников”. Габит Мусрепов, член комитета от Казахстана, на всех трех заседаниях отсутствовал.

Премии получили Думбадзе и Исаев. Про Егора Исаева — вот это правда сущая — до выдвижения на Ленинскую в стране вообще никто не слышал. Непостижимо было и то, как он премию получил и года через полтора куда-то запропастился. Был Исаев и нет его. Аккан жулдыз.

Как дядя Ильяс перенес кампанию с премией не знаю. Даже сейчас — сколько уже лет прошло — представлять, домысливать без него — занятие беспредметное. Кому-то судьбой наказано и через это пройти. Судьба подлинного писателя всегда трагедия. Сомнения, постоянная борьба с самим

собой на самом краю. И нет в том никакого утешения, что это необходимая, обязательная плата за некую тайну, коей небо наделяет творца.

Осенью 82-го матушка попыталась усадить меня за письменный стол. Хватит попусту болтать! Пиши. Но я не умею, последний раз писал что-то от себя, когда учился в школе. Не важно. Заладила: пиши, дурак. Должно что-то получиться. Не боги, в самом деле, горшки обжигают. Я не знал, как это делается, как и про что вообще можно сочинять что-либо интересное для посторонних. В минуту очередного препирательства она скомандовала: "Поехали к Галине Васильевне!" Было что-то около десяти вечера. Вроде поздно, попробовал я увильнуть. Может другим разом. Нет! Сейчас же!

Галина Васильевна Черноголовина давно дружила с моим отцом. Одно время мы близко соседствовали. Светлая личность, тонкой организации души человек. Именно она, как чувственно понимала матушка, и могла побудить меня основательно усесться за письменный стол.

Галина Васильевна не удивилась нашему позднему появлению. Обрадовалась, засуетилась, захлопотала. Матушка взяла быка за рога. Вбейте, Галина Васильевна, этому дураку, что надо писать. А разве он что-нибудь написал? Нет. Но это, как вы понимаете, сущая ерунда. Конкретная Черноголовина непонятно почему для меня согласилась с матушкой и обратилась ко мне: "Что-нибудь набросайте (ко всем большим и малым она обращалась на "вы"). Я почитаю, потом подумаем, как быть". А про что писать-то? Да без разницы.

Никто до и после не возился столь терпеливо со мной, как Галина Васильевна. Когда матушка сообщила Есенберлину, что я прошел курс с Черноголовиной, он, как помнится, хмыкнул что-то неопределенное. Я прикидывал, что в "Просторе", куда собирался отдать материал для пущей важности можно сослаться на одобрение Черноголовиной. Галина Васильевна категорически запретила ссылаться на нее. Тотчас же зарубят. В главных редакторах журнала находился тогда друг помощника первого секретаря ЦК. Помощник Кунаева с Галиной Васильевной были на ножах. В каждой избушке свои погремушки.

В середине апреля следующего года в "Казправде" вышла моя первая статья. Содержанием своим сводилась к сугубо приземленной проблеме: как экономить топливо и энергию в металлургии, используя вторичные энергоресурсы. Статья как статья. Ничего особенного. Но в подоплке у меня и матушки покоилось желание как-то отметить в главной газете Казахстана. При всей приподнятости от выхода материала, я все же догадывался, что в статье неприглядная злоба дня стояла далеко в стороне от того, чтобы считаться пробой пера и касалась газетная премьера только лично одного меня. Потому я и был ошеломлен, когда через два дня после выхода газеты, в воскресенье на пороге нашей квартиры появился дядя Ильяс

и тетя Диля. В руках последней были гвоздики. Черт побери, — стало не по себе. Цветы это уже слишком. Однако чего скрывать — столь теплое соучастие пришлось по нутру.

Отец почти четыре года был парализован. Дядя Ильяс любил его, как старшего брата. Все понимали — инсульт — это приговор. Все в доме было из рук вон. При этом я продолжал метаться, не ведая себя. Есенберлин все это видел и пришел 17 апреля, что было поразительно, не столько к родителям, а лично ко мне! Он не знал, насколько серьезны и обоснованы ли вообще мои поползновения в литературе, но всегда рад был любому, пусть маленькому, но шагу вперед с моей стороны. Делай, же, что-нибудь! Только не стой на месте.

Мы долго пили чай. Дядя Ильяс рассказывал: Матушка слушала, качала головой, прижимала характерно указательный палец к щеке: “Мас-қара-а-а!”. Разговор крутился вокруг очередных эскапад завистников. Упомянул Есенберлин Какимжана Казыбаева, на которого наскочил кто-то из крикунов.

Больше я не видел дядю Ильяса. В последний раз я подправил материал и попросил писателя Анеса Сараева передать в “Простор”. Матушка позвонила Есенберлину и подговорила надавить как следует на кого надо. Через какое-то время он сообщил, что давить ни на кого не надо: редактор отдела Валера Михайлов твердо заверил, что печатать будут...

В октябре того же года Есенберлин умер. Пришла полоса, и корифеи один за другим стали уходить. Постепенно все стало забываться, стираться, сходиться на нет. Безрадостные обстоятельства пришедших времен обошли и героев минувшей поры: жизнь и судьба сочинителей стали преданием старины...

Безнадежно самонадеянным занятием было бы рассуждать об участи оставленных после себя произведений. Еще более наивными, далекими от истинности — к счастью или несчастью — истолковывания, выпавших на долю книг и их авторов. Глупо и смешно для писателя по призыванию накликавать для себя умиротворения в тихой заводи лицемерной благостности собратьев по перу. Доказательства подобной признательности могут представить многие литераторы. И лишь единицы наделены доблестями выстраивать вокруг себя и собственных сочинений череду неожиданных событий, невероятных приключений, способных обрести самостоятельную жизнь, но в уже новом творении о трагедии и триумфе художника. Кто отважится назвать подобный удел счастливым? А, в общем-то, каждому свое.

ВЫБРАВШИЙ СВОЮ ПОВОРУ

Кажется, только вчера ушел из жизни Ильясенберлин, чье творчество при его жизни вызывало не только восторженные отзывы рядовых читателей всей республики, но и негативную реакцию власть имущих. И коллеги относились к нему и его произведениям далеко неоднозначно. Были друзья, высоко ценившие его творчество, были и активные, влиятельные недруги. Последние руководствовались различными мотивами: идеологическо-охранительными, личными и, наконец, обычной ненавистью бездарности к истинному таланту. Линия жизни этого, внешне неброского, но внутренне богатого человека, характеризуется драматическими изломами, тогда как у иных она нередко представляет собой плавное движение по восходящей. Почему так сложилась судьба Мастера? В чем причина: в характере или обстоятельствах? А может быть, все дело заключается в самом творчестве писателя Ильяса Есенберлина? В том, о чем, для чего и для кого он писал? В этой статье я попытаюсь дать ответ на эти вопросы.

Сразу признаюсь: Илекен никогда не приближал меня к себе, не старался перетянуть на свою сторону. Он лишь давал мудрые советы, а если у меня возникали трудности личного характера, я слышал от него: “Это твое дело, сам разберешься”. Сегодня я вспоминаю трудные дни, когда его трилогия “Кочевники” была выдвинута на соискание Ленинской премии. Прошло уже три месяца со дня выдвижения, но ни один печатный орган Казахстана в обсуждение не включился, все молчали. Все это происходило как будто по специальному указанию. В эти дни мы случайно встретились. Склонив голову, он шел по улице, со мной поздоровался сдержанно. Откровенно ничего не говорил. Тогда он сказал: “Из Москвы получил сообщение. Оказывается на меня поступила жалоба. Я должен дать объяснение на нее. От республики просят отзыв с мнением. Они ответили в Москву: “Мы воздерживаемся. У нас другое мнение. Эта книга у нас критиковалась”. “Меня удивляет, почему печатные органы играют в молчанку”, — были слова Есенберлина. “Хоть бы критиковали, но высказали собственное мнение. Как будто много других произведений, выдвинутых на соискание премии. А впрочем, пусть сами решают. Самое главное, остановились бы жалобы... Мне стыдно перед девушками-секретарями в Комитете по премиям, которые говорят, что кроме как из Казахстана, из других мест жалоб не поступает. “Приостановите их”, — говорят они мне. А что я могу сделать?”, — взволнованно говорил Илекен. Через неделю после встречи в газете “Қазақ әдебиеті” вышла моя статья о нем. Илекен никак не выразил свое отношение к статье. “Видал”, — коротко сказал при новой встрече

и пошел дальше. Видимо, уже в то время он предчувствовал, что его надежде на официальное признание не суждено сбыться.

Конечно, то, о чем мы сегодня пишем открыто и прямо, еще недавно не могло быть опубликовано. Мы еще не раскрыли всей правды до конца. Сегодня, оценивая жизненный путь писателя, мы по-новому смотрим на многие стороны его жизни и творчества. Пришло время посмотреть на вклад писателя в литературу вдумчиво и разносторонне. Он уже не сможет ответить на какие-то обвинения и клеветы. Ответ он дает своим творчеством, своими произведениями. Я не собираюсь делать из Ильяс Есенберлина национального героя, но хочу подчеркнуть, что он, испытавший много тягот в жизни, никогда не уклонялся от подстерегавших его трудностей, не боялся своей судьбы. Он выбрал свою единственную дорогу в жизни и не выбирал других. И хорошее, и плохое он обрел на этом пути. Достиг ли он своей мечты или нет, — это уже другой вопрос. Он всегда был верен избранному пути.

В шестьдесят пятом или шестьдесят шестом году Илекен сказал своей супруге: “Вот, байбише, я опять рискую. Сегодня я начинаю роман о Кенесары”. Когда она услышала это, то ударилась в слезы. Чтобы подтвердить, так ли это было на самом деле, я недавно обратился к Дилара-апай: “Да, это правда, так и было. Когда мы поженились, он работал в Центральном Комитете. Однажды его вызвал один из секретарей и сказал: “Ты женился на дочери врага народа. Теперь тебе не место здесь. Ищи себе работу”. Мой отец Хамза Юсупбеков был народным комиссаром юстиции, работал директором издательства. В 37-м его арестовали. Вспомнив это, я и заплакала. Ведь спор о Кенесары Касымове и его роли в истории продолжается до наших дней”, — говорила она. Так что рисковать в своей жизни Есенберлин стал много лет назад.

Только недавно мы стали открыто говорить о тяжелой судьбе казахской интеллигенции в двадцатые годы, о гонениях и несправедливостях, пережитых ею. О жизни интеллигенции в тот период впервые двадцать пять лет назад Ильяс Есенберлин художественно и правдиво написал в романе “Опасная переправа”. В нем как бы воочию видишь живые образы Бернияза Кулеева, Магжана Жумабаева, Кабыша Шакаримулы. Вспомните, как один из героев романа говорит о 37-м годе, о том, что ежедневно людей арестовывают как врагов народа. Это наносит огромный урон казахскому народу. В шестидесятые годы не каждый осмелился бы писать об этом открыто в своих произведениях.

Не секрет, что еще до вчерашнего дня были люди, считавшие, что жизнь произведений Есенберлина коротка. Не буду называть их. Каждый поймет, о ком идет речь. Приведу такой пример. В настоящее время раздается много голосов, что, дескать, не уделялось должного внимания развитию

национального языка, традициям и обычаям. Но ведь еще в 60-е годы Ильяс Есенберлин от имени своего героя высказывал эти мысли (“Опасная переправа”, диалог Буркита и Ахана). Здесь речь идет не только о пробуждении национального самосознания, но и смело высказывается мнение о национальной политике. Нам хорошо известно, как в наши дни обострился национальный вопрос, и это тревожит. Все это показывает, что проблемы, поднятые в произведениях писателя, не устарели и сейчас. И они не решатся за один день, на это потребуются длительное время.

Роман “Опасная переправа” был встречен молчанием. Но когда вышел роман “Схватка”, развернулась активная дискуссия. В чем здесь причина такого неоднозначного восприятия, трудно сказать.

Ильяс Есенберлин прожил сложную трагическую жизнь. Есенберлин всегда в последнюю очередь думал о своей судьбе и именно поэтому смог высоко поднять знамя духовности и гражданственности.

Талант раскрывает тему, или тема помогает раскрыться таланту, об этом ведется нескончаемый спор в литературной среде. Ясно одно: дарование Есенберлина наиболее полно раскрывалось именно на разработке исторической тематики. В особенности в трилогии “Кочевники”. Он успел вкушать плоды успеха романа “Золотая орда”, но ему не суждено было увидеть обложку последней книги трилогии. За пять дней до смерти он мне сказал: “Мне попадаются непонятные редакторы, они только и знают, что читать мне мораль”. Но в этот период ему повезло: попался опытный, хороший редактор. “Если получу в руки третью книгу (“Золотая орда”), тогда спокойно лягу в больницу. Ожидая выхода этой книги, я не могу выполнить требование врачей — лечь в больницу”, — говорил он. Такова была последняя мечта Илекена. Из-за трилогии “Кочевники”, которой он гордился, на него обрушились благонамеренные официальные критики, он подвергся организованной яростной травле.

Особо писатель ценил роман “Хан Кене”. Полностью довести до конца выбранную тему я смог только в “Хан Кене”. Московские издатели пять месяцев держали книгу, требуя изменить первоначальное название “Хан Кене”. Я не соглашался. В конце концов, книга вышла под таким названием. Она явилась выполнением моей задачи. Я хотел бы при жизни увидеть обложку своей книги”, — говорил он. Видимо, поэтому и для массового читателя так притягательна художественная сила романа “Хан Кене”. О проблемах, поднятых в этой книге, мы и ныне говорим еще не в полный голос, а Есенберлин более двадцати лет назад рискнул открыть в казахской литературе новое направление, которое до него никто не мог реализовать, — жанр литературно-художественной летописи. Именно это произведение снискало писателю горячее признание многотысячной читательской аудитории.

Трилогией “Кочевники” Ильяс Есенберлин, как и своим первым романом “Опасная переправа”, способствовал пробуждению национального самосознания своего народа. Взявшись за очень трудную тематику, он, тем самым, выбрал для себя очень нелегкий путь, на котором его ждало много гонений и несправедливостей. Своей главной целью считал пробудить народ, заставить его думать о завтрашнем дне, не забывая уроки прошлого, когда народ стоял перед угрозой исчезновения. Эту мысль он выразил в разговоре хана Касыма с Онай-батыром (“Заговоренный меч”).

Нельзя лишить народ его истории и превратить в манкуртов. Когда сегодня я вспоминаю Илекена, я верю, что в дальнейшем откроется еще много интересных фактов, связанных с его жизнью, появятся глубокие исследования его творчества. Когда я пишу эти строки, – я отдаю дань памяти Илекена – Ильяса Есенберлина, скромного человека с великой душой, еще вчера жившего среди нас, чьи произведения до сих пор волнуют, заставляют думать читателей, вызывая бурные споры. Его творчество еще раз подтверждает, что правда всегда побеждает. Есенберлин знал, как бороться за свою правду. И этим он для нас дорог.

ЛОДКА, ТАК И НЕ ПЕРЕПЛЫВШАЯ ОКЕАН

Печальная эпопея романа Ильяса Есенберлина

Ильяса Есенберлина — выдающегося казахского писателя, одного из самых читаемых в республике повелителей слова — представлять не надо.

Своими романами он будоражил наши зацикленные души, протирали наши сонные глаза, прочищал забитые имперски-идеологическим сором уши и чуть ли не кричал: “Эй вы, послушайте! Вы не безродные пигмеи, у вас были свои герои и злодеи, свои властелины и плебеи, славные победы и горькие поражения; на этой древней земле некогда клокотали шекспировские страсти — словом, у вас есть своя, ни на чью иную не похожая История, которая ничем не хуже Историй... других. Так проснитесь же и прядите ее нить дальше”.

Сейчас, когда центральная пресса уже перевалила через пик бума стенаний, когда чуть ли не каждый в той или иной степени владеющий пером, отбил себе грудь, доказывая, как отчаянно он боролся с Системой, когда ученики, поклонники, коллеги, соседи по квартире и даче и даже случайные знакомые мэтров, ушедших в лучший мир, наперегонки пишут о всеобщей травле именно их кумира, когда уже полностью выпотрошены столы, сундуки и чердаки,— в нашей республике царит почти полная благопристойная тишина, как будто и не было у нас вовсе талантов-страдальцев. Лишь изредка, и то лишь большей частью по траурно-юбилейным датам, обронят горькое слово о том или ином печальном эпизоде с имярек, и на этом все. А иные и вовсе, справедливо бичуя казахскую литературу (впрочем, вряд ли можно назвать вполне объективным любое суждение по этому поводу, не учитывающее общее состояние всей советской литературы, включая стоальную, а она, увы, весьма далека от мировых стандартов), чуть ли не главным признаком слабости наших литераторов считают то, что они не писали в стол.

И, описывая злоключения этого романа И. Есенберлина, мы смеем сказать, что в казахстанских столах кое-что есть, и попутно хотим выразить надежду, что подобные “хождения по мукам” произведений больше никогда не повторятся, но если все же они случатся, то станут достоянием общественности и загонщики таланта, истинного Таланта, незамедлительно получат по заслугам.

Мы разбили свой скромненький сказ на две части: в первой — вещают только документы, они достаточно красноречивы; во второй — изложили мысли умудренного писателя, впечатления тонкого читателя и наши бесхитростные комментарии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АППАРАТНЫЙ ЛАБИРИНТ

Письмо №1

Генеральному секретарю
ЦК КПСС
Тов. Брежневу Л. И.

... С тех пор, как я лично Вами был восстановлен в партии, прошло двадцать лет.

За это время я написал десять книг, большинство из них переведены на русский язык и изданы ведущими издательствами Москвы (“Советский писатель”, “Молодая гвардия”, “Известия”), стал лауреатом Государственной премии Казахской ССР, получил несколько правительственных наград. Всю свою жизнь, помня о вашем личном участии в моей судьбе, я сейчас написал роман “Лодка, переплывающая океан”...

По отзывам писательских кругов, книга удалась. Однако секретарь ЦК КП Казахстана тов. Имашев С.Н., прочитав один из ее первых вариантов, категорически запретил не только издавать, но даже давать ее читать кому-нибудь для совета.

Будучи уверен, что он не прав, направляю рукопись своего романа Вам, зная Вашу занятость большими государственными делами, очень прошу, разумеется, если сочтете возможным, поручить кому-нибудь из ответственных товарищей, знакомых с художественной литературой, — дать свое заключение.

Писатель И. Есенберлин, 31 октября 1974 года.

В тот же день он отправляет.

Письмо №2

Глубокоуважаемый Динмухамед Ахметович!

Один из первых вариантов моего романа “Лодка, переплывающая океан” был передан Вам с просьбой ознакомиться и сделать необходимые замечания. Однако роман попал к тов. Имашеву С.Н., который, вместо оказания творческой помощи, встретил его в штыки... Мало того, тов. Имашев передал свое отрицательное отношение к роману через ЦК КПСС в журнал “Новый мир”, куда мною был представлен для ознакомления первый вариант (редакция журнала была предупреждена мною, что это не окончательный вариант).

...Сейчас я посылаю Вам окончательный вариант романа и очень прошу, коль позволит Ваше здоровье, прочесть его самому.

Этот же вариант я послал лично Леониду Ильичу Брежневу. Учитывая особую политическую важность поднятых в романе вопросов, прошу не отказывать в моей просьбе.

И. Есенберлин, 31 октября 1974 года

Прошло четыре года...четыре!
Писатель пишет вновь, теперь

Письмо №3

Глубокоуважаемый Динмухамед Ахмедович!

Пять лет я работаю над романом “Лодка, переплывающая океан”, посвященным одному из главных исторических периодов нашей республики (шестидесятые — семидесятые годы).

В нем нет идеологических ошибок. Книга написана с сугубо партийных позиций методом социалистического реализма.

Я еще в мае представил окончательный вариант своего романа в издательство “Жазушы” с учетом замечаний, сделанных товарищами Имашевым С. Н., Исиналиевым М. И., Алимжановым А. Т., Елеукеновым Ш. Р. и секретариатом СП Казахстана. Однако, по книге до сих пор нет конкретных решений.

Замечания, которые делают товарищи из идеологического отдела ЦК КП Казахстана, что будто нельзя брать литературными образами работников ЦК, считаю совершенно неверными, ибо предметом литературного воплощения могут быть все, начиная с великого В. И. Ленина, и кончая рядовым коммунистом... Другое дело, если образы этих людей будут искажены, но этого нет в моем романе. В моей книге написана правда. Только Правда! В чем же дело?

Русский перевод готов и сейчас находится в Москве, но поскольку мой роман переводное произведение — обязательным условием его публикации является издание его на родном языке.

А издать его на родном языке я могу только здесь, в родной республике. Поэтому еще раз обращаюсь к Вам и прошу Вашей помощи.

Ильяс Есенберлин, 19 октября 1978 года

Справка №1

Скоробогатова в ЦК от 20 декабря 1978 г. № 1-8/34783

Не владея в достаточной степени всей полнотой материала, писатель впадает в субъективизм, приходит к ошибочным суждениям...

Отрицательные персонажи наделены фельетонно-памфлетными характеристиками.

Чтобы читателям было ясно, о каком времени идет речь, автор в ряде случаев называет конкретные имена деятелей — Л. И. Мирзояна, И. О. Омарова, Ж. Шаяхметова и др. Находим мы и фамилии ныне здравствующих лиц, например, М. А. Лаврентьева, П. К. Пономаренко, причем Пономаренко у него отрицательный (172с.).

Образы партийных и государственных руководителей оказались крайне обедненными.

... создается впечатление, что ТАМ (выделено мною.— С. К.) подвизается много мелких людей.

Положительный герой — писатель Айбол — становится высшим судьей, безапелляционно дающим оценку всем и каждому.

О своем творчестве писатель чрезвычайно высокого мнения: “В книжных магазинах очереди: оказывается, поступил в продажу исторический роман Айбола”, “Это настоящая удача, такой книги у нас еще не было”.

Кто это? Есенберлин?

Говоря о периоде начала освоения целины, автор ставит вопрос: несет ли она счастье? И отвечая на него, автор не нашел ничего более типического, чем факт об убийстве местным уголовником, парня приехавшего вместе с первоцелинниками.

Сцена этого оставляет тягостное впечатление.

Новое произведение И. Есенберлина — проблемное.

Проблемой №1, занимающей десятки страниц рукописи, является вопрос о необходимости реабилитации алаш-ординских деятелей Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсунова.

Автор нарушает норму писательской этики, бездоказательно разделяя своих собратьев по перу на “чистых” и “нечистых”, берет под сомнение истинную художественную ценность творчества ряда казахских литераторов.

Вердикт №1

27 декабря 1978 года

Писатель И. Есенберлин в течение пяти лет периодически обращается в ЦК Компартии Казахстана с жалобой на издательство “Жазушы”, которое отказывается опубликовать его роман “Лодка, переплывающая океан”.

Автору неоднократно указывалось Госкомитетом и в отделе культуры ЦК КП Казахстана, что издательство поступило правильно, отклонив рукопись, искаженно представляющую духовную жизнь и деятельность

крупных партийных и советских работников, представителей творческой интеллигенции Казахстана.

Незначительные переделки, которые представил автор в новом варианте, не меняют существа дела. Персонажи его романа имеют конкретных, легко угадываемых прототипов, широко известных в республике, а иные названы своими именами (Л. И. Мирзоян, И. О. Омаров, Ж. Шаяхметов, М. А. Лаврентьев, П. Н. Пономаренко), упоминаются в невыгодном свете Габит Мусрепов, Х. Бекхожин, Дж. Мулдагалиев и др. Зато восхваляется Магжан Жумабаев, Ахмет Байтурсунов (хотя автору хорошо известно, что они были активными алаш-ординскими деятелями), которых писатель старается реабилитировать.

Главными героями романа являются писатель Айбол и “первый человек по должности в Казахстане” Акылбек Ахметжанов.

Повествование построено как цепь отдельных событий, происходящих в Казахстане за последние десятилетия, и подробное описание отношений к этим событиям главных героев.

Причем получается искаженная картина современной истории Казахстана: главными событиями являются кадровые перемещения, скандальные истории, интриги, уголовные дела, а не действительные исторические явления этого времени — подъем целины, строительство новых промышленных районов.

По тому, о чем говорят, чем занимаются и как поступают персонажи романа, у читателя может сложиться впечатление, что в высшем звене управления республикой находится много людей мелочных, эгоистичных, преследующих лишь лично корыстные цели.

Некоторые стороны деятельности Ахметжанова, которых касается писатель, (кадровая политика, методы партийной работы, механизм выработки постановлений ит.д.), составляли партийную и государственную тайну.

Откуда же черная информация у писателя Айбола? Часть этой информации он получил непосредственно от самого Ахметжанова в личных беседах на правах близкого доверенного лица, другую собирал из разных сомнительных источников, вплоть до секретарши, которая передает разговор, состоявшийся за закрытыми дверями между ответственными руководителями республики.

Сам того не желая, писатель И. Есенберлин в силу недостаточной компетенции в вопросах партийной и государственной деятельности принизил образ главного героя до уровня обывательских суждений.

В силу этих и некоторых других причин, указанных автору издательством, отделом культуры Казахстана, поддерживаем мнение Госкомиздата республики о невозможности опубликования романа.

Вердикт №2
2.02.79 г. №343/1-8

Секретарю ЦК Компартии
О рукописи романа Казахстана
Есенберлина Им. 10.11.79 г.
тов. Имашеву С.Н.

Госкомитет Казахской ССР письмом от 20 декабря 1978 года сообщил ЦК КП Казахстана о результатах рассмотрения рукописи И.Е. Есенберлина “Лодка, переплывающая океан”, представленной автором в издательство “Жазушы”.

В дополнение к названному выше письму сообщаем следующее: 31 января 1979 года в Госкомиздат Казахской ССР был приглашен автор рукописи, писатель И. Е. Есенберлин. Состоялась беседа, в которой кроме председателя Комитета приняли участие члены коллегии: заместитель председателя В. Е. Скоробогатов, главный редактор Комитета Н. Ш. Шакеев, директор издательства “Жазушы” А. Ж. Жумабаев, главный редактор этого издательства Е. А. Аукебаев.

Все участники беседы предварительно изучили содержание рукописи романа “Лодка, переплывающая океан”, были ознакомлены с материалами обсуждения этого произведения в Союзе писателей Казахстана.

Беседа проходила в спокойной, творческой, деловой обстановке. Участники беседы высказали свои соображения относительно причин, не позволяющих выпустить в свет роман, привели веские аргументы, вытекающие из глав представленной в издательство рукописи.

Поскольку автор пытался отобразить деятельность высших республиканских партийных и государственных органов, прежде всего, было обращено внимание на то, что в романе упущено главное, а именно: широкое отображение тех жизненных проблем, в которых проявляются типичные черты коммунистов, характер эпохи. Автор весьма узко, ограниченно понимает дух нашей современности, представляя ее в виде изолированных действий одиночек, многие из которых разжигают надуманные конфликты и интриги, интересуясь только должностными перемещениями и т.д.

В поле зрения писателя в основном попадают теневые стороны действительности, а чрезмерное акцентирование от отдельных ошибок прошлого, исправленных партией, порождает неверные суждения, искажение образа партии, смещение реальности. Так, эксперимент с передачей трех южных районов в состав соседней республики преподнесен таким образом, что бросает тень на сложившееся нерушимое единство и общность интересов многонациональной семьи народов нашей родины.

Партийные и научные оценки места в истории буржуазно-националистической партии “Алаш” и ее деятельности романист не принимает во внимание. Косвенно им выдвигается проблема о реабилитации алаш-ординских литераторов А. Байтурсунова, М. Жумабаева.

В ходе состоявшейся творческой дискуссии во время встречи с И. Есенберлиным в Комитете вскрыты и многие другие пороки рукописи идейно-художественного характера.

Замечания высказывались с партийной прямотой и определенностью. Участники беседы, например, делая вывод о непригодности рукописи к изданию, отмечали проявленное романистом неуважение к крупным деятелям культуры республики, одного из которых автор назвал прямо по фамилии, а других вывел под вымышленными именами.

Вместе с тем в обрисовке положительного героя Айбола, прототипом которого является сам автор, писатель допустил чрезмерную переоценку, преувеличивая его вклад в литературу, тогда как заслуги целой плеяды выдающихся художников слова явно принижены или очернены.

Налицо прямое нарушение писательской этики. Тов. Есенберлин И., выслушивая замечания, в ряде мест соглашался с оппонентами, но многое пытался опровергнуть и защитить свою точку зрения, изложенную в рукописи.

А после беседы И. Есенберлин заявил, что он возьмет рукопись из издательства, еще раз подумает об оценке рукописи, данной издательством и Комитетом, и попытается переработать.

ЛОВКИЙ МАНЕВР

26.1.1981 г. N 1-10

Директору издательства

“Советский писатель”

тов. Еременко В. Н.

Главному редактору издательства

тов. Козыреву. И. М.

Государственный комитет по делам издательства, полиграфии и книжной торговли Казахской ССР ставит в известность, что вновь переработанный роман писателя И. Есенберлина “Лодка, переплывающая океан” рассмотрен республиканским издательством “Жазушы” и будет издан на казахском языке после редактирования и окончательного апробирования в директивных органах республики. События романа происходят в Казахстане, литературные прототипы его главных героев — известные руководители партии и государства. Роман поднимает важные проблемы

партийного руководства, вопросы интернационализма и национальной политики партии, в решении которых герои произведения преодолевают определенные трудности и сложности. Учитывая это, было бы лучше, если указанный роман вышел в свет вначале на русском языке в центральном издательстве, которое располагает большими возможностями для консультаций в союзных инстанциях, творческих организаций.

Госкомиздат Казахской ССР просит руководство издательства "Советский писатель" рассмотреть возможность издания романа И. Есенберлина в 1982 году, разумеется, если произведение отвечает издательским требованиям. Перевод романа авторизованный.

Председатель

Ш. Р. Елеуенов

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*Писательские мысли, суждения
иностранки и наша слепота.
Из дневника.*

4 мая 1980 г. "Одним из важнейших условий создания благополучного общества является всеобщая доброжелательность. Однако, мы повсеместно наблюдаем обратное — недоброжелательность, и очень часто среди начальников. Одни — затыкают рот тем, кто хочет говорить правду, другие — не дают расти способным молодым людям, третьи — отказывают в творчестве талантам.

И в итоге, от этого страдает не только конкретный человек, а весь народ — ибо духовная сила народа заключается в его талантах".

1 октября 1979 г. "У нас часто критические статьи пишутся лишь для сведения личных счетов, их авторам не было дела до содержания предмета их обсуждения: главное, им заранее известно — кого следует поддержать, кого — уколоть. Эх! Знали бы они афоризм древнеримского философа Публия Сервилия: "Даже когда двое делают одно и то же — это не одно и то же". "Почему это вдруг я сейчас увлекся историей?" Нет, вовсе нет! Я люблю сегодняшний день, сегодняшнюю жизнь, ибо для меня, старика, - это жизнь моих потомков.

Когда не знаешь жизни, не можешь думать об истории, а я прожил немало и непростую жизнь. И сейчас, оглядываясь назад, я с любопытством замечаю в себе, что мой кругозор стал шире, взгляд острее, осмысленнее глубже...

Ведь, чем выше поднимается дерево, тем глубже уходят его корни в родную почву, так и человек: чем больше он думает о будущем, тем больше хочет знать о прошлом".

Из письма Тамаре Федоровне:

“... почему я пишу исторические книги? На это ответить очень трудно...”

Дело в том, что казахи не имели летописи, письменной хроники, но зато имели необычайно богатый фольклор, в частности, эпосы. Надо сказать, что я воспитывался именно в такой среде, где с детства приучают слушать, знать и любить свои эпосы. И, вероятно, любовь к прошлому своего народа, зародившаяся во мне благодаря этим поэтическим сказаниям, заставляет меня писать художественную историю своего народа, ибо во мне сидит убеждение, что без прошлого нет настоящего и тем более будущего...”

А теперь давайте вместе прочитаем письмо из Польши.

Варшава, 08.03.83 г.

Многоуважаемый господин Есенберлин!

Извините за долгой молчание, но я никак не могла решиться написать Вам, в значительной степени из-за того, что писание на русском языке мне дается нелегко, потому что изучала его самоучкой.

...сегодня получила сигнальный экземпляр “Кочевников” и решила написать, не глядя ни на что.

... Я убеждена, книга будет пользоваться большим успехом, потому что ее тема очень интересна для польского читателя, который в своем большинстве не много знает о ранней истории Казахстана, хотя мы в Истории встречались.

Благодаря Вашим книгам польский читатель впервые увидит в “жестоким” казахе человека, который ему понравится. А это очень ценно. Силуэты Ваших героев начертаны живо и очень убедительно, они все красочные — несмотря на чьей стороне Ваши симпатии. Мне, однако, кажется, что в “Кочевниках” они получились чуть лучше.

В Ваших книгах богатые и интересные реалии — это великий плюс.

... Я обратила внимание на значительные портреты женщин, на их сложную ситуацию. Ваши книги опровергнут много стереотипов, это очень хорошо.

Верхний слой Ваших книг — исторический, но для меня Ваш роман — это очень интересный философский трактат о власти. Ваши размышления универсальны и глубоко мудры. Важно, чтобы читая Ваши книги, чуткие читатели именно на это обратили внимание.

Мне нравится ваш язык, такой современный, экономный и такой точный. В нем нет болтовни, столь типичной для многих исторических романов. Это ценная редкость.

Я заметила, что у вас мало описаний природы, а мне приятно представлять пейзаж — горы, озера и бесконечная (зеленая?) степь. Бога ради, не подумайте, пожалуйста, что я хочу уговорить Вас писать о природе, понимаю: Вас, прежде всего, занимает человек.

Очень хороша Ваша писательская лаборатория. Мне только немножко жаль, что иногда Ваше отношение к кочевникам осуждающе. Вы оцениваете их с современной точки зрения. Они презирали толпу, но это было обыкновенной вещью в истории — ее закономерный этап. Египетские фараоны и римские императоры тоже были жестоки, но к этому их принуждали условия жизни тех времен. Я иногда думаю, что гораздо хуже их. Подумайте сами, что могут написать потомки о наших ужасных войнах, но что делать, такая эволюция общества, таковы зигзаги прогресса. Мне кажется, что Вы не любите Чингисхана. Интересно, но почему? Ведь это великая Личность. То, что я сейчас напишу, наверное, приведет Вас в негодование, но мне хотелось бы, чтобы Вы были, извините, немного шовинистом. Тогда у нас были бы совсем разные точки зрения, и их столкновение было бы особенно интересно. Хотя я знаю, что это невозможно. Я волнуюсь, только, пожалуйста, поймите меня правильно. Этот небольшой шовинизм должен характеризовать Вас, как рассказчика, а не как писателя и человека. На конец сохранила приятную весть. Мне и рецензенту понравилась “Золотая Орда”, и заведующая редакцией Зофия Cadziaianka решила, что будем издавать. Очень этим довольна, как поклонник Вашего творчества.

Извините, что только в общих чертах высказалась о Ваших книгах, но мне трудно перевести всю рецензию на русский язык.

Не знаю, представляете ли, какая это мука, когда так много хочется сказать, а нужных слов не хватает.

Если я совершила какую-либо бестактность простите, надеюсь, Вы понимаете, что это могло произойти только неумышленно.

Примите мой сердечный привет.

С глубоким уважением КРИСТИНА ДАММ.

Что же можно сказать об этой изнурительной гонке по аппаратным лабиринтам, укоротившей на несколько лет жизнь писателя и, к тому же, закончившейся безрезультатно?

Писатель, конечно, очень хорошо знал царившие тогда нравы, и, понимая, какую “бомбу” заготовил, он не очень удивлен тем, что местные идеологические цензоры “не пускают” ее, потому в лучших традициях нашего отечества, принятых еще со времен Сталина, а если глянуть дальше, то еще с имперской эпохи, обращается непосредственно к великим мира сего.

Как нам доверительно рассказывал один уважаемый человек, знающий эту историю досконально, державные мужи действительно то ли прочли,

то ли дали почитать книгу следующим людям, но, в общем-то, сошлись во мнении, что книга сия достаточно благопристойна и вполне может быть опубликована.

Но не тут-то было. Система наложила табу даже вопреки воле вождей и тихой сапой добила своего: семь лет погоняв писателя по беличьему колесу своих инстанций, она сделала ловкий ход — составила филькину грамоту. А грамота сия была весьма хитра: Алма-Ата готова опубликовать роман на казахском языке, как только он выйдет на русском в Москве, а Москва еще до этого поставила условие дать согласие на зеленый свет роману, как только он выйдет в Алма-Ате на родном языке. Прямотаки античный парадокс. Каких же эпитетов заслуживают авторы столь “ловкой” проделки, пусть решает сам читатель.

Символическая “Лодка, переплывающая океан” так и не переплыла пучину бюрократии и косности. А ведь эта книга предвосхищала многие литературно-публицистические явления, которые хлынут на нас всего лишь через несколько лет: не только отдельные партийные деятели, но и вся Партия (к которой мы теперь непременно добавляем слово “коммунистическая”) окажется незадачливым героем лавины публикаций, не только Магжан Жумабаев, Ахмет Байтурсунов да Миржакып Дулатов, Шакарим Кудайбердиев, но и сам вождь алаш-ординцев Алихан Бокейханов и его соратники получают объективную оценку своей деятельности, и о целинной эпопее будет сказано много нелестных слов — и не надо будет обращаться за соизволением для подобных публикаций не только к Верховному Вождю, но даже к местному бонзе.

Конечно, сейчас своим крепким задним умом мы можем увидеть в этом романе некоторые недостатки, но они были больше привнесены самовольными “советчиками”, да и микроклимат того времени, разумеется, оказал свое косвенное влияние, однако при всем при этом самоценность романа сохраняется.

Сохраняется от того, что он написан провидцем, который видел намного дальше нас и который мог отгадывать загадки Сфинкса — Жизни, перед которой мы всегда терялись — и тогда и сейчас. Ведь если мы так помудрели, почему же столь беспомощны в решении своих бесчисленных сегодняшних проблем?

Нам вспоминается последнее телезавещание Ильяса-ага. 1983 г. Конец лета.

Парк. Шелестят опавшие листья. Медленно он прохаживается по аллее. Ненадолго присаживается на скамейку, вновь встает и говорит, говорит, говорит.

В его словах нет горечи, нет обиды, нет осуждения. Он говорит об истории своего народа, о его характерных чертах, говорит о своей вере в его будущее.

Писатель чувствует, что его силы уходят от него, и он торопится поделиться своими размышлениями, своими тревогами и надеждами, и в эти минуты его меньше всего заботит его личная судьба, он думает о том, что же ждет его народ.

Писатель ни слова не сказал о судьбе своей “Лодка, переплывающая океан”, хотя по ней непрерывно ныло его сердце. Дома он глаз не сводил с телефона, каждый звонок приводил его в возбуждение... он ждал, ждал — ему было обещано положительное решение, — ждал доброй вести из этой трубки.

ПОЧЕМУ «КОЧЕВНИКИ» НЕ ПОЛУЧИЛИ ЛЕНИНСКУЮ ПРЕМИЮ.

Прошло более 30 лет, как Ильяс Есенберлин написал историческую трилогию «Кочевники». За эти годы роман выходил более 50 раз общим тиражом 3 миллиона экземпляров. Высшая награда для писателя — признание соотечественников.

Настоящее народное признание Ильяс Есенберлин получил сполна.

Однако в 1980 году, когда книга была выдвинута на высшую награду государства — Ленинскую премию, трилогия «Кочевники» ее не получила. История давно минувших лет имеет для нас большой нравственный урок.

Вот некоторые факты из этой истории:

Послу Республики
Кыргызстан в Бельгии
г-ну Айтматову Ч.Т.

Уважаемый Чингиз Торекулович!

Извините, что отрываю от Ваших дел и Вашего великого творчества. Просьба моя касается литературного наследия моего отца — известного казахского писателя Ильяса Есенберлина, которого Вы, наверное, помните.

В 1980 году основная его книга — трилогия «Кочевники» была выдвинута на соискание Ленинской премии, прошла 2 тура, однако на 3 туре кандидатура отца была исключена, хотя все 10 кандидатов получили Ленинскую премию.

Уважаемый Чингиз Торекулович, я помню мой разговор с отцом, когда он мне сказал: «Единственный человек, который искренне и честно до конца помогал мне по книге «Кочевники», был Чингиз Айтматов. Он до конца боролся за мою кандидатуру в Ленинском комитете и в протоколе записал свое особое мнение. Только Чингиз Айтматов остался до конца мужествен и правдив и заранее предупредил и рассказал, почему я не получил Ленинскую премию».

Я и все родные Ильяса Есенберлина искренне благодарны Вам за эту огромную помощь нашему отцу.

В настоящее время фонд имени Ильяса Есенберлина готовит цикл статей о книге «Кочевники» (в этом году исполняется 30 лет со дня ее написания). Одна из статей посвящена теме: «Почему трилогия «Кочевники» не получила в 1980 году Ленинскую премию». Почему трилогия «Кочевники», которая только на русском языке была издана 12 раз общим тиражом

1,5 миллионов экземпляров (тираж больше любой книги казахских писателей), стала настоящим бестселлером в Казахстане, читаема и любима среди казахстанцев, не получила Ленинскую премию, для нас остается загадкой.

Уважаемый Чингиз Торекулович!

Мы все Вас очень просим и заранее благодарим, пожалуйста, напишите Ваше мнение об этом вопросе, как непосредственный участник и член комитета по Ленинским премиям, и в целом, если возможно, Вашу оценку книги «Кочевники» и творчества Ильяс Есенберлина.

Я понимаю всю Вашу занятость, но если можно, хотя бы на одном листочке, выскажите Ваше мнение.

С огромной благодарностью и признательностью,
Почитатель Вашего великого таланта
Козыкорпеш Есенберлин, 15.02.96 г.

Ардақты Қозықорпеш інім!
Уважаемый Козыкорпеш Ильясович!

Еще раз убеждаюсь, что поиск справедливости зачастую переходит по наследству от предков к потомкам.

Вот и в данном случае. И в письме, и в нашем телефонном разговоре Вы интересовались делом давно минувших дней. Для Вас очень важно знать, как и при каких обстоятельствах была отклонена кандидатура Вашего отца — писателя Ильяс Есенберлина, автора трилогии «Кочевники», от присуждения Ленинской премии, хотя и утратившей ныне какое-либо значение.

С тех пор прошли годы и годы, сменился облик эпохи, и, к сожалению, многое из того уже позабыто. Сейчас я пытаюсь представить себе тогдашнюю обстановку, тогдашний ход борьбы мнений. Нас было человек сорок от литературы и искусства, мы собирались в Москве дважды в год, достаточно хорошо знали друг друга и, тем не менее, жить и действовать в этой среде было не так то просто. Мало кому известно, что работа комиссии проходила при непрерывном присутствии ответработника аппарата ЦК КПСС — представителя отдела культуры. Он являлся как бы наблюдателем, хотя открыто не вмешивался в ход дискуссий, но его негласное мнение, как правило, имело решающее значение. И почти всегда приходилось сталкиваться в ходе обмена мнениями с этой партийной точкой зрения, всегда горячо поддерживаемой официальной верхушкой творческих союзов — первыми секретарями союза Писателей, Кино, Художников, Композиторов, Театрального мира. И те, кто бросал вызов такому положению вещей, отстаивали обычно заслуги подлинных талантов, авторов выдающихся произведений.

В этом контексте оценок и решался вопрос Вашего отца, вернее, его книги «Кочевники». Помнится на первых отборочных обсуждениях нам, высоко оценивавшим это крупное произведение казахской литературы с ее исконной, национально-глубинной темой, удалось убедить подавляющее большинство членов Комитета в необходимости поддержать эту книгу, как яркое литературное явление той поры.

Пройдя первый тур, «Кочевники» вошли в предварительный список на заключительное тайное голосование. Но именно на этом этапе перед включением в окончательный список вдруг возникли в Комитете настроения уклончивого характера. И опять же из уст литературно-официозного истеблишмента и, прежде всего деятелей Москвы прозвучали мнения, судя по всему соответственно согласованные, о том, что «Кочевники» книга экзотическая, удаленная от генерального курса советской литературы, от насущных проблем современной культуры, что главным приоритетом литературы соцреализма должны быть темы жизнеутверждения социалистической действительности. Спекулируя на этой конъюнктуре, руководство Комитета добилось таки отвода «Кочевников», можно сказать, перед самым финалом.

Вот такова вкратце эта история.

В заключение хочу сказать, что для Вас и близких Вам людей, возможно, что-то будет значить этот случай в Комитете по Ленинским премиям, канувшим в Лету. Но главное, однако, в том: «Кочевники» обладают своей ценностью и литературной судьбой независимо ни от прошлых, ни от теперешних конъюнктур.

С приветом Ч.Айтматов
Брюссель, 2 марта 1996 года

**Выписка из стенограммы заседания секции литературы Комитета по
Ленинским и Государственным премиям СССР
12 февраля 1980г.
(на заседании нет Айтматова)**

В. М. Кожевников

Литературная секция тщательно и многосторонне рассмотрела предложенные нам кандидатуры. В результате рассмотрения мы пришли к выводу, что все три произведения, представленные на соискание Ленинской премии, достойны того, чтобы оставить их в списке для дальнейшего обсуждения не только у нас, а чтобы и общественность, и критика приняли участие в этом обсуждении.

Что касается трилогии «Кочевники» Есенберлина, то это произведение очень сложное, оно охватывает около 400 лет исторического периода, опирается на исторические изыскания и документы. Для того, чтобы полностью

представить себе совпадение исторической концепции с художественным способом запечатления, нам нужно поразмыслить, подумать. Поскольку ознакомление шло постепенно, по отдельным частям, как печаталось произведение, а в целом еще мало оно изучено, мы, оставляя его на дальнейшее обсуждение, получим высказывания критиков, историков, разберемся в суждениях о его целостности и выскажем свое мнение на окончательном этапе. Поэтому мы просим оставить до окончательного обсуждения эти три кандидатуры.

Заседание секции литературы 7 апреля 1980 г.

В. М. Кожевников:— Мы довольно единодушно прошли по кандидатурам на Ленинскую премию, и мы единодушно поддержали Егора Исаева за его поэтическую дилогию.

Что касается двух других достойных прозаиков и их произведений, которые представляют определенный интерес — это Думбадзе и Есенберлин, мы их оставили в списке для дальнейшего обсуждения в расчете на то, что печать и общественность выскажут свое мнение.

Если снова обращаться к Есенберлину, тогда наше предложение обсудить отдельно Думбадзе отпадает.

Поэтому я предлагаю голосовать — кто за то, чтобы воздержаться от того, чтобы поддержать Есенберлина?

Ч. Т. Айтматов:— Если Думбадзе не пройдет, тогда можно голосовать за Есенберлина.

В. М. Кожевников:— Вы предлагаете на равных?

Ч. Т. Айтматов:— Да.

В. М. Кожевников:— Тогда к этим кандидатурам придется вернуться.

Заседание 9 апреля 1980г.

В. М. Кожевников:— Вчера Чингиз Айтматов внес предложение поддержать Есенберлина. Но, когда мы обсуждали его трилогию, был ряд замечаний, связанных с исторической и художественной ценностью этого произведения. Айтматов сказал, что следует выдвинуть кандидатуру Есенберлина.

(**Ч. Т. Айтматов:**— Я не настаиваю)

Е. И. Танк:— Я присоединяюсь к предыдущим ораторам. Мне кажется, что «Суд памяти» и «Даль памяти» Егора Исаева стали уже народными в нашей большой многонациональной советской поэзии.

Я, правда, не читал трилогии Есенберлина, читал только первую часть. Вероятно, мы обратимся к ней на следующем заседании секции.

Для меня бесспорной является кандидатура Исаева, я ее поддерживаю на выдвижение, на дальнейшее обсуждение.

Р. Г. Гамзатов:— 15 лет назад, когда обсуждали в Ленинском комитете «Суд памяти», я голосовал против Егора Исаева — не потому, что поэма не понравилась, — поэма понравилась. Что касается «Кочевников» — я не читал, я ничего не могу сказать.

В. М. Кожевников:— Если говорить об Есенберлине, то не все его трилогию читали, и это не случайно, потому что в этом случае мы не можем опираться на мнение литературной общественности — было очень мало рецензий и исследований его произведения.

И вместе с тем нужно с большим уважением отнестись к этой большой, капитальной работе, к этой трилогии, в которой охватывается большой период, относящийся к жизни народа. Однако общественность не высказала, не поставила эту трилогию в соотношение с другими крупными историческими произведениями, не установила, какое место это произведение занимает.

Давайте тогда только подтвердим наше мнение об Исаеве, что мы единодушно поддерживаем его кандидатуру. Прошу голосовать — кто за то, чтобы поддержать кандидатуру Исаева? (единогласно)

Теперь о предложении Чингиза Айтматова по поводу Думбадзе. Тут есть два момента: если мы будем ставить на голосование, то мы можем не получить единодушия. Поэтому, может быть, раньше посмотреть как сложится картина по другим секциям?

Мы остановились на Исаеве и вернемся к Думбадзе в зависимости от того, как будет складываться конъюнктура на других секциях. Если мы увидим, что шансов нет, не будем настаивать. Теперь по поводу кандидатуры Есенберлина, — есть ли желающие его поддержать? (Нет)

Тогда давайте проголосуем.

Ленинские премии 1980 года

Справка

о рассмотрении кандидатур в области литературы

Кандидатура, кем выдвинута. Ход рассмотрения кандидатуры Комитетом по Ленинским и Государственным премиям СССР Есенберлин И. Трилогия «Кочевники» («Советский писатель», 1978) I книга — «Заговоренный меч», 1974 II книга — «Отчаяние», 1974 III книга — «Хан Кене», 1971 Представлена Союзом писателей Казахстана. Роман «Хан Кене» выдвигался на соискание Государственной премии СССР 1972 года, обсуждался

Комитетом и не был включен в список для дальнейшего обсуждения. В завершенном виде трилогия издана на русском языке впервые. Президиум Комитета принял к рассмотрению трилогию в целом. Кандидатура И. Есенберлина получила положительную оценку литературной секции Комитета и была включена в список для дальнейшего обсуждения. На заседании литературной секции 7.04.1980 года кандидатура И. Есенберлина вызвала дискуссию. В. Кожевников отмечал ряд исторических неточностей трилогии и предлагал не включать кандидатуру И. Есенберлина в список для тайного голосования. Ч. Айтматов, отмечая большой труд писателя, предлагал включить его в список для тайного голосования. Сопоставляя все кандидатуры, выдвинутые на соискание Ленинской премии, секция литературы не сочла возможным включить И. Есенберлина в список для тайного голосования. ОТКЛОНИТЬ.

Послесловие

Республика сама выдвинула трилогию «Кочевники» на Ленинскую премию; а затем с молчаливого согласия одних, сделала все возможное, чтобы ее не дали книге, которую казахский народ признал и полюбил.

Члены комитета по Ленинским премиям разводили руками, читая очерняющие книгу послания. Другие республики не знали, чем бы еще привлечь внимание к достоинствам соискателя и его творению, а казахи из зависти и равнодушия сделали все, чтобы не дать «Кочевникам» награду. И больно осознавать, что только Чингиз Айтматов защищает книгу, а представителя Казахстана нет, и нет его письменного мнения. Председатель комитета Георгий Марков договорился до того, что изрек, будто роман малоизвестен читателю, не пользуется признанием народа. Другой член комитета, Расул Гамзатов, сказал, что роман вообще не читал. Остальные члены комитета молчали, представитель Казахстана на всех трех заседаниях отсутствует.

Интриги вокруг Ленинской премии еще раз показали, что моральные черты казахов со времен Абая не сильно изменились. Как хочется верить, что такое не повторится. Жизнь продолжается, книга живет...

УСПЕХ ТВОРЧЕСТВА В СМЕЛОСТИ ПИСАТЕЛЯ

В самом начале своей творческой биографии Ильяс Есенберлин проявил себя как талантливый поэт. Свои поэмы “Айша” и “Султан” он выпустил еще в 1945 году. Спустя четыре года он закончил сборник стихов “Сказание о Даулете”. Затем написал две поэмы: “Биржан-Сара” и “Поэма о большевике”. Его пьесу “Схватка в горах” ставил республиканский ТЮЗ. Есенберлин написал более 40 стихов для песен. Среди них наиболее известные: “Молодежный вальс”, “Домбра” и “Девичья мечта”.

Особенность творчества И. Есенберлина заключается в том, что он к своим главным произведениям в области прозы готовился очень долго и основательно. Не случайно, уже в 1966 году, в достаточно зрелом возрасте, пятидесятиоднолетний Есенберлин издал свой роман “Схватка” получил Государственную премию им. Абая. Книга посвящена жизни геологов, где блестяще раскрыта тема извечной борьбы добра и зла, человечности и мракобесия.

В 1967 году вышел роман И. Есенберлин “Опасная переправа”, посвященный столь нелегкому переходу своего народа от одного социально-экономического уклада к другому. Жизнь казахской интеллигенции той поры описана сложными литературными штрихами для полного раскрытия сути нового времени и нравов. Для автора было сверхзадачей, посредством художественного слова реабилитировать, славных сынов своего народа, репрессированных режимом как “алашординцев”. Автор прекрасно понимал высокие цели своих героев.

Его роман “Влюбленные” тоже посвящен казахской интеллигенции 60-х годов. Поскольку главной темой книги являются вопросы нравственности и морали, то и сегодня эта книга, то есть спустя 40 лет, становится вдвойне актуальнее, так как на лицо кризис высокого идеала, духовности, человечности под натиском издержек переходного периода.

В свое время роман “Золотая птица” стал победителем республиканского конкурса. В этой книге И. Есенберлин великолепно раскрыл тему по той простой причине, что сам по специальности является горным инженером.

Нам, жителям приишимья, особо дорог роман И. Есенберлина “Прикрой своим щитом”, специально написанный для своих земляков, посвященный жителям малой родины. Должен отметить то, что роман изначально выходил в виде повести “Течет река Есиль” еще в 50-е годы. Он повторно возвращался к этой книге и сделал значительную доработку в знак протеста против безумной вспашки целинных и залежных земель на севере Казахстана, в результате чего плодородный слой почвы всей Сары-Арки подвергся гигантской (ветряной и водной) эрозии. И. Есенберлин является одним

из немногих, кто посмел протестовать против бездумных проектов бывшего Центра.

И другие романы И. Есенберлина — “Мангистауский фронт”, “Заветы”, “Золотые кони просыпаются” — тоже были написаны на злобу дня, как критический взгляд на проблемы своего времени. Чуткое сердце писателя-просветителя не могло быть не соучастным ко всем судьбоносным явлениям того времени.

Я бы разделил творчество И. Есенберлина на две категории. Его две исторические трилогии “Кочевники” и “Золотая орда” и все остальные книги.

Бесспорно, наиболее колоритными являются именно эти две трилогии. Лично я эти шесть книг воспринимаю как широкое единое полотно. Как одну грандиозную эпопею. Потому, что на сегодняшний день эти книги не имеют себе равных на историческую тематику произведения, с семивековой биографией нашего народа. На древней казахской земле тогда происходили кровопролитные войны, и мой народ оказался в центре этих беспощадных сражений. Да, действительно, потомки Чингисхана оставались многие века ханами, но рядовыми воинами оказалось местное население в качестве “пушечного мяса”. Победоносные походы этих ханов обеспечивались благодаря этим неизвестным героям - простым воинам.

В трилогии “Золотая орда” И. Есенберлин великолепно показал историческую истину о том, как при Бату хане и его наследников до батыра Едиге все они жили и творили свои военно-стратегические задачи на фоне нашего народа. И в трилогии “Кочевники” тоже достоверно описаны дела ханов Керей, Жанибека, Абылая вплоть до их бесстрашного великого потомка — хана Кенесары с одной стороны, и о том, что, сколько бы эти ханы не менялись, народ оставался на своей земле из века в век, сохранив свою этническую самобытность.

Автор в качестве символов простого народа особняком выделяет своих батыров и их ратные подвиги в деле защиты родной земли и народа. О роли казахских биев, жырау — острословов И. Есенберлин тоже подчеркивал по этой же причине. Речь здесь идет об их подлинной народности.

Для того чтобы ключевые моменты семивековой истории уместить в двух трилогиях, от писателя требовалось в высшей степени мастерство. И он с этой многотрудной задачей прекрасно справился, что не каждому под силу. Именно поэтому люди, вот уже более тридцати лет с интересом читают летопись нации, составленную Ильясом.

И. Есенберлин первый автор, который Золотую Орду, по сути, отождествлял с исконно казахским государственным образованием, управляемым преимущественно потомками Чингисхана. Историки и политики Севера, Востока и Юга, прекрасно зная о том, что эта империя возникла на территории современного Казахстана, как игнорировали, так и игнорируют этот

феномен. И географически и этнически казахи являются правопреемниками Золотой Орды. Илеке ушел от нас, успев доказать нам эту историческую правду. Мы обязаны гордиться его смелостью и храбростью как летописца, как творца исторического памятника в лице его книг. На мой взгляд, парадоксы спиралеобразного исторического развития заключаются в том, что сегодня, когда мы строим суверенное государство, мы должны помнить, что все это происходит далеко не на пустом месте, а является лишь, как бы, возрождением из пепла центральной части той же Золотой Орды. В том числе и с будущей новой столицей Казахстана недалеко, опять же от Улутауских гор.

Перевод с казахского Ахмета Дюсенбаева

Народом признанный

Об Ильясе Есенберлине мы узнали еще в детстве от своих старших сестер благодаря его песне “Девичья мечта”. Её музыку написал Евгений Брусилловский. Многократно слушая песню, как-то незаметно сами выучили наизусть.

Когда мы после школы приехали в Алма-Ату учиться в университете, к сожалению, наш ага был несправедливо осужден по чьим-то наветам. Конечно, тогда это означало конец творческой биографии для любого человека раз и навсегда.

Но, после шестидесятих годов Ильяс-ага встрепенулся заново. Поистине, как смелый и гордый орел. Супруга нашего ага – мудрая Диляра апай действительно оказала ему огромную моральную поддержку в самые трудные годы его жизни. Как никак она дочь известного юриста, бывшего министра юстиции Казахстана Хамзы Жусупбекова, по своей редкой природе и по воспитанию.

Мы, его земляки, после выхода каждой его книги в Целинограде (Акмоле) проводили читательские конференции, организовывали газетные публикации, и все это затем посылали в Алма-Ату и в Москву, зная о том, что слишком много у него противников, не могли повлиять на ситуацию, но и не могли сидеть, сложа руки.

Я восхищался И. Есенберлиным после выхода романа “Хан Кене” в связи с тем, что он вопреки стереотипному представлению о Кенесары, как о самой люто ненавистной исторической фигуре той эпохи все же блестяще справился со своей задачей, то есть воссоздал литературный образ последнего казахского легендарного хана. Имя и дела Кенесары в степи всегда были притчей. Он не обманул надежд своих читателей. И в этот раз Ильяс-ага доказал, что он является непревзойденным мастером штрихов. Приведу пример. Общеизвестно, что казахская аудитория приняла книгу очень тепло. Я попросил написать рецензию на роман “Хан Кене” литературного

советника по русской литературе по нашему целинному краю от Союза Писателей Казахстана поэта В. Гундарева. Он написал хорошую рецензию на книгу и опубликовал ее в областной газете “Целиноградская правда”. Однажды наедине он мне по секрету сказал: “Нуреке, несмотря на то, что в книге И. Есенберлина Кенесары описан как отрицательный герой, тем не менее, он меня очень заинтересовал. Мне показалось, что хан Кене личность всесторонне развитая, чрезвычайно гордая, на редкость величавая, и, не знающая страха, смелая”. Я был удивлен. В те времена мы боялись так рассуждать о Кенесары. Это было опасным занятием.

После этого разговора с Владимиром, я еще больше стал уважать автора “Хан Кене”. Я и раньше считал Ильяс-ага великим писателем. Теперь эта уверенность еще больше укрепилась в моем сознании.

Перевод Ахмета Дюсенбаева

КАК ОСУДИЛИ МОЕГО БРАТА ИЛЬЯСА ЕСЕНБЕРЛИНА

Ильяс тогда, в 1949 г., работал директором Казахской филармонии. Однажды по просьбе профсоюзного собрания была уволена из филармонии за антиобщественный поступок (решение выйти из партии) одна сотрудница. Вскоре явился к директору родственник этой сотрудницы, некий следователь по особо важным делам прокуратуры республики Гершанов и потребовал ее восстановить. Но директор не согласился. Так началась вражда между ними. Сотрудница была все-таки восстановлена по указанию сверху, а Гершанов потребовал от Ильяса откупиться крупной суммой за нанесенное "оскорбление". Получив отказ, следователь возбудил уголовное дело "О хищениях в филармонии".

Авторитетная комиссия под председательством первого заместителя председателя СМКазССР Заговельева отклонила обвинения, предъявленные Есенберлину. Вскоре в республике сменился прокурор, а Заговельев уехал работать в Москву. Воспользовавшись созданным положением, следователь возобновил "уголовное дело". Когда об этом доложили тогдашнему первому секретарю ЦК компартии Казахстана Шаяхметову, тот стереотипно заявил: "Советский суд самый справедливый на свете, и если Есенберлин не виновен, пусть суд его оправдает".

Зная, чем может кончиться "справедливый суд", Ильяс приехал в Москву в ЦК КПСС, но не был даже принят. Когда Шаяхметов узнал об этом, то сказал: "Судить!" в смысле осудить. И осудил на 10 лет с конфискацией имущества, которого у Есенберлина, отца трех малолетних детей, не работавшего уже целый год, поскольку противники не давали ему устроиться на работу, фактически не было. Другой заместитель председателя Совмина республики Кунаев, знавший обстоятельства дела, посоветовал Есенберлину поехать в Москву за защитой к Заговельеву и даже дал денег на самолет. Тов. Заговельев, как депутат Верховного Совета СССР обратился в Верховный суд СССР с просьбой затребовать дело Есенберлина в Москву.

Зная обстановку, сложившуюся вокруг дела в Алма-Ате, я тогда обратился к г. Г. М. Маленкову с просьбой поручить решение судьбы моего брата объективному русскому человеку. Но Маленков мне не ответил.

В то время я с семьей жил в Люберцах под Москвой. Ильяс прилетел в Москву на несколько дней нелегально, поэтому, встретившись с ним на станции в Люберцах, мы, даже не заходя домой, поехали в Москву на квартиру к родственнику моей жены.

В прокуратуре нам сказали, что представитель Казахстана, которому должно быть передано дело для пересмотра, уехал из Москвы и когда будет неизвестно. У нас было сомнение, что представитель Казахстана пересмотрит дело в пользу Ильяса, и его отсутствие вселило в нас некоторую надежду. Для Ильяса было бы лучше, если дело попадет к кому-то другому, поэтому нам важно было знать фамилию представителя Казахстана, которая держалась в тайне.

Вскоре Ильяс уехал в Алма-Ату, а я целый месяц каждый день ходил в прокуратуру в надежде узнать, кому будет передано дело и каждый раз получал отрицательный ответ. В один прекрасный, именно прекрасный день, когда я пришел в прокуратуру, меня подзывает девушка-секретарь и говорит по секрету, кому передано дело Ильяса. Мне только того и было надо. Я посылаю открытым текстом телеграмму в Алма-Ату, что дело Ильяса для пересмотра передано такому-то. После разглашения тайны дело обязаны передать другому лицу, что и было сделано. Его передали киргизскому представителю, который решил дело в пользу брата.

До сих пор я не знаю, почему секретарь в прокуратуре выдала мне должностную тайну.

В чем же обвинялся И. Есенберлин? В его “уголовном деле” говорилось:

1. Есенберлин организовал бригады артистов, которые выезжали на гастроли, а деньги присваивал себе, причем львиная доля доставалась директору.

Такие бригады действительно были и были хищения, но все это происходило при прежнем директоре, на смену которому пришел Есенберлин. Отклонить это обвинение ничего не стоило, но никто и не думал его отклонять.

2. Во время декады Казахского искусства и литературы в Москве, директором-распорядителем которой был Есенберлин, начальник Управления искусства дал устное распоряжение о премировании двух администраторов, а приказ пообещал подписать после возвращения в Алма-Ату. В Алма-Ате он отказался от своих слов, и Есенберлин, получивший в это время авторский гонорар за свою книгу, погасил эти деньги из своих, сразу же по возвращении в Алма-Ату.

3. Во время декады, когда концерты шли одновременно на нескольких сценах, для своевременной доставки артистов на концерты иногда использовали и такси, оплата которых производилась по односторонним актам, предоставленным артистами. Эти акты бухгалтерией не были приняты и Есенберлин погасил затраты на такси опять же из своего авторского гонорара (2000 руб.).

Верховный суд СССР затребовал дело Есенберлина в Москву. Все кончилось полной реабилитацией Есенберлина и восстановлением в партии, а его гонители получили по заслугам, правда, за другие дела.

Так заместитель председателя Совмина Казахстана — русский и казах — косвенно спасли Есенберлина, который не был им, как говорится, ни братом, ни сватом, ни даже близким другом. Они выполнили свой человеческий долг и даже больше.

Москва, 1992 г.

ПИСАТЕЛЬ, ГРАЖДАНИН, ПАТРИОТ

Ильяс Есенберлин родился в 1915 году, был свидетелем и участником революционного переходного периода, который описан многими казахскими писателями старшего поколения. Это было эпохально-противоречивое время, полное драматизма, когда подлинно народный героизм замыкался несовместимыми своими концами: революционным оптимизмом и глубоким трагизмом. Ильяс Есенберлин, своеобразно осмыслив события тех лет, столь же своеобразно и описал их. Таковы его романы “Схватка”, “Любящие”, “Золотая птица”, “Прикрой щитом” и другие произведения. Выдвигая актуальнейшие проблемы культурно-исторического, социально-психологического и большого общественного звучания, Ильяс Есенберлин постоянно сталкивался с тугими узлами противоречий действительности. Не приукрашивание, не замазывание их, а поиск путей разрешения отличает творчество писателя. Ведя непримиримую борьбу с такими врожденными пороками тоталитарной системы, как карьеризм, протекционизм, приспособленчество, очковтирательство, национал-нигилизм и лжепатриотизм, он неизбежно усложнял себе жизнь, наживал недругов в высших сферах. Особое есенберлинское видение мира возникает перед читателем уже в “Опасной переправе”, повествующей о трудной судьбе казахской интеллигенции. Писатель, при всем предписании системы, не мог покривить душой, изобразить становление новой формации только как триумфальное шествие восторженной и счастливой массы, ведомой своим гегемоном — рабочим классом. Его литгерои живут и действуют в непересекающихся плоскостях. Одни не принимают революции (поэт Ахан кончает жизнь самоубийством), другие, как Беркут, приходят сложными путями к ней, третьи, как Акбар, становятся его заклятыми врагами. Идет гражданская война, она разорвала родственные узы, друзей и даже членов одной семьи разделила на антагонистические полюса. И это явление закономерное, порожденное утверждающимся общественным бытием, не очень гуманным, часто более чем дискомфортным. Проницательные умы, сумевшие разглядеть имманентные, как говорят философы, пороки революционной диктатуры пролетариата, Советской власти, далекой от “царства разума”, словом и делом занимали позицию, адекватную происходящему в стране.

Ильяс Есенберлин диссидентом не был (заблаговременно был бы уничтожен), бездумным трубадуром КПСС тоже, но испил до дна горькую чашу писателя, терзаемого гражданским долгом отражать силой художественного слова ту действительность, пленником которой являлся, и невозможностью в полной мере сделать это. В 70-е годы Есенберлин пишет историческую трилогию “Кочевники”, окончательно утвердившую за ним

репутацию выдающегося казахского писателя. Книга, изданная с большим трудом и большим тиражом, была разобрана в миг. И это можно объяснить как художественной ценностью, так и научно-исторической значимостью не имеющего себе равных произведения.

До выхода книги Есенберлина не мало издавалось фундаментальных исторических романов: “Петр I” Алексея Толстого, “Чингисхан” Василия Яна, “Давид IV Строитель” К. Гамсахурдиа и другие. Их авторам, безусловно, талантливым, в отличие от Есенберлина благоприятствовало и то обстоятельство, что никаких идеологически предписываемых ограничений они не испытывали. Возвеличивай своих героев, сколько тебе влезет! Такой возможностью предельно широко воспользовались авторы вышеназванных книг. Есенберлин же имел несчастье родиться казахом, а писать исторический роман о своем народе, “воскресить” героев минувших эпох, славных ханов, батыров и мудрых биев было строго запрещено совпартцензурой. История казахов, как то внушала партийная идеология, берет начало только с “Великого Октября”, — освободителя народов Востока. А на одном из партийных съездов “дорогой Леонид Ильич” даже очень рассержен был тем, что в Казахстане аполитично пытаются возвеличить “некоего Кенесары Касымова”. Вот в каких условиях писатель взялся за историческую тематику. Это было не просто мужество, а подвиг писателя, равный политическому.

“Кочевники” явились своеобразной прелюдией событий, последовавших более десяти лет спустя в морозный декабрь 1986 года, идеологически подготовившей восприимчивый ум молодежи к грядущим свершениям. Напрасно горбачевско-колбиновская жандармерия искала в те дни организаторов “националистической” вспышки. Не было ни тайного общества “Меча и орала”, ни специальной подготовки казахской молодежи, тех самых “мамбетов” из глубинки с голыми руками противостоящих танкам, спецназу и спец собакам. Было до дыр зачитанная нацией книга Ильяса Есенберлина. “Кочевники” казахам открыли глаза, помогли познать самое себя: никогда, даже в годы великого бедствия, не был он так принижен и жалок, как в составе Красной империи, он сохранял за собой право протеста с оружием в руках и успешно им пользовался. Трилогия наводит читателя на мысль: в прошлом народ мог погибнуть в сражениях, а в советском же настоящем без боя идет к своему бесславному концу.

Стесненной атмосферой рабской покорности системе, Есенберлин, естественно, не мог себе позволить ни вольнодумства, ни даже последовательно развивать свою мысль в форме исторического повествования. Вынужден был отдавать дань официальной версии о добровольном присоединении Казахстана к России, ставить в один ряд хана Абулхаира и хана Аблая, по разным мотивам и в разное время принявших российское

подданство. Но лейтмотивом трилогии является освещение непокорности казахского народа, его способности выстоять и победить даже в неравных условиях сражения.

“Кочевники” — художественное произведение, и не только. Его можно назвать и антологией казахского народа. Роман, охватывая исторический период с XV века до середины XIX века, содержит в себе более чем гипотетические ответы на ряд принципиально важных вопросов: что за народ казахи, откуда и когда они произошли, каковы их потенциальные возможности как нации? В условиях пребывания объектом социального эксперимента ускоренной этнической ассимиляции, казахский народ крайне нуждался в средствах возрождения национального “Я”. Это было единственно возможной в условиях тоталитаризма мерой спасения нации. И за работу, которую выполнялись историками-профессионалами, принялся писатель Есенберлин с дипломом горного инженера.

Художественно-образное изложение минувших событий — это лишь “способ производства” писателя, “кровь и плоть” того скелета, т. е. эмпирического материала, который предстояло собирать и который был собран. Здесь потребовалось уже другого рода мужество — мужество исследователя, когда, как с пафосом писал Маркс, “душа должна быть тверда и страх не должен давать совета”. И начались годы поиска... Чуть ли не полсвета надо было объехать: Запад, Восток, Юг и Север. Побывать в крупных городах и захолустных селах, где когда-то ступала нога кипчакских коней. Древнекитайский, персидские, арабские, славянские письменные источники, казахское устное творчество: сказания, предания, легенды и эпос были перелопачены и перемолоты, проанализированы, “материализованы” и, таким образом, трансформированы в исторический факт. Такая титаническая работа продолжалась до тех пор. Пока золотые крупы сведений из глубины веков стройными рядами не ложились на письменный стол исследователя. Очевидно, немаловажную роль сыграло базовое техническое образование писателя: упорный труд в сочетании с методологией точных наук плюс еще что-то от Бога способствовали успеху дела.

Так или иначе, трилогия “Кочевники” была написана, издана в адских трудностях (это достойно отдельного разговора), имя автора приобрело бессмертие в качестве одного из классиков казахской литературы в историческом жанре.

Ильяс Есенберлин одним из первых, если не сказать первым, заложил основы подлинной истории казахии. Очистив необъятные факты минувших столетий от идеологических наносов, расставил акценты на величайших в жизни нации событиях. Есенберлин показал, что казахский народ, обладая неукротимым духом и волей к свободе, способен и должен постоять за себя. Трилогия — книга-призыв!

Читая бессмертное произведение, невольно задумываешься о том, что будь сейчас Илеке среди нас, явись он очевидцем того, как народ его в борьбе за элементарное выживание (есть опасность рецидива голодных 30-х годов) уже потерял многое из накопленных в многовековой своей истории духовных ценностей, ударил бы в набат. Его, знатока души своего народа, глубоко потрясло бы то, как рыночной стихией вымываются у казахов национальные особенности, служившие им прочной броней в жестокие века. То, что было не под силу ни джунгарам, ни белым царям, ни большевикам, становится обыденностью в условиях дикого рынка. Казахи деградируют в нравственном плане. Господин купон из гостеприимно-щедрого казаха делает (уже сделал) прижимисто-бездушного торгаша, способного отдать за баксы и тело, и душу.

Не мог бы Илеке равнодушно взирать на то, какой перелом происходит в общественном и индивидуальном сознании, когда место врага, вооруженного пиками и мечами, заняли политиканы, в совершенстве овладевшие оружием демагогии, лицемерия, озабоченные только собственным благополучием, шкурные интересы поставившие выше святой обязанности перед нацией, готовые продать все, что имеет спрос.

Как никогда актуально звучит следующий текст из его трилогии, приписываемый знаменитой дисциплинарной ясе великого Чингисхана: “Кто осмелится назвать себя ханом, не будучи избранным специальным курултаем, тому смерть. Смерть также тем, кто будет уличен в сознательном обмане, кто в торговых делах трижды обанкротится..., кто самовольно оставит порученный ему пост, кто будет уличен в предательстве, воровстве, лжесвидетельстве или в непочтении к старшим... Смерть... смерть... смерть...!”

Ох, как сегодня больному гиганту Казахстану, раздираемому, подобно хищным пираньям, полчищами алчных казнокрадов, пасуемому, словно мяч, с одного конца политически наэлектризованного поля на другой его конец, парализуемому в законотворческом хаосе, творимом творчески ущербными юристами, недостает Ильяса Есенберлина — писателя, обладавшего пытливым умом и зоркостью степного орла!

ПЕВЕЦ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Переоценка ценностей в условиях переходного периода в новое тысячелетие у нас, как и в других странах, уже произошла. Многие выдающиеся личности прошлого века были отмечены по заслугам, что очень даже отрадно. Однако, при этом почему-то остались незамеченными некоторые крупные личности, внесшие огромный вклад в национальную культуру. Таковым, прежде всего, является писатель Ильяс Есенберлин, чье имя еще при жизни стало легендой и в степи, и в мегаполисах. Вот уже треть столетия, точнее начиная, с 1969 года, с момента выхода его исторического романа «Хан Кене» И. Есенберлин не уронил пальму первенства в качестве самого наиболее читаемого автора и уважаемого прозаика в народе. В казахской литературе XX века И. Есенберлин не имеет себе равных по объему тиража более — 8 млн. своих книг, что никак не является формальным показателем. Образно говоря, он в каждом доме. В любом городе и ауле, так как снискал настоящую читательскую признательность и раньше, и ныне. А его исторические трилогии «Кочевники» и «Золотая Орда» по политическому весу и познавательной ценности являются самым крупным монументальным произведением национальной прозы прошлого столетия. Это и есть главный критерий для любого классика. Чего запомнили, к сожалению, «переоценщики» духовных ценностей.

В чем заключается отличительная особенность творчества И. Есенберлина? Это основной вопрос. Он универсален и приемлем ко всем литераторам. Применительно к личности И. Есенберлина ответ на этот принципиальный вопрос общеизвестен не только в пишущих кругах. Загвоздка в другом: никто не хотел оглашать! Банальную истину о нем. И до каких пор? Похоже его коллеги эту приятную миссию решили отодвинуть к 100-летию писателя, то есть в надежде на то, что до 2015 года, как в подобных случаях изрекал Ходжа Нассреддин: «или ишак сдохнет, или арба рассыпится». Они надеются, что к тому времени вдруг народ подзабудет своего литературного кумира, и он тоже как иные классики соцреализма, постепенно окажется во власти забвения и на свалке бренного бытия.

Я полагаю, что этого не случится по многим причинам. Ведь далеко не случайно И. Есенберлин де-факто стал не померкшим символом XX века в нашей республике не столько потому, что он родился в начале века (в 1915 году), ушел от нас почти в конце столетия (в 1983 году) и был живым свидетелем своего времени, сколько из-за своего многопланового литературного творчества, волновавшего умы современников, которые тогда в глубине души все же не теряли надежду на грядущие перемены и мечтали о лучшей участи для своего народа.

Он не является непревзойденно искусным мастером слова, как Мухтар Ауэзов. И. Есенберлину было некогда шлифовать каждое слово, каждую фразу. У него были иные задачи: философская трактовка уроков истории, издержек современности, планов на перспективу с помощью художественных образов. В целом его творчество – это глобальный подход к вопросам развития нации в отдаленном будущем. И в этом ключе он строил свои творческие замыслы. Он смог триедино соединить искусственно прерванную способность нации самостоятельно думать и решать судьбоносные вопросы общества без оглядки на “опекунов” свыше и со стороны. Поэтому он прибег к классической формуле: вчера, сегодня и завтра. Для того, чтобы нации строить свои прогнозы на год-другой нужно ясно себе представлять о том, что было в течение прошлых ста лет. Он раньше других понял, что нельзя прогнозировать на лет 10 не зная свою пятивековую историю и т. д. Вот почему миссионер И. Есенберлин уходил в глубину веков, откапывая там наиболее значимые события, реальные фигуры и т.п.

В статье невозможно анализировать ту или иную книгу автора. Даже беглый взгляд только по названиям его повестей и романов говорят о многом. Прежде всего о прозорливости автора. И. Есенберлин всегда тяготел к анализу и осмыслению эпохальных событий как своего времени, так и прошлых веков. При этом для него первостепенное значение имела судьба человека, конкретной личности. Не случайно одна из ранних его повестей так и называется “Песня о человеке”. И вся его творческая биография и есть, иными словами, “Поэма о людях”. О великих и простых, о героях положительных и отрицательных. Такое отношение к своим произведениям помогло ему раскрыть характеры литературных образов, прототипами которых были в основном исторические личности.

Другая его повесть именуется: “Бурливо течет Есиль”. Река Есиль, на берегу которой строится и хорошеет новая столица суверенного Казахстана, течет по равнине Сары-Арки далеко от гор. Поэтому она, в прямом смысле, никогда не бурлила. Но, сегодня она, в переносном смысле, действительно приковывает к себе внимание жителей не только Астаны. Все архитектурные планы города привязываются к особенностям Есиля. Ландшафт правого и левого берега этой реки плавно переходит в ландшафт города. Проектировщики столицы в своей работе отталкиваются именно от Есиля. И она стала не только главной водной артерией города. Такое впечатление, как будто И. Есенберлин 40 лет назад предвидел бурную жизнь на берегах спокойной реки Есиля. В Казахстане есть более крупные и быстрые реки, а он выбрал именно Есиль. В этом я еще раз убеждаюсь в странном совпадении его образов и грядущих событий. Даже условное название его книг не теряют с годами свою смысловую нагрузку.

Название его романов олицетворяют величие, красоту и грацию. Например, “Золотые кони просыпаются” и “Золотая птица”. И спустя 30 лет эти же его образы в качестве символов оказывались востребованными для геральдики юного государства. В советском гербе голова коня не изображена (там колосья). А историческая память, то есть олицетворение кочевой цивилизации и “крылья” степняка – конь оказался на гербе Республики Казахстан. Поистине, проснулись “Золотые кони” в конце 1991 года и XX века для нас. И здесь И. Есенберлин опережает события на десятки лет. “Золотая птица” Ильяса-ага теперь парит на флаге РК уже в виде орла, расправив свои могущественные крылья под солнцем и над Великой Степью. Его вчерашние образы сегодня воплощаются в реальности дня сегодняшнего.

У человеколюбивого И. Есенберлина романы о взаимоотношениях людей названы предельно метко и одновременно чрезвычайно романтично: “Влюбленные”, “Праздник любви”, “Радость белых лебедей”. Извечно актуальная тема в этих романах расписана как документальная хроника в точном соответствии своему названию. Одним словом, он оставил нам помимо исторических и “Трилогию о Любви”.

Поскольку жизнь писателя была многотрудной, а его творчество – полного риска, то многие произведения уже в своем названии наделены бойцовскими характерами. Кстати, такой характер был присущ в полном объеме и самому автору этих книг, ибо он не смог бы выполнить и отстоять свои творческие планы. Об этом свидетельствуют его романы: “Схватка”, “Опасная переправа”, “Мангистауский фронт”, “Битва в дали”. Не только в исторических трилогиях, но и во всех других книгах баталист И. Есенберлин устами своих героев поднимал животрепещущие проблемы современности и будущих поколений, на что моментально обратили внимание вахтеры той идеологии прежде всего не в ЦК КПК, а в самой литературной среде. На него ополчились все тяжеловесы словесного ремесла. Одних подогрели (С. Муканов и др.), другие были уверены в аполитичности творчества Ильяса-ага (Г. Мусрепов и др.). В подобной обстановке мудрый, но зависимый от Москвы Д.А. Кунаев не смог защитить писателя-новатора открыто, хотя очень высоко ценил искренние намерения И. Есенберлина и помог ему как смог ради святого дела. Еще в 60-е годы он впервые среди творческих работников в своих книгах поднимал вопросы реабилитации таких славных сынов нашего народа, как Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсунова, Алихана Букейханова, Шакарима и многих других. Ильяса-ага своему первому внуку дал имя все еще не признанного идеологами той поры М. Жумабаева, как бы в знак протеста, показывая личный пример и другим. Еще ранее в начале 50-х годов он, своему сыну дал “не ходовое” в то время, практически в русскоязычной среде, имя героя из казахского фольклора, зная, что сыну будет сложновато с этим грузом в жизни.

И. Есенберлин и здесь нам демонстрирует свое искреннее отношение к национальной святыне, чем для казахов является устное многовековое словесное творчество — фольклор. В действительности он и оказался чистым родником народной мудрости, вобравший в себе самое святое — историческую память нации, ратные деяния незабытых за много веков легендарных имен. Все это происходило тогда, когда иные излишне политизированные флюгерствующие писатели отреклись от собственной истории, от величайших личностей прошлого. Он всем неустанно доказывал, свою правду и в итоге перешел в контрнаступление от безысходности. Вот вам и мотивы его “Схваток”, “Фронтов”. Начиная уже с названия книги, И. Есенберлин будоражит твое воображение. Совершенно неважно, оно у тебя богатое или небогатое. И “Актабан Шубурынды” времен жунгарского нашествия и строительный бум на берегу Есиля новой столицы равнозначно напоминает “Битву в дали”, с той разницей, что первая — во времени, а вторая — в пространстве. Творчество Ильяс-ага вынуждает читателя думать самостоятельно. Его произведения — это главным образом, пища для размышления, бесконечная череда ассоциаций событий, переходящих из эпохи в эпоху, из одного состояния души в другое. Они написаны не поверхностно (о чем твердили завистники), а сжато, кратко. В них суть крупных и значительных событий спрессованы до предела возможности. Это источник ценных реалий познания себя и других. В этом неповторимость и уникальность литературного наследия Ильяс-ага. Вся 40-летняя творческая жизнь И. Есенберлина в двух словах и есть “Опасная переправа”, ибо он предпочел неизведанное, когда большинство собратьев по перу шли по обкатанному пути. И за ним в начале 70-х все же пошла горстка фанатиков, и он, впервые в казахской прозе XX века, создал литературную школу историков. И, Есенберлин выбрал себе бездорожье, не заблудился в потемках, гениально справился в одиночку с архиважной задачей и первым благополучно пришел к победному финишу. Таким образом, ему удалось одолеть свою “переправу”. Полная неожиданности. Мы сегодня обязаны сказать ему: “Хвала создателю!”

И. Есенберлин будучи директором издательства и вторым секретарем Союза Писателей Казахстана всячески помогал многим неординарным личностям. Оказывал влияние на взгляды Ануара Алимжанова, сам выпустил скандально известную книгу Олжаса Сулейменова “Азъ и Я” в издательстве “Жазушы” на свой риск. Он по-отечески заботился и любил Олжаса, делился своим богатым исследовательским опытом и бесспорно оказал огромное влияние на юное дарование в подборе масштабной темы о взаимовлиянии тюрко-славянских культур в области лингвистики — билингвизма. И не ошибся. Другое дело, что Олжас Омарович об этом сегодня умалчивает по непонятной причине. Тут невольно вспоминаешь роман Ильяс-ага “Прикрой своим щитом”, название которого говорит само за себя. Если И. Есенберлин натаскивал, а когда надо, яростно защищал своих младших

единомышленников по перу (Кабдеша Жумадилова, Мухтара Магауина и др.) и он сам, в свою очередь, нуждался в аналогичной поддержке со стороны руководства Казахстана и отдельных авторитетных ученых-историков и писателей за пределами республики. Помимо административной, ему оказали моральную поддержку такие известные люди как академик А. П. Окладников из Сибирского Отделения АН СССР из Новосибирска. Кристина Дамм из Варшавы, Чингиз Айтматов из Фрунзе (Бишкека) и т. д. Речь здесь идет не о спасении головы, благополучия и должности, а о защите литературного произведения типа романа “Хан Кене” или трилогии “Кочевники” от неуместно агрессивной критики, запретов. Причем данное понятие актуально не только в условиях тоталитаризма, но и в наши дни, хотя демократия у нас декларирована конституционно, так как талант – явление непривычное, редкое, новое, потому шокирующее консервативное большинство своим вызовом. Власть или совесть нации должно брать под свои “щиты” каждого, кто наделен от Бога столь не частым дарованием. Тут от власти требуется мудрость, от “совести нации” решительность и не конъюнктурность убеждений. В противном случае даже самый редкий талант превратится в пепел и прах под натиском злобы невежд.

Название главной книги И. Есенберлина “Кочевники” – однозначно удачное, так как соответствует традиционному образу жизни казахов. Оно при всей своей лаконичности достаточно емко характеризует уклад степняков. Действительно, оригинальное название. Само его определение расширяет границы повествования, так как кочевниками были тогда и другие соседние народы, с которыми наших предков связывали не только одни набеги и десятилетние кровопролитные противостояния, но и добрососедские отношения. Так лихо переноса за сжатые дни свою столицу с юга на север казахское руководство еще раз доказало миру свою генетическую мобильность и наличие в народе духа кочевой цивилизации. Тут тоже И. Есенберлин, внушивший своим соплеменникам их происхождение, на подсознательном уровне способствовал быстрому принятию столь трудного решения. Все что делается на подсознательном фоне людьми не осознается. Поэтому политики вам ответят: причем тут И. Есенберлин, что-де “мы сами с усами” и т. п. Суть произведений Шамши Калдаякова («Мой Казахстан»), трудов академиков Алкея Маргулана, Манаша Козыбаева и др., стихов Кадыра Мырзалиева («Ой Орманы»), книг И. Есенберлина и многих других, на языке науки, фиксируются в подкорковых слоях мозга, переходя в долгосрочную память и могут быть востребованы в том числе и в экстремальных ситуациях. Все это происходит отчасти неосознанно и индивид в таких случаях действительно не лукавит, но он сам не замечает мотивы своего поступка. Именно в этом ценность книг И. Есенберлина. Казахи в таких случаях говорят: «жадымда сақтадым», что означает — хранил в себе. Имеется ввиду, отодвигать закодированную информацию на второй план, но держать при себе эти сокровенные мысли.

Ради справедливости скажем о том, что первоначальное название трилогии не “Кочевники”, а “Белая Орда”, но красные фаталисты, для которых белый цвет означал оттенок бывшего идейного врага и слушать не хотели И. Есенберлина, и он был вынужден идти на компромисс. Причем, далеко не на плохой. Тем самым само обстоятельство подтолкнуло автора идти “шире” и “глубже” в неведомый мир старины. И “отмотавший” свое на полную катушку Ильяс-ага уже в возрасте старца, то есть пенсионера, начинает раскручивать свою “Золотую Орду”. Это мое субъективное мнение. Для меня всегда была загадкой написание трилогии “Золотая Орда”, которая за четверть века так и не понята казахстанским обществом. У всех в умах сидит вульгарный стереотип о том, что эта империя была злом для народов Евразии, с чем просвещенный люд с давних пор не согласен (Л. Н. Гумелев и мн. др.). И. Есенберлин и 25 лет назад лучше историков понимал истинное положение вещей. Об этой, проклятой в официальной идеологии центра, о, так называемой, Дикой Орде. Она просуществовала три столетия только потому, что была веротерпимой к своим поданным и жестокой для непокорных и дерзких. Разве не по этому признаку сегодня строится любая государственность при наличии высоколобых парламентариев? “Белая Орда”, рожденная в казахских степях, независимо чьими потомками, а главное нашими ханами Жанибеком и Кереем, в связи с распадом Красной Империи, именуемой СССР, которую лично я не считаю, рассадником зла, сегодня претерпевает свое второе рождение. Казахстанское руководство неплохо справляется с вопросами реанимации “Белой Орды” И. Есенберлина. На сегодня это главное и с этим фактом остается нам соглашаться. Когда возникла нешуточная дискуссия о переименовании будущей столицы из Акмолы, казахская интеллигенция вдруг вспомнила есенберлиновскую “Белую Орду” и предлагала дать столице имя “Акорда”. Данная инициатива не нашла полного понимания во властных структурах РК и главному городу дали имя “Столица” — Астана. В любом случае, думы и чаяния И. Есенберлина живут в умах. У простого народа и его правителей. Такие личности как И. Есенберлин, к сожалению, будут востребованы обычно в годы лихолетья, как его главный герой — последний казахский хан Кенесары, о ком была выпущена брошюра по настоянию Москвы, именно в 1942 году для поднятия воинского духа солдат и офицеров казахской национальности во время войны советской России с фашистской Германией. Судя потому, что и прославленный 32-й хан Кенесары, и И. Есенберлин не востребованы для публичной пропаганды в Казахстане только потому, что у нас царит тишина перед бурей, а час “икс”, возможно, все еще впереди. На то имеются веские предпосылки в той или иной мере он рано или поздно неизбежен. Таковы законы природы и мы перед ними бессильны.

Пока что, как смог И. Есенберлин ради сплочения своего народа, пробуждения его национального самосознания и формирования характера сделал все, что в его силах. Трилогия “Кочевники” и “Золотая Орда”, не считая другие девять книг, оказали благотворное влияние для осознания нами своего национального “Я”. Среди писателей Казахстана XX века творческий запал И. Есенберлина простимулировал процесс созревания нации к строительству самостоятельного государства. Книги И. Есенберлина имеют огромное нациоформирующее и государство образующее значение для нашего древнего этноса. Именно Ильяс-ага впервые указал на то, что Казахстан практически является самым большим осколком в центре той огромной империи той Золотой Орды, у которой “голова” была в начале монгольского происхождения, но становой хребет — бескрайние кипчакские степи, подпитавшие военно-политическую мощь Державы потомков Чингисхана, отюреченных затем в течение каких-то нескольких поколений. На современном языке Казахстан стал как бы правопреемником Золотой Орды, на которую гнули спины наши предки на своей исторической родине. Любопытный И. Есенберлин интересовался Золотой Ордой ради разоблачение стандартной лжи и познания исторической истины, так как Золотая Орда возникла у подножья гор Улытау (недалеко от Астаны) и исчезла тоже там, имея свою столицу – Сарай тоже на казахских землях на Западе Казахстана. Наша страна теперь от этого факта уже имеет историко-политические дивиденды, так как Золотая Орда известна во всем мире и обозначена на карте по истории. Ведь современники И. Есенберлина Золотую Орду клеймили позором, обвиняя при этом автора самого прогрессивного произведения в ущербности его самосознания, в убогости взглядов. Эти же критиканы сегодня лихорадочно идут по его стопам и дошли до Томириса, Султана Бейбарса, Атиллы и идут еще дальше, так как нынче нет былого запрета. Напротив, историческая тема вдруг стала выгодной для имиджа вчерашних соцреалистов. Самым драматичным явлением десяти последних суверенных лет стало практическое отсутствие столь-нибудь ценных литературных произведений, способствующих становление и формирование казахстанского патриотизма и государственной идеологии.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

Богатейшее этическое наследие казахов, искромётные изречения акынов древности оставили за собой зияющий провал - неестественную и от того страшную пустоту в прошлом воистину талантливого народа, которое творцы казарменного социализма обнесли стеной беспамятства. И чтобы воспрянуть гордому духу наследников Золотой Орды нужны были скромные титаны духа, к которым мы относим незабвенного Ильяса Есенберлина, патриарха исторической памяти народа.

Поэм достойна эта незаурядная личность, взявшая на себя бремя доброго врачевателя исторической памяти народа. И как каждый истинный герой, он будет наделен недюжинной силой и умом, которых мы старались не замечать при жизни в этом скромнейшем человеке, сконцентрировавшем в себе совесть нации, титаническое упорство в раскрытии прошлого народа и не менее титаническое трудолюбие, которое больше воздуха питало его сердце.

Но пока не родилась легенда есть жесткая правда нашей действительности, где большому писателю приходилось с кровью преодолевать цензуру человеческой косности, барьеры чиновничьего мышления и рабской психологии - иначе не оборвалось бы так рано дыхание коренного степняка-аргынца, самой природой и генами предков благословенного на мудрое долголетие, а степень мудрости в моем народе опереждалась не возрастом, а знанием законов жизни, в которых Ильяс был непревзойден.

Не надо быть глубоко религиозным человеком, чтобы понять, что земля населена духами наших предков. Но надо быть большим творцом, чтобы подобно древним шаманам выходить на связь с прошлым и будущим. И в этом плане Ильяс представляется мне во всей грандиозности языческих костров, бросающим в при таивших дыхание соплеменников звездные горсти великих воспоминаний, в бешеном ритме ритуального танца, будоражающим сознание и пробуждающим в рабской плоти гордый дух и честь своего великого племени, изгоняющим из немощного тела нации комплекс неполноценности и неуверенности в себе.

Величие человеческого духа всегда подавляло серость обыденного сознания и пугало вершителей судеб подавленных масс. Невольно вспоминается тревожный декабрь восемьдесят шестого, выливший на площади с новой плеядой нации не только обостренное чувство национального достоинства, но и протест против исторического беспамятства, осознание чести и права народа вершить свою судьбу и историю.

Почему-то самой страшной крамолой на тонущем судне тоталитаризма посчитали трилогию Ильясa Есенберлина «Кочевники», не в пример бытовавшей до сего времени литературе, высветившей поистине золотые страницы величественной истории кочевников, их государственности. И от того сама история казахов показалась поверженным в ужас ставленникам Кремля взрывоопаснее всех существующих арсеналов мощнейшего в мире военного комплекса. На традиционную московскую книжную ярмарку, неизменным и почетным гостем которой всегда был при жизни Ильяс, казахстанская экспозиция осенью следующего года отправилась без его лебединой песни.

Не нами выведена формула, что творчество каждого большого писателя питает народ. Не исключение и Ильяс, только боли и сострадания к этому народу было у него по более тех, чья дорога к признанию была вымощена беспроигрышным на восхождении к славе социалистическим реализмом. А главное, его сердце не могло биться без вечного диалога с духами предков и совестью нации.

И народ распахивал душу его книгам, внимал им с дрожью в сердце и изумлением впервые раскрывших глаза детей. Не ради красного словца, а как итог многократно виденного могу сказать, что романы Есенберлина проторили дорогу к каждому степному аулу, где неизменно на скудной полке школьных учебников и кипы журналов красовался томик его произведений.

Помнятся слова покойной матери, большой поклонницы творчества писателя, считавшей, что годы заключения оказались неоценимыми для писателя в обдумывании сюжетов своих книг, накоплении материала. Может оно отчасти и так, но люди по разному переживают заключение и прочие удары судьбы. Чаще замыкаются в себе. Но каждый удар извне по Есенберлину будто рождал ответную реакцию. Чаще всего мы повторяем избитые слова о тернистом жизненном пути в отношении того или иного писателя. Может быть это закон творчества и одна из побудительных причин большого таланта. Но в Ильясe тернии жизни и борьба не носили внешне драматического характера, и ни в коей мере он не придавал им героического пафоса. Продолжал скромно служить своей главной цели, сохраняя истинную интеллигентность и не делая трагедии из своего призвания жить болью по утраченной памяти народа, мастерски воссоздавал ее в своих эпических по размаху, романтических по духу и пронизанных сыновьей любовью полотнах.

Счастлива участь большого писателя. Если художник может остановить мгновение, то истинному романисту подвластны пласты времени, которые концентрируются в величественную панораму народной жизни во всей глубине его философии, со всеми чаяниями и устремлениями. Населяя

свои книги, вернее воссоздавая и оживляя величественные персонажи, реанимируя гордый дух степного народа, Ильяс Есенберлин нашел собственный ключ к прочтению истории не по заданности верхов, а по долгу совести. Причем его романы не упоение былой славой и самолюбование казаха, они скорее объективное отражение движения нации. Понимая бесполезность противостояния могущественному белому царю, понимая, как трудно удержать безбрежные пространства в сегодняшнем бурно растущем мире, мятежный Кенесары призывает к действию, пока казахи из львов и тигров не превратились в муравьев, червей и ящериц.

Но ни в коей мере нельзя трактовать романы Есенберлина как противопоставление степного народа остальному человечеству. Не случайно он вводит печальные нотки в предсмертном прощании хана Аблая с Бухаржырау: «Думал я всегда, что казахи — малый народ и должны быть как волки... Но наступают новые времена, и вижу перед смертью, что не все понимал в жизни... Полвека воевал я, не давая приблизиться в своему горлу китайскому дракону. И все я делал для того, чтобы сблизиться с русскими царями.., научить моих туленгутов сеять хлеб. И крепости я разрешал строить в степи. Эти крепости, города и дороги, этот хлеб помогли нам выстоять в годы отчаяния».

Вспомнил я эти Есенберлинские строки не случайно. Приобретение суверенитета и новое возрождение казахской государственности начали кружить головы отдельным национал-патриотам, связывающим демократические процессы с полной казахизацией. Не так уж велик наш народ, чтобы расправить свои крылья в изоляции, тогда как весь мир видит свое будущее в интеграции как экономики, так и культурного достояния человечества. И не лишне горе-патриотам от кизячего дымка заброшенных стойбищ еще раз обратиться к есенберлинским романам, чтобы понять какой ценой и во имя чего достигается свобода и защищается государственность.

Мне посчастливилось пообщаться при жизни с Ильясом Есенберлиным и многие его рассуждения стали для меня непререкаемым авторитетом. Всегда порожая широтой эрудиции он мог дать консультацию по любому вопросу, будь то историческая справка, механизмы или диалекты речи кочевников. Как-то разговор зашел об аргынских племенах и в моей памяти остались его слова о том, что нашей родовой рекой была Аргунь, которая питает могучий Амур, а замыкала сферу влияния наших предков река Аргун на Кавказе.

Не потому ли мое сердце больно ранила война в Чечне, бомбардировки мирного Аргуна. С оценкой этой кровавой бойни я не раз выступал в печати. В конце-концов в наше время пора осознать политикам, что никакими целями нельзя оправдать военные конфликты, проливать человеческую кровь. Земля давно стала нашим единым и неделимым домом, но в нем, как

в каждой нормальной семье, рождаются разные дети. Так дайте им состояться в своей личной неповторимости. А от палитры этносов, культур, мировоззрений только выигрывает, обогащается и становится краше человеческий мир, в котором каждый народ имеет право на свою историю своих великих летописцев.

Если я познавал древний Египет через романы Георгия Гулиа, историю походов Александра Македонского через книги Курция Руфа, то и мои соотечественники других кровей узнают историю моего народа через книги Есенберлина. Не в этом ли главное и высокое призвание писателя — не сужать, а расширять через любовь в своему народу границы его влияния на мир. Пусть опыт степных потрясений, вождей и поиски народом лучшей доли не дает нам повторять горьких ошибок. Не для этого ли посвящают свою жизнь анализу прошлого лучшие умы, не потому ли Господь Бог наделяет их даром проникновения в глубине веков.

Прекрасно воплотивший в себе этот дар, Ильяс Есенберлин, ничем внешне не выделяясь в писательской среде, можно сказать в гордом одиночестве, поднимал такие глубокие пласты исторической целины, что дали поистине добротный урожай, сослужив высокую службу пробуждению исторического сознания казахов на новой волне всплеска национального самосознания и определения своего дальнейшего исторического пути.

Несомненной заслугой - Есенберлина является то, что, обращаясь к исторической тематике, он пробуждал у читателей патриотизм, верность родной земле и заветам предков, исходящие из самой природы казахов. Показывая сложные перипетии борьбы за национальную независимость и обретение государственности, он как бы бросал вызов идеологическому давлению системы, старавшейся лишить национальные окраины советской империи своей истинной истории, придать статус отсталых в прошлом народов. Поэтому и книги его трудно и долго шли к читателю, подвергались многочисленным нападкам стражей системы. Но борьба с цензурой и травлей околотитературных критиков только закалила его творческий талант, усилила его работоспособность и остается только горько сожалеть, что он ушел из жизни в самом расцвете творческих сил.

Писатель успел оставить благодарным читателям целое собрание произведений, делающих честь не только ему самому, но и прославленному им народу. Во многих странах и континентах книги Есенберлина несли правду о казахском народе, его истории и культуре. И еще, благодаря его трудам, народу возвращены имена его блистательных героев, даже упоминание о которых в те годы было смертным грехом для литературных послушников. Своим решительным вторжением в жанр исторического романа Ильяс Есенберлин неизмеримо обогатил казахскую литературу, выводя ее на новые качественные и прогрессивные рубежи, так то в бурном становлении

казахского романа XX века золотыми буквами вписано и его перо. Но в жизни он оставался простым и доступным, как и его книги.

Невысокий, неторопливый, никогда не повышающий голоса, он был из той замечательной плеяды интеллигентов советского периода, сохранивших не наигранную народность, мудрость мышления и поступков, не растерявших в борьбе за кормушку у власти благородства души и чистоты призвания. Оставив такой глубокий след в казахском историческом романе, Ильяс Есенберлин оставался в истинном смысле тружеником пера, не любящим громкой славы, далеким от самолюбования. И сегодня остается лишь сожалеть о том, как мало мы знаем его внутренний мир, и как жаль незадаанных вопросов, на которые он мог дать неординарный ответ. Как не умеем мы ценить людей при жизни, как будто не ожидает нас один конец — и великих, и самых простых, к которым, как истинный сын народа, более тяготел покойный Ильяс.

Сколько раз бывало, мчась на высоких скоростях по еще не стиснутым движением алматинским улицам, вдруг замечаешь, знакомую фигуру с неторопливой походкой. Он ходил, будто боясь растерять свои мысли или отпугнуть, пришедшие из глубины веков образы, упиваясь своей слитностью с улицами и скверами, домами и людьми, которые не всегда узнавали своего кумира. Да он и не нуждался в громогласных восторгах и излияниях, мудро рассуждая о бренности жизни и преходящей славе на примерах своих поучительных книг.

Прошлое живет в нас, и порой, на тенистой улице неподалеку от главного писательского дома столицы, невольно ищешь взглядом привычный силуэт. А улицы полны другими людьми, несущими с собой бремя своих забот и мыслей. И хочется верить, что где-то в другом измерении продолжает свои неторопливые прогулки наш уважаемый Ильяс, теперь уже действительно аксакал, все также пристально вглядываясь в наши лица. А дома меня радует своим юным восторгом внук Ильяс, громко заявляющий о своем существовании, и я молю ему достойной жизни.

А недавно, вернувшись с берегов Нила, отойдя от массы впечатлений, еще раз убедился в том, сколь не велик человек при жизни, остается после него не так уж много. Осела в землю мечеть султана Бейбарса, одинокой амбразурой на африканском солнцепеке смотрится могила султана Кайтбая в форту, воздвигнутом им на месте одного из семи чудес света — Александрийского маяка. Даже величественные пирамиды фараонов стоят памятниками самых бессмысленных строек тех далеких веков, поглотивших колоссальную массу человеческой энергии.

Ни великие диктаторы, ни блистательные полководцы не оставляют о себе такой благодарной памяти, как люди творчества. Их гений возводит величественные сооружения, создает божественные творения, а святое перо

истинного писателя оставляет бессмертные произведения. Вот и Ильяс Есенберлин не только оставил после себя бессмертные романы, но и напитал их легендарной историей народа, оживил ее забытые страницы и пролил свет на толпы манкуртов. И тысячи-тысяч благодарных читателей открывают через него не только свое прошлое, но и заново осмысливают сегодняшний день своего народа, достойного лучшей участи на древней и исконной казахской земле, знавшей как блеск величия Золотой Орды, так и мрачные годы бесправия и угнетения.

Так какой же памяти достоин скромнейший человек, всей своей жизнью, ярким самобытным талантом и жаром своего сердца возвращавший казахскому народу историческую память, пробуждавший национальное сознание, сеявший гордость за свое прошлое и открывавший другим народам правду о своих соплеменниках. Разве что благодарные потомки создадут легенду. О добром врачевателе памяти народа, хотя лучшей, памятью о писателе являются его книги.

Дюсенбаев А. Р.

ЗНАТОК КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ты первым приветствовал солнца восход,
И первым ты звездный встречал небосвод.
И первым отправил ты парусник в море,
Восток,— мореплаватель и звездочет.
Чингиз и Атилла — тоже наш восток.
Ты собственной кровью когда-то истек.
Твои пирамиды стерты, а их вечные тайны —
Никто никогда разгадать не смог.

(Из поэмы И.Есенберлина “Аль-Фараби”)

На пороге новой эпохи народ Казахстана вот уже десять лет продолжает строить независимое государство. И наша «Лодка» вышла на открытый океан мирового порядка. Данное обстоятельство диктует свои правила в вопросах прогнозов, планов и надежд и в сфере культуры. Это, прежде всего познавательная область. Тут все еще остается для нас актуальной художественная литература, построенная на правдивой жизнеутверждающей основе, так как красочно вымышленные эрзац произведения мало кого интересуют. В условиях рыночной экономики народ сам добровольно переходит от абстрактных понятий к конкретным вещам. Надуманные шедевры совершенно бесполезны, а людей привлекает истина, польза и толк.

Как не парадоксально, но XX тоталитарный век для письменной казахской литературы стал “золотым веком”. Ясно, что этот век таковым не будет по объективным причинам. Так что литературного бума впредь не ожидается. А вот произведения, каких писателей в наиболее полном объеме следует трансформировать в следующее столетие — это самый трудный, потому болезненный вопрос. Хотя и народ, и правители прекрасно понимают, что в прошлом веке писалось и издавалось слишком много низкопробных книг в жанре соцреализма. Но, об этом у нас вслух пока не говорят. Так принято на Востоке.

Сегодня есть смысл переиздать книги лишь отдельных писателей XX века. И. Есенберлина, М. Ауэзова и ряд других авторов, так как многие книги большинства авторов утратили свою актуальность. На них нет спроса в обществе. В отличие от них, книги И. Есенберлина были востребованы читателями и 30 лет назад, и сегодня. Причина здесь довольно простая: он вопреки запретам властей и наветам своих же коллег один, а главное Первым смог преподнести своему читателю уникальную и достоверную картину семивековой истории народа, полного драматизма и трагедии. И. Есенберлин ныне остается не только первым, но и самым крупным писателем

на увлекательную историческую тему. И эти строки из его поэмы “Аль-Фараби” без всякого преувеличения можно переадресовать и к его личности, к его творчеству. Именно его больше других волновали судьбы стертых с лица земли наших городов с юных лет до последнего его дыхания. Он все же успел разгадать много тайн о прошлом Великой Степи и составить хронологию событий нескольких веков, выделив наиболее знаковые фигуры той эпохи. Поскольку он создал литературную школу, то его ученики и последователи по сей день идут по его следу, дополняя его думы.

Писатель Кабдош Жумадилов назвал Ильяс-ага своим учителем. И для многих тысяч любителей и профессионалов по истории края И. Есенберлин стал духовным наставником! Это есть свершившийся факт новейшей истории Казахстана. Без трилогии “Кочевники” вряд ли возник бы столь обширный интерес к истории края.

Нельзя забывать то, что именно И. Есенберлину мы обязаны возвращением к нам славных имен выдающихся деятелей казахского народа в городах и селах республики. Например, в 1990 году депутаты города Балхаша не соглашались присвоить одной центральной улице имя Агыбай батыра. Тогда Председатель Горсовета им открыл страницы романа «Хан Кене» и вопрос тут же был решен положительно.

Помимо этого внутриполитического, произведения И. Есенберлина имеют и внешнеполитическое значение, так как благодаря многочисленным переводам на многие языки мира о казахском народе, его героической истории, самобытной культуре узнали люди на всех континентах.

“Кочевники” – не столько пятивековая история казахских ханств, сколько пятивековая история казахской государственности.

Что касается настоящего времени, то наблюдательный человек зримо ощущает влияние творчества на умонастроение наших сограждан. Студенты в 1986 году несли лишь один плакат: “Каждому народу – своего вождя!” То есть своего Абылай хана или Хана Кене. Если учесть, что четверть века тому назад И. Есенберлин (“Кочевники”) был наиболее массово читаемым автором, то не трудно представить, какое идейное и идеологическое воздействие его книги оказывали на людей разных возрастов. Если в Казахстане после распада СССР не произошло “югославизации”, то и в этом огромная заслуга И. Есенберлина как просветителя.

К философским наброскам И. Есенберлина в “Кочевниках” политики всегда относились подозрительно, так как автор искал ответы на такие вопросы: кто и за какие свои деяния должен иметь моральное право быть выразителем идеи национального единства? Как и куда вести свое государство? Что строить? Как? Он описывал и отрицательных героев...

Почему о проблемах, поднятых в этой книге, и ныне говорят еще не в полный голос? Потому что среди всех казахских ханов Кенесары был самым

смелым, честным, высоконравственным и благородным. Автор в своем главном герое нашел духовное родство, общность характеров, близость в идеалах. Он тоже, как его славный предок, своей главной целью считал пробудить народ, заставить его думать о завтрашнем дне, не забывая уроки прошлого, времени, когда наш народ стоял перед угрозой исчезновения, как и сами джунгары.

В последнем телеинтервью 20 лет назад, беседуя с Султаном Оразалиным, И. Есенберлин подчеркивал особенность казахстано-китайских отношений, а затем говорил об обреченности казахов жить в вечной дружбе с Россией. В своих романах он блестяще показал разнополярность и многовекторность внешней политики казахских ханов в течение многих веков. Его наследство, думаю, не утратит своей актуальности. Пока существует Великая Степь.

Мы постоянно слышим один и тот же вердикт о том, что в XX веке у нас появились два шедевра: “Путь Абая” и “Кочевники”. Следовательно, два великих мыслителя — М. Ауэзов и И. Есенберлин. По отношению к И. Есенберлину все эти высказывания остаются лишь словами и никак не находят своего материального воплощения. “Благодарные потомки” для увековечивания памяти великого писателя пока что ничего не предприняли. А его земляки отрециваются, называя его средним писателем. Общеизвестно, что чем ярче талант, то тем больше злопыхателей.

Фонд имени И. Есенберлина полагал, что малая Родина писателя — Астана поддержит идею открытия дома-музея знаменитого земляка — создателя исторической летописи своего народа. Тем более что этот степной город не так уж насыщен очагами культуры. Именем И. Есенберлина в родном Казахстане не названо ни одного села, завода, нормальной улицы, ВУЗ-а, СУЗ-а, школы и даже детского садика.

Парадоксально, но не только в Алматы, но и по всей республике населенные пункты, учебные заведения, проспекты и улицы города носят имена героев есенберлиновских романов (“Кочевники”, “Золотая Орда”), а творец этих бессмертных книг не увековечен даже самой маленькой табличкой.

Многим не совсем понятно, почему наши известные литераторы и ученые не предлагают чтобы увековечить имя Главного историка. Поэтому поводу писатель Б. Тлегенов в журнале «Жұлдыз» опубликовал статью: «Почему мы ненавидели Ильяса Есенберлина?» Настоящий интеллигент, глубокопорядочный по своей природе и воспитанию, не от мира сего — занятый исключительно своим творческим ремеслом, вечно больной тщедушный инвалид войны И. Есенберлин никогда никому ничего плохого не делал! Объективно для всеобщего презрения сам писатель никакого повода не давал. Он как Ч. Валиханов, как Абай, как М. Макатаев, как Ш. Калдаяков

не вписался в провинциальный приземленный стандарт. То есть результаты его творческой деятельности не вмещались в заранее предусмотренную убогую клетку. Он вышел из этих рамок и вызвал гнев тех, которые были лихорадочно заняты самоутверждением. В отличие от них для И. Есенберлина все эти надуманные условности никакого значения не имели. Написав бестселлер он всем нарушил покой. Не он сам, а его книги стали красной тряпкой для «быков» казахской литературы. И они его забодали безжалостно.

И. Есенберлин шокировал не только хозяев республики (идеологов ЦК КПК), но и литературную элиту вместе с субэлитой, где он тогда не значился, совершив «Великий скачок» неожиданно для них. В 70-е годы вдруг не известный И. Есенберлин стал самым востребованным писателем. Как можно любить такого счастливчика? А никак.

Столь несправедливое отношение национальной интеллигенции к творчеству и личности И. Есенберлина как на лакмусовой бумаге показывает состояние казахского общества не только вчера, но и сегодня. Оно и есть субнация по уровню своей зрелости, так как Казахстан 70 лет находился в составе Союза, два столетия был отсталой окраиной Российской империи, до того — в тисках более могущественных соседей, еще раньше — в составе монгольской Золотой Орды и т. п. В результате казахи на своей земле оказывались людьми второго сорта, то есть субнацией. А за считанные годы ментальность народа и его наиболее продвинутых граждан так быстро, как овощи и фрукты, не меняются. Чтобы отбросить рабскую психологию тысячелетия потребуются чуть не столетие. Наши деятели культуры и политики выходцы из народа и являются носителями его традиции, которая прочно формировалась под воздействием двойного гнета — местного и иноземного. В итоге имеем дело с удвоенным рабством. Со времен Рима мы знаем насколько жестоки рабы к друг другу, из-за того, что вся злоба у них не находя выхода в наружу загоняется в себе. Не случайно озлобленность наиболее рельефно проявляется в местах лишения свободы. К интеллигенции субнации все это приемлемо лишь принципиально, где на первый план выходят уже не физические воздействия, а душевные травмы другим на почве зависти. Тут месть изощряется, обретя завуалированную форму с пролонгирующим эффектом, за что простые люди шутливо называют интеллигенцию «гнилой». Злопамятство — это следствие слабости духа независимо от положения человека в обществе.

Не склонный к интригам И. Есенберлин проигнорировал местный обычай. У нас всяк кто хочет быть в верхах прежде всего строит ко всем влиятельным персонам «Мосты». Напротив, он их сжигал, будучи несправедливо обиженным.

В те годы все писатели заискивали перед Сабеке, Габеке и другими авторитетами, а И. Есенберлин им яростно доказывал свою правоту, что

еще больше подлило масла в огонь. По большому счету он был прав, но Ильяс-ага заранее не готовил “почву” под себя» как все остальные. Он ворвался в этот убогий мирок во весь рост, а нужно было приползти, угождать, заискивать. Он этого не умел и отсюда все его личные драмы. Столкнулись еще европеизированный индивидуалистский подход к смыслу жизни с оголтелой азиатщиной. От всего этого его творчество здорово выиграло, но он сам сильно пострадал, как родитель, который жертвует себя защищая свое дитя. Второго подобного случая в казахской литературе XX века мы не помним.

Поэт и горный инженер И. Есенберлин прозой стал заниматься довольно поздно, но за не очень длинную жизнь успел оставить 15 романов. Его книги переведены на 30 языков мира и вышли общим тиражом более 8 миллионов! По оценкам литературных критиков книги И. Есенберлина будут переиздаваться снова и снова и никогда не утратят свою притягательную, силу. Разве не в этом заключается истинное предназначение настоящего мастера пера?

Есенберлин — миссионер. Он выполнил непосильную другим задачу: рассказал о многовековой истории древней земли и ее государственности. Он будто 30 лет тому назад предвидел события осени 1991 года. И своих спокойных и уравновешенных соплеменников загодя просветил в вопросах суверенитета, государственного строительства. Разве всплеск национального самосознания в дни декабрьских событий 1986 года не произошел на подсознательном уровне под влиянием информационной энергии тех же «Кочевников»? Были и другие книги, но исторические романы И. Есенберлина лидируют в этом отношении. Для детей «Кочевники» — забавная сказка, для молодежи — остросюжетный боевик, а для взрослых — многоплановое эпическое повествование.

Его творчество, как и подобает мыслителю подобного масштаба, охватывает два пространства: хронологическое временно-историческое и евразийско-трансконтинентальное географическое. События в хронологическом пространстве простираются на тысячи верст с Востока на Запад, с Юга на Север. Он выполнил такую кропотливую поисковую работу, что не под силу не только одному НИИ, а целой Академии наук. Это и есть истинный гражданский подвиг.

Соприкасаясь с творческим наследием И. Есенберлина, приходишь к тривиальному выводу о том, что разобраться в его архиве можно лишь при системном изучении его трудов и рукописей, т. е. необходим анализ и переосмысление доставшегося нам наследия специалистами различных направлений. Аспекты: исторический, языковой, политический, геополитический, эстетический, философский, поэтический, прозаический, а также вопросы экономики, культурологии, психологии, дипломатии, этнопсихологии и т.д. Причем это нужно не детям писателя, а его народу, т. к. мысли

великого писателя имеют прогрессирующее политическое значение. Мало того, его книги с каждым годом обретают все большую идеологическую ценность и значимость для молодого, но все еще не окрепшего идейно суверенного государства. Судя по высказываниям наших ведущих политиков, все они выросли из «Кочевников». Трилогия вольно или невольно стала настольной книгой нашей политической элиты.

Герой не тот, кто громче всех надрывается на митингах. И. Есенберлин совершил подвиг скрывая боль души, сохраняя до конца своих дней доброжелательность и к близким своим, и к недругам. В наше время, когда общество раскалывается на два полюса — «волков» и «овец», становятся актуальными такие понятия, как интеллигентность, внутренняя культура, носитель добра и зла, человечность. Столь любимые не только в нашем народе исторические трилогии «Кочевники» и «Золотая Орда» Ильяс Есенберлин писал и издавал тогда, когда данная тема была запретной. Об этом красноречиво свидетельствует многолетняя травля, когда заявления оппонентов одних — анонимны, других — открыто о том, что он восхваляет ханов, батыров, биев, то есть классовых врагов Нового строя.

Известно, что творческая среда — это конкурентное поле и отсюда вытекает истинное отношение у писателей друг-другу. Тогда они сначала став известными в республике тянулись к Союзному уровню. Не у всех это получалось. Это здоровые, крепкие, иногда рослые и вполне симпатичные амбициозные мужчины. И. Есенберлин став знаменитостью в Казахстане легко вышел и на Союзную читательскую аудиторию, а через переводы своих книг осваивал и мировой уровень. Вот вам и повод для нелюбви. И ныне продолжается негативное отношение к И. Есенберлину потому, что его книги переиздаются сегодня на казахском, русском, английском языках, которые востребованы людьми в республике, в странах СНГ и на всех пяти континентах. Другого такого казахского писателя нет. За годы независимости так и не появился второго Есенберлина, хотя нет прежних идеологических запретов в литературе.

Остались считанные месяцы к 200-летию Кенесары Касымова, который отдав свою голову за государственную независимость стал самым уважаемым национальным героем. О главном предводителе за суверенитет пока что у нас абсолютная тишина. Хан Кенесары перерос своего отца хана Касыма и превзошел своего деда хана Абылая. В истории казахских ханств он наиболее весомая личность. Ему нет равных. Но субнация с рабскими выходками хочет перехитрить самого себя. Кенесары в Санкт-Петербурге 150 лет назад считался достойным противником. Ему посветил роман Жюль Верн, которого по настоянию И. Тургенева перевели на русский язык и в 1900 году издавали в Санкт-Петербурге. Недавно московский телеканал РТР продублировав показал на всю СНГ италянскую

экранизацию французского романа “Курьер Царя”. Молчит лишь Казахстан. Поскольку главным героем И. Есенберлина является Хан Кенесары, когда мы говорим об одном из них, то подразумеваем о другом. Быть может это обстоятельство мешает властям достойно отметить юбилей славного сына казахского народа.

Слухи, которых распространяют нынче некоторые литераторы о том, что Кенесары не то, что не сжог до тла Акмолинскую крепость, а даже ближе пушечного выстрела не подходил к укреплению, не соответствует действительности. По их «версии» якобы Кенесары лишь шантажировал генерал-губернатора ради того, чтобы стать старшим султаном. Почему вдруг прославленный хан оказался, по их мнению, обычным конокрадом, т. е. бандитом?

Братья Касымовы — Кенесары и Наурызбай погибли в бою за национальную независимость. Государственная символика современного Казахстана окроплена их кровью. В вопросах суверенитета нет более величественных персон, чем они. Одним словом, у нас памятники ставят не тем ханам. В Алматы даже нет улицы с именем Кенесары. Ведь Кенесары воевал не с русским народом, а возглавил много-национальное движение сопротивления, как С. Разин, как Е. Пугачев. Он 10 лет сражался с самодержавием, возглавив антиколониальную борьбу. Причем заранее зная о последствиях для себя. Но для него понятие Чести было дороже жизни. Вот почему народ о нем слогал легенды.

В жизни И. Есенберлина очень много поучительного для нашей интеллигенции. Вкратце суть его в том, что пусть каждый основательно занимается своим делом не расстрачивая свое золотое время на сколачивание группы поддержки, на поиск влиятельного чиновника ради протаскивания сырого материала (тех же книг) через никчемные условности, на самообман.

Знаменитые исторические трилогии И. Есенберлина за 33 года их существования ни разу нигде никем не отмечены. Это беда не И. Есенберлина. Это наш национальный позор! Он свое отработал честно и достойно, теперь слово за нацией.

ЖЕЗДЕ

Скоро будет уже двадцать лет как нет среди нас прекрасного человека и писателя Ильяса Есенберлина. Я часто вспоминаю его с теплотой и любовью. Хотя я был его родственником (двоюродным братом его жены Диляры) и всегда называл по казахской традиции “жезде”, то есть как мужа моей старшей сестры, в моей памяти Ильяс Есенберлин остался прежде всего как человек высокой нравственности, писатель оставшийся верным до конца своему делу.

Впервые я встретил своего жезде очень давно, более пятидесяти лет тому назад, в годы Великой Отечественной войны, в то время я жил в ауле недалеко от города Акмолинска (ныне Астана). Он приехал в наш дом, чтобы ближе познакомиться с родными своей жены Диляры, а главное он хотел, наверное, по казахскому обычаю встретиться с главой рода Жусупбеком и получить его благословение. Отец Диляры Хамза был репрессирован и расстрелян в 1937 году, как было принято тогда говорить, он был “врагом народа”. Жусупбек был отцом Хамзы и дедом Диляры и приезжать к нему, к семье “врага народа” Ильясу, ответственному работнику ЦК Компартии Казахстана, было, конечно, небезопасно. Жусупбек был уже в то время в возрасте почтенном, он сильно болел, видимо, горе связанное с осуждением любимого сына Хамзы и тяжелая судьба внуков сломило его здоровье. Не знаю, просила ли Диляра, сильно переживавшая за судьбу своих родственников или он сам решил, в любом случае это был поступок достойный уважения. Жусупбек тоже, видимо, хорошо понимал, что приезд Ильяса смелый шаг, он просто не ожидал, что зять приедет к людям, находившимся в опале, которых любой мог безнаказанно обидеть, оскорбить, унижить, к людям, от которых нет никакой пользы, одни проблемы. Я помню, как Жусупбек в голос рыдал, когда узнал кто приехал к нему. Аул наш стоял в пойме реки Нура, жили мы все в юртах. Жусупбек, хотя и болел, продолжал работать чабаном. Помню как Ильяс вошел в юрту Жусупбека и долго беседовал. Знаю точно, что оба остались очень довольны разговором, поскольку Ильяс пообещал взять всю семью Хамзы к себе, обучить его детей и, конечно, за все это получил благословение. Жусупбек тоже остался очень доволен, он был рад, что наконец его внуки будут устроены. Приезд Ильяса к нам аул произвел огромное впечатление на всех жителей, главное всех поразило, что у нового зятя не было высокомерия, наоборот высокое почтение к униженным людям. Это событие стало достаточным, чтобы сломить устоявшиеся отношения к нам. В дальнейшем вся семья Хамзы Жусупбекова, его жена Рабига, сыновья Болат и Роллан

переехали жить в дом Ильяса, получили образование и стали достойными людьми.

Жизнь была в то время тяжелая, война ещё не кончилась, весь народ был измучен. Я был тогда подростком и учился в казахской школе г. Акмолинска. В моем дальнейшем становлении, как человека, а также в получении образования есть несомненная заслуга моего жезде Ильяса, за это я ему очень благодарен. В тот приезд Ильяс также посетил моего отца Хасена, тогда он жил в г. Акмолинске. Помню жезде приехал осенью, был одет по-простому, в поношенной рыжей шубе, слегка прихрамывал. Тогда в доме Хасена, старшего брата Хамзы, отца Диляры, жила семья эвакуированных во время войны из Украины. Хасен отдал этой семье лучшую деревянную часть дома, а сам с детьми жил в саманной пристройке. Пол был земляной, а посередине стоял обмазанный деревянный настил, который был выше от земли на полметра, на котором все ели и спали. Ильяс полулежал на этом настиле в своей шубе, т. к. не было ни стола ни стульев и разговаривал с Хасеном. В это время вошел глава эвакуированной семьи (он занимал пост директора “заготскота”) и как обычно начал учить уму разуму с высокомерием и пренебрежением, не замечая присутствующих. Ильяс молча слушал, потом, видимо, не выдержав вступился в защиту Хасена и буквально ошеломил этого зарвавшегося человека своим познанием сути вещей. Меня глубоко поразила его грамотность, убежденность, а главное, что он всем сердцем переживал за судьбу своего народа, тянувшего непомерную ношу всех тягот войны. Ильяс удивительно просто объяснил украинскому товарищу, что мы –казахи, терпим притеснение и неудобства из-за уважения к народу, терпящему лишения из-за войны, жертвуют всем, чем могут, вот отдали лучшую часть дома вам, а сами ютятся в мазанке. Жезде сказал, что надо все это ценить, а если не нравится, могут убираться. Я понял, что “борец за справедливость” не простит этот разговор, но и, конечно, это почувствовал и Ильяс.

Весной 1946 года умер Жусупбек, а летом я закончил 9 класс казахской школы. После службы в армии к нам приехал погостить брат Диляры Даникер. Он рассказал, что поступил в институт и если у меня есть желание он может помочь. Я сразу согласился. Даникер упросил наших отпустить меня учиться в Алма-Ату. Так я приехал в Алма-Ату и стал жить у моего жезде. Мне было всего 15 лет, я плохо знал русский язык, была карточная система. Послевоенное время в стране не хватало продуктов, в целом была тяжелая обстановка. Не была исключением и семья Ильяса, помимо меня на иждевении жезде была его жена Диляра, две дочери Раушан и Карлыгаш, мать Диляры Рабига, её сыновья Даникер, Болат и Роллан, а также племянник Ильяса Казкен. Вскоре я поступил на подготовительные курсы горно-металлургического института, благодаря, исключительно

помощи моего жезде. К сожалению, я не продолжил учебу и уехал домой, там я закончил среднюю школу. Но за время пребывания в Алма-Ате я получил большой урок жизни, огромный заряд культуры. Жезде часто подшучивал надо мной, что я зря пошел в технический вуз (в будущем я закончил в г. Москве МВТУ им. Баумана), что тебе надо идти по линии искусства. На то была своя причина. Как-то в Алма-Ате к жезде пришли гости и попросили меня спеть им какую-нибудь песню. Пришлось петь. Я спел им казахскую народную песню “Екі жирен”, всем понравилось мое исполнение. Жезде объяснил всем гостям, что я вырос в степи, часто помогал дедушке пасти скот и при этом всегда пел.

Затем, когда я уже учился в Москве, у меня также были две памятные встречи с жезде. Первый раз, когда Ильяс приезжал в 1948 году на дни декада казахской культуры в г. Москве, он был во главе делегации. Это была очень хорошая и радостная встреча. Второй раз наша встреча была при грустных обстоятельствах, жезде приезжает в Москву после тяжелого испытания в связи с его осуждением на заседание парткомиссии по поводу восстановления в партию. Это была, конечно, тяжелая встреча, у него не было денег, я постоянно был рядом и помогал, чем мог. Мы ходили в Союз писателей, Ильяс хотел получить рецензию на свою книгу. Он дал прочитать мне эту книгу, она была посвящена творческой дружбе деятелей культуры. К сожалению, эту книгу не напечатали, поскольку она касалась живых людей. Он несколько раз её переделывал, как он мне говорил, но все так и осталось. Мы много с жезде говорили о будущих планах, надежда и радость была в этих разговорах. Затем я посадил его на поезд следующий в Алма-Ату, о том, как он ехал в поезде написано в книге “Лодка, переплывающая океан”.

Я коснулся только нескольких эпизодов его личной жизни, которые наиболее запечатлелись в моей памяти. Об Ильясе Есенберлине я, конечно могу говорить без конца, потому что это был человек огромной души. Он навсегда останется в моей памяти как добрый и заботливый человек, который с огромным уважением относился ко всем окружающим его людям. Человек, самоотверженно любящий своих близких людей и мне кажется, что как и других он любил и меня, правда за что, я так и не узнал.

ОТЕЦ

Отец. Сейчас для меня это что-то очень далекое, но вместе с тем очень близкое и родное. Прошло уже очень много лет и образ его, кажется, стирается в моей памяти, но в то же время главное в нем я чувствую еще более отчетливо. Его мягкий и тихий голос, теплые и нежные руки, человек небольшого роста с большой головой и белыми, белыми волосами, черными глубокими глазами. Вот может все, что зрительно осталось от его образа во мне. Но я постоянно чувствую тепло его рук, тепло его души. Помню его бесконечное терпение и любовь ко мне, неразумному молодому человеку. Ларошфуко хорошо сказал, что “молодость — это горячка ума”, это точно про меня. Отцы и дети, извечный конфликт. И мы с отцом вначале почти не понимали друг друга. Моя душа искала приключений и удовольствий, а его мудрость и степенность фактически была мне не понятна, и где-то раздражала. Я внутренне чувствовал его любовь ко мне, но мировоззрение было разным. Потом лишь позже, когда я набил себе шишек, и жизнь стала показывать свое настоящее лицо, я все больше и больше стал его понимать. В молодости это было естественное чувство, что он мой отец, который дал мне жизнь, а затем все больше и больше любовь и понимание человека огромной внутренней силы. Этапы познания отца, его ума и сердца, от непонимания к сильной настоящей любви и восхищения его духовным миром, силой характера пришло как-то незаметно, хотя прошли годы.

Вспоминая его сейчас, я вижу наши длинные последние разговоры о жизни, его и моей, о смысле бытия. Вспоминая вехи жизни отца, передо мной, словно река, проплывает его трудная и сложная жизнь со своими разливами и водопадами. Его река благополучно приплыла к своему океану, он не променял свою жизнь на мелочи и суету, он сделал главное и это мы видим сейчас в его книгах.

Жизнь его начиналась очень трудно. Отец в возрасте девяти лет остался без родителей, без крыши над головой и без куска хлеба, прятаясь и живя под мостом вместе с другими сиротами. Его, фактически умирающего от холода и голода, подобрали во время коммунистического рейда и определили в детский дом. Это случилось как раз в день смерти Ленина, 21 января 1924 года. Об этом он помнил всегда, считая, что именно советская власть, коммунистическая партия спасла его, дала жизнь, образование, возможность раскрыть свой талант и стать писателем.

После учебы и воспитания в детском доме отец поступил учиться на рабфак, а после успешного окончания, еще совсем в молодом возрасте, его

направляют работать заместителем председателя райисполкома в Карсакапай. Это были тяжелые годы, когда голод и смерть были обычным явлением. Отец не любил вспоминать и рассказывать об этом периоде жизни, видимо, это была глубокая и незаживающая рана в его сердце, которая не давала ему покоя всю жизнь.

Перед войной отец поступает, а в 1940 году заканчивает Алма-Атинский горно-металлургический институт (впоследствии ставший политехническим) по специальности “горный инженер”.

Не успел он толком поработать по специальности, как началась война, и в первые же дни отца мобилизуют на фронт, там же он вступает в партию.

К концу 1943 года, уже будучи в звании капитана, отец был тяжело ранен и после годичного пребывания в госпитале возвращается в Алма-Ату, где сразу же был принят на работу заведующим сектором ЦК Компартии Казахстана.

Вскоре, в 1944 году, он знакомится со своей будущей женой, моей мамой — Дилярой Джусупбековой — дочерью “врага народа”, расстрелянного в 1937 году. Отец матери — Хамза Джусупбеков — был известным партийным деятелем, писателем, соратником С.Сейфуллина. Он первый перевел на казахский язык роман Н.Островского “Как закалялась сталь”.

Так отец вспоминал о встрече со своей первой и единственной любовью в жизни.

После тяжелого ранения в 1943 году его направляют на партийную работу в Алма-Ату. Однажды в оперном театре он случайно встречает девушку необычайной красоты. Девушка так его очаровала, что он сразу подошел и познакомился. Ее звали Диляра — она была дочь репрессированного партийного работника, как тогда назывались “враги народа”. Многие с Дилярой знакомились, но, узнав чья она дочь, быстро уходили. И чтобы долго не тянуть, она сразу Ильяссу сказала, чья она дочь. Но Ильяс не отступил, сказав, что “я Вас полюбил с первого взгляда, а чья вы дочь не имеет значения”. Диляра очень удивилась. Вскоре они поженились.

В этом выборе отца, мне кажется, началась новая точка отсчета всей его жизни. Он выбрал любовь. Это стало главным в его жизни.

Именно с тех пор, когда отец выбрал любовь, когда он пренебрег партийной дисциплиной и карьерой, его начинают преследовать и унижать.

Сначала его отстраняют от работы в ЦК и переводят в Госкомитет по радиовещанию, позже в Казгосфилармонию, затем два года он был без работы.

В 1950 году, в конце концов, против него возбуждают уголовное дело, связанное, якобы, с растратой денежных средств на декаде литературы и искусства, проходившей в Москве. Хотя всем окружающим были вполне понятны подлинные мотивы следствия, ему дают десять лет с правом

переписки и отправляют на верную смерть — строительство Каракумского канала. Зной, голод, болезни и невыносимый труд косили людей как траву. Отца спасло то, что он был горным инженером и вел ответственный участок — взрывные работы. До сих пор у нас дома сохранились выписки о постоянном перевыполнении им планов и норм выработки.

После смерти Сталина в 1953 году отца освобождают, реабилитируют, и они с матерью едут работать в Семипалатинскую область на рудники. И уже там он понял, что совершенно не может жить без литературного творчества, он был готов работать хоть кем, лишь бы писать и творить. Тем более, что еще во время войны он написал несколько поэтических произведений, и некоторые из них — поэмы и стихи — были впервые опубликованы в 1945 году.

Он с семьей приезжает в Алма-Ату и устраивается на должность рядового редактора в издательство художественной литературы. Там же он начинает писать первые книги в прозе, в том числе свой первый жизнеутверждающийся роман — “Песня о человеке”.

В то же время в отце постоянно зрела идея написания исторического романа, шел непрерывный процесс накопления и обработки исторического материала. Он посещал многочисленные архивы в разных городах страны, внимательно и кропотливо изучал первоисточники. И уже в 1965 году в творческом порыве буквально за три месяца, отец пишет первую книгу, “Кахар”, из своей знаменитой трилогии — “Кочевники”, которая затем была с большими трудностями издана в 1967 году. Надо сказать, что в те времена историческая тема всегда находилась под контролем партийных органов, так как история была составной частью коммунистической идеологии. Поэтому книгу, как и автора, стали “пытать” на различных партийных заседаниях, в те времена появились и первые завистники, и противники книги.

Но, несмотря на это, отец все же дописывает остальные части трилогии и издает вначале журнальный вариант, а затем уже и целиком — всю книгу под общим названием “Кочевники”.

Осознавая необходимость исторического просвещения молодежи, отец добивался, чтобы его роман “Кочевники” был включен в учебную программу школ как произведение для дополнительного чтения. В общем-то, он Ленинскую премию рассматривал как средство для продвижения книги, для популяризации исторической правды. Он хотел, чтобы казахи побольше узнали о себе и о своей истории.

Надо сказать, что в целом он добился своего, многие люди из поколений 70—80-х годов читали роман “Кочевники” и особенно — русскоязычные казахи, отличающиеся своим стремлением восполнить свои знания о казахах и их жизни, и, может быть, носящие в своих сердцах какую-то

особенную боль и страдания от исторических причин, приведших их к незнанию родного языка.

Надо сказать, что отец много писал и на современные темы, ощущая тесную связь между прошлым и настоящим. У нас часто были разговоры о Магжане Жумабаеве, о его значении как литератора и общественного деятеля. Это также касается и многих других наших известных сограждан, которых он знал лично, знал их семьи, восхищался их жизнями, их судьбой, их вкладом.

Работал отец очень много, по 12 часов в сутки. Его удивительная работоспособность позволила ему написать большое количество объемных книг, 30—40 сценариев к фильмам, столько же пьес, он отредактировал огромное количество книг. Помимо этого отец очень любил и знал казахский фольклор, с удовольствием читал мировую литературную классику. Он с огромной любовью рисовал, особенно лошадей, считая их самыми грациозными существами на земле.

Вообще, на мой взгляд, он был одаренным человеком, хотя довольно скромно оценивал свои способности. Он мог бы стать и большими ученым в какой-нибудь технической сфере, как, например, его родной брат Равнак Есенберлин (профессор, доктор технических наук).

Удивительная любовь к своему брату связывала на протяжении всей его жизни. Они помогали выстоять друг другу. Так, в период, когда отец был в заключение, а затем без работы (фактически 10 лет) единственный человек, который ежемесячно присылал деньги, был брат Равнак. Но главное, конечно, не материальная помощь, а духовная поддержка, единство во взглядах, стремление всегда придти на помощь. Огромная любовь двух людей — Ильяса и Равнака, ярко проявилась в переписке, которая длилась более пятидесяти лет. Эти письма ярко свидетельствуют о настоящей братской любви, долге, заботе друг о друге.

Для меня отец сыграл огромную роль в моей жизни. И если говорить более точнее, по сей день его образ во мне.

Он был мне не просто отцом, а одновременно учителем и другом.

Отец всегда находил время поговорить — побеседовать со мной. Это была необъяснимая тесная духовная связь, я воспринимал его как бы всем своим сердцем, даже если мы просто молча сидели рядом.

У него было обостренное чувство справедливости, и он всегда меня учил: что бы ни происходило в твоей жизни, ты всегда должен поступать справедливо.

Мы часто беседовали с ним на самые разнообразные темы: о политике, о мировой и русской литературе, в целом о жизни. И при этом он всегда старался направить мой взгляд на все эти вещи через призму высокой морали и порядочности. Тем самым он как бы помогал мне выстраивать мое мировоззрение.

По характеру он был очень жизнелюбивым и оптимистичным человеком. Его отличала доброта и мягкость, но за мягкостью стоял характер с твердостью стали, и отсюда — огромное терпение и работоспособность. В общении с людьми он не повышал голоса, говорил мягко, редко говорил с кем-то на повышенных тонах.

Я всегда чувствовал, что у отца постоянно болело сердце за свой народ, он его не жалел, он его по-настоящему любил. Это я видел и ощущал.

В последний день его жизни я принес к нему в больницу только что изданный пятитомник его произведений, он этому очень радовался, мы надеялись... но пятого октября 1983 года он умирает от разрыва сердца...

Трудно передать словами, что я, моя мать и мои сестры пережили тогда, но сейчас, по прошествии времени, я по-прежнему ощущаю тепло его рук, его любовь. Хотя кое — что уже стирается из памяти, но во многом я понимаю его все больше и больше.

Главной чертой отца была его огромная любовь. Честно говоря, мне в жизни не доводилось видеть человека, до такой степени любившего людей.

Прошло уже почти 20 лет как его нет с нами, но образ его не меркнет в моей памяти, и сердце с каждым днем заполняется все больше уверенностью о нашей радостной встрече в Новом мире.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	2
Мысли и изречения	5

ЧАСТЬ I

ПИСЬМА. ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ И РАДИО. ТЕКСТЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА СЪЕЗДЕ. РЕЦЕНЗИИ

Письмо Кунаеву Д. А.	75
Выступление на Союзе Писателей Казахстана 1981 г.	77
Тезисы выступления на съезде Союза Писателей Казахстана ...	79
Стеннограмма передачи республиканского телевидения (1980 г.) «Сухбат» о творчестве писателя Ильса Есенберлина	81
Стеннограмма передачи Казахского радио «творческий портрет И. Есенберлина»	92
Ответ на рецензию по книге «Золотая Орда»	95
Переписка	97
Родословная	102
Абу Насыр Мухамед Аль-Фараби	103

ЧАСТЬ II

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ ОБ ИЛЬЯСЕ ЕСЕНБЕРЛИНЕ

Нурсултан Назарбаев	118
Динмухаммед Кунаев. Бессмертие	120
Ануар Алимжанов. Последняя встреча или уроки И. Есенберлина	123
Азильхан Нуршаихов. Трилогия «Кочевники» — достояние нации	129
Мухтар Магауин. Реализованный талант	134
Кабдеш Жумадилов. Властитель исторической памяти	137
Бекежан Тлегенов. Тайный тихого омута	141
Манаш Козыбаев. Святой Хан Кене Казахской литературы	159
Равнак Есенберлин. Мой главный человек	161
Павел Косенко. Силуэт по памяти	193

Геннадий Кругляков. Слово об Ильясе Есенберлине	199
Бектас Ахметов. Это было недавно.....	202
Турсын Журтбаев. Выбравший свою дорогу	215
Сейдкасым Куттыкадам. Лодка, так и не переплывшая океан.....	219
Козыкорпеш Есенберлин. Почему «Кочевники» не получили лененскую премию	231
Нургожа Ораз. Успех творчества в смелости писателя	237
Равнак Есенберлин. Как осудили моего брата	241
Алдан Аимбетов. Писатель, гражданин, патриот.....	244
Ахмет Дюсенбаев. Певец Великой Степи	248
Амантай Ахметов. Возвращение памяти	255
Ахмет Дюсенбаев. Знаток кочевой цивилизации	261
Жанайдар Хасенов. Жезде	268
Козыкорпеш Есенберлин. Отец	271

Сдано в набор 14.02.2001 г. Подписано в печать 2.04.2001 г. Формат 70x100 $\frac{1}{16}$.
Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman Cyr». Объем 17,5
Тираж 10 000. Заказ № 282.
ТОО «Типография оперативной печати». 480016, г. Алматы, ул. Д. Кунаева, 15/1.

Замеченные опечатки

Напечатано	Следует читать	Где
спрведливо	справедливо	66 стр 12 строка сверху
Сакеном	Саином	96 стр надпись под фото
Тайный	Тайны	143 стр 1 строка сверху
Шакарам	Шакарим	144 стр 11 строка снизу
Есеналиев	Исиналиев	144 стр 15 строка сверху
Сеидкасым	Сеидахмед	221 стр 1 строка сверху
Ахметов	Ахетов	257 стр 1 строка сверху
лененская	Ленинская	279 стр 6 строка сверху
Сеидкасым	Сеидахмет	279 стр 4 строка сверху